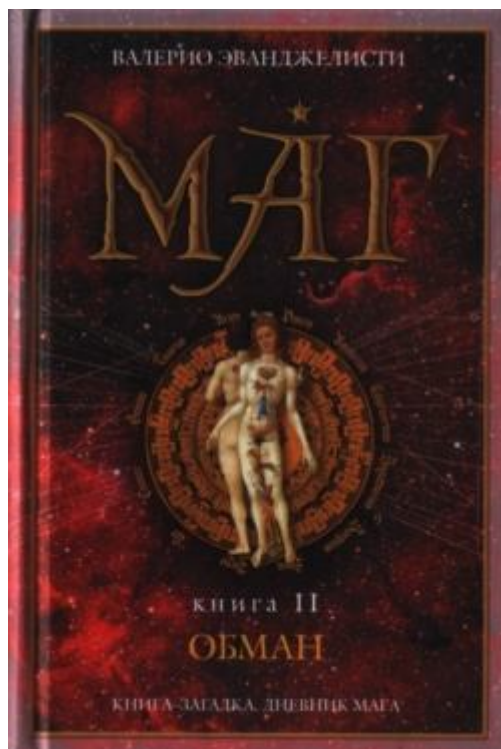

Валерио Эванджелисти Обман

Маг – 2

Скан — kejtєn, вычитка — Юрчик Библиотека Старого Чародея
«Маг. В 3 книгах. Книга 2. Обман»: Эксмо, Домино; М., СПб.; 2008
ISBN 978-5-699-31657-1

Аннотация

XVI век. В Европе бесчинствуют четыре всадника Апокалипсиса, неся с собой ужасы войны, чумы, голода и братоубийственной ненависти. Кажется, что грядет конец света.

И только Мишель Нострадамус знает, сколько еще испытаний выпадет на долю человечества. Его имя окружено пеленой тайны. Он видит сквозь барьеры времени, предсказания его с пугающей точностью сбываются и в XXI веке.

«Обман» — вторая книга романа В. Эванджелисти «Маг», в которой пророк Мишель Нострадамус обретает всеевропейскую славу. Его окружают могущественные друзья и не менее влиятельные враги. Его преследуют князья церкви и инквизиция. Нострадамусу надо проявлять предельную осторожность, чтобы избежать обвинений в ереси и в том, что он общается с существами из потустороннего мира.

Поможет ли ему его чудесный и злоеущий дар?

Валерио Эванджелисти Обман

АБРАЗАКС. ВОРОНКА

Станный, изменчивый запах распространялся кругом, тревожа обоняние, но не раздражая. Он подчеркивал чужеродность мира, расположенного на восьмом небе, и

вызывал неясную тревогу.

Звезды, висящие над пустыней из скал и прозрачного песка, распростершейся по краю бездны, начали двигаться все быстрее и быстрее, оставляя в ледяном незнакомом небе молочно-белые полосы. Двое мужчин и женщина, сопровождавшие Нострадамуса, следили за этим звездным танцем со смешанным чувством зачарованности и страха. Видимо, они ожидали космической катастрофы невиданных масштабов. Из песка то тут, то там высывались чешуйчатые хвосты: причудливые обитатели планеты зарылись в землю, чего-то опасаясь.

Прорицатель почувствовал смятение своих спутников и постарался их успокоить.

— Такие миры — новость для вас, но не для меня. Положитесь на мой опыт, и с вами ничего не случится.

Женщина истерически расхохоталась, не замечая, что смех ее похож скорее на рыдание.

— Положиться на вас? Вы слишком многого от нас хотите. Ведь мы всю жизнь стремились вас уничтожить.

Красота ее на миг померкла.

Лицо Нострадамуса исказила гримаса, отдаленно похожая на улыбку.

— Уже сам факт, герцогиня, что вы можете наблюдать собственную жизнь со стороны, говорит о том, что вы находитесь в незнакомом измерении. Но оно знакомо мне. Вам придется смириться со мной в роли проводника.

Молодой священник сказал с горячностью:

— Отпустите нас. Дайте нам умереть. Что бы ни было у вас на уме, мы не сможем вам помочь.

— Напротив.

Нострадамус на миг отвлекся, следя за конвульсивным бегом звезд. Теперь небо превратилось в мерцающий клубок немыслимых траекторий. Стояло полнейшее безмолвие. Чтобы отогнать видение, пророку пришлось опустить глаза.

— Тот из вас, кто еще жил, когда я записывал свои пророчества, знает, что одно из них стало решающим.

— Я был уже мертв, но знаю, что именно вы написали после моей казни, — заметил человек в черном плаще, с опаской поглядывая, как дрожит и вспучивается песок у него под ногами. — О каких строках вы говорите?

— Об этих.

Нострадамус поднес руку ко лбу и разгладил брови указательным и большим пальцами. Потом склонил голову и прочел:

L'an mil neuf cens nonante neuf sept mois,
Du ciel viendra un grand Roy d'effrayeur:
Resusciter le grand Roy d'Angolmois:
Avant, aprf?s Mars regner par bon heur.

В год 1999-й, в месяц седьмой,
С небес спустится великий Владыка Ужаса,
Он воскресит великого Короля Анголмуа,
И до и после Марса будет править счастливо¹.

Юный священник презрительно махнул рукой.

— Ложное пророчество. Вы на земле были обманщиком, остались шарлатаном и здесь.

¹ Катрен LXXII, центурия X. Перевод Л. Здановича.

Человек в черном плаще тряхнул головой.

— Он не шарлатан, он колдун. Слуга дьявола, который владеет ключами от ада.

— Шарлатан или колдун — а строки понять невозможно, — вмешалась дама, враждебно глядя на Нострадамуса, — Что это за Владыка Ужаса, который спустится с неба в июле тысяча девятьсот девяносто девятого года?

— В июле по юлианскому календарю или в августе по грегорианскому, — поправил ее пророк. — Точнее, двадцать девятого июля по одному календарю и одиннадцатого августа по другому. В том мире, откуда мы явились и где все подчинено законам времени, в тот день омрачатся небеса. Тьма покроет и север Европы, и другие земли. Руан и Реймс, Монако и Зальцбург погрузятся во мрак. Этим и воспользуется Владыка Ужаса, чтобы спуститься к людям и создать царство Марса, выдавая войну за дорогу к счастью.

— Вы говорите о будущем... Значит, здесь тоже существует время.

— Нет, я просто пользуюсь теми понятиями, которыми пользовались в мою эпоху. На самом деле год тысяча девятьсот девяносто девятый существует только на земле. Здесь его никогда не было и не будет. В астральном измерении время не движется. Двигается только пространство.

Нострадамус указал на звездные траектории, которые сплетались над их головами в немыслимые узоры, заполняя небо.

— Оттуда и явится Владыка Ужаса, чтобы протянуть безвременье в тот мир, где время существует...

— Вы богохульствуете! — гневно перебил его человек в черном плаще. — Таким могуществом обладает только Бог.

— Или тот, кому удалось удержаться в измерении, сходном с измерением Бога, — поправил его Нострадамус. Голос его опечалился. — Поглядите вокруг. Поглядите, куда мы попали. Он правит здесь, в царстве Абразакса. Он может к вам приблизиться, ему все подвластно. Если ему удастся наложить эту сферу на сферу человечества, на земле наступит эра безумия. Начала и концы, причины и следствия перемешаются. Этого ему и надо: стать богом, и богом жестоким.

— Бог истинный этого не допустит, — сказал юный священник.

Нострадамус вздохнул.

— Господь даровал людям свободу выбора, как показал Эразм Роттердамский. То, что мы видим перед собой, было некогда человеческим существом.

Человек в черном плаще на этот раз был поражен:

— Кажется, я понял. Это тот, кого вы любили и боялись больше всех: Ульрих из Майнца. И он жив.

— Да, он жив. И он здесь.

— И вы вызвали нас, чтобы мы его победили? Да или нет?

— Вы совершили ошибку, борясь со мной и полагая, что я его сообщник. Теперь у вас есть шанс эту ошибку исправить и спасти ваши души. Мы можем предотвратить события одиннадцатого августа тысяча девятьсот девяносто девятого года. Я так думаю.

В то время как разворачивался этот разговор, пляска звезд стала неистовой. Их траектории начали скручиваться, образуя что-то вроде чудовищной воронки. На дне ее зияла тьма чернее вселенской.

— Воронка, — объявил Нострадамус.

Женщина прижала руки к груди, сразу растеряв все свое самообладание.

— И оттуда сейчас появится Ульрих, Владыка Ужаса?

— Нет, всего лишь его посланник, — сказал пророк. — Приготовьтесь к страшному видению. Я прожил с ним почти всю жизнь.

Из глубины воронки ему ответил хриплый, гнусный смехок. Из песка выпросталась черная саранча и взлетела, шуриша прозрачными крыльями.

А потом появился Парпалус.

ДОЖДЬ В ЭКСЕ

Та, что была некогда Катериной Чибо-Варано, гордой герцогиней Камерино, голая и окровавленная, лежала под дождем в одном из закоулков за стенами Экса. Пока ее жестоко секли на каждом перекрестке, она ни разу не потеряла сознания, хотя спина быстро превратилась в сплошное месиво. Она плакала только поначалу, а потом глаза высохли, наверное, от боли, которая притупила все ощущения, и тело уже ничего не чувствовало. Тело, но не разум.

Ненужная ясность рассудка заставила ее пройти все стадии собственного унижения, не дав убежища ни в безумии, ни в обмороке. Председатель городского парламента Мейнье д'Оппед приказал солдатам и черни воздерживаться от непристойностей в отношении наказуемой, но все остальное она вытерпела сполна. Ей вырывали волосы, били камнями и палками, секли кнутом. В довершение всего, когда она, задыхаясь, упала в грязь, несколько крестьян помочились на нее сверху. Парадоксально, но именно они ее и спасли. Похоже, эта терпкая жидкость промыла раны и не дала распространиться инфекции. Увидев, что она жива, и не осмеливаясь отдать приказ ее добить, Мейнье велел выбросить ее за городскую стену.

— Все равно долго не протянет, — заявил магистрат. — Поглядите, это бесформенный мешок костей, покрытый кровью и грязью. Она больше никому не причинит зла. Скорее всего, уплывет вместе с трупами с размытых кладбищ.

Утопая в грязи, Катерина слабо пошевелила руками, ища, за что бы зацепиться, но опоры не было. Избитая и исхлестанная до бедер спина начала обретать чувствительность, и боль была такой жгучей, как будто с нее содрали кожу. Вдобавок ко всем мучениям по лопаткам невыносимо больно била струя нечистот, стекавших с крыши лачуги, под которую ее бросили.

Экс, как и Авиньон и Марсель, славился своей грязью. Здесь не было специальных канав для нечистот, и жители справляли естественные нужды прямо на крышах домов. Поэтому, когда шел дождь, вонючая жидкость обильно лилась с карнизов, что, видимо, и вызвало к жизни пословицу: «A Aix il pleut comme merde» («В Эксе дождик что дерьмо»). Ясно, что изуродованное тело герцогини Чибо-Варано не случайно бросили именно под такую крышу: в этом заключалось особое унижение.

Уже почти теряя сознание, Катерина почувствовала, как ее кто-то трогает и переворачивает. Она попыталась открыть глаза, но чуть приоткрылся только один. Она с трудом различила склонившуюся над ней темную фигуру, но больше ничего разглядеть не смогла. Только по голосу, с тревогой зашептавшему ей на ухо, она поняла, кто это.

— Мама, мама, не бойтесь. Это я, вокруг больше никого нет. Вот увидите, мы справимся, вы всего лишь ранены.

Джулия! В помутившемся сознании Катерины всплыл образ дочери. Она увидела ее совсем маленькой, одиннадцатилетней. Тогда ее отдали в жены жестокому извращенцу Гвидобальдо делла Ровере, чтобы сохранить права Чибо-Варано на Камерино. Потом, после развода и опалы, она была рядом с матерью во всех скитаниях по Европе в поисках города, где никто не стал бы ими интересоваться и не вспомнил бы об отлучении. А потом они ввязались в авантюру с мерзким инквизитором Молинасом, которому она предлагала дочь для удовлетворения страстных порывов, по счастью платонических.

Молинас: это было второе отчетливое воспоминание. Мрачный человек, который, может, и любил ее, теперь превратился в кучку пепла и костей, сгоревших на костре в Эксе. Лучше уж такая участь, чем унижение, выпавшее на ее долю. Ну почему наказания, которым подвергают мужчин, всегда менее унижительны?

— Мама, я попытаюсь вытащить вас из грязи. Я приподниму вас немного, чтобы завернуть в плащ. Будет больно, но вы потерпите, ведь надо вас вытащить.

Катерина уже почти ничего не чувствовала: сознание, перейдя за грань боли, блуждало

у грани безумия. Она позволила дочери поднять себя за руки, но ощутила только легкое прикосновение. Сколько прошло времени, она не знала, но струя нечистот, бывшая по лопаткам, перестала ее мучить. Теперь на нее падал легкий и приятный, как одеяло, дождик.

Она этот дождик чувствовала, значит, чувствительность восстановилась, но вместе с ней вернулась и боль. Катерина принялась кричать и плакать. Однако всем своим естеством она понимала, что если боль не прекращается, значит, она правильно реагирует на то, что с ней происходит. Боль означала жизнь. И, ощутив ее в полной мере, она тут же потеряла сознание.

Придя в себя, герцогиня обнаружила, что к ней вернулось зрение, правда, глаза застилали слезы. Она все еще была голая и сидела, прислонясь к стене. Джулия хлопотала вокруг, стараясь укрыть ее своим промокшим плащом. Исклестанную и располосованную кнутом кожу, как ножом, резал холод и бередил ветер. Но она была жива и в сознании. Это сулило надежду.

После многократных усилий ей наконец удалось выдавить из себя:

— Но ты... ты вся промокла.

Джулия разрыдалась, продолжая накрывать мать плащом.

— Обо мне не беспокойтесь, — прошептала она сквозь слезы.

Катерина завернулась в мягкие складки бархата, не обращая внимания на пропитавшую его воду. Однако перед тем она все-таки чуть приподняла край плаща и посмотрела на свое тело. Чтобы вынести это зрелище, понадобились силы.

Тело было все в крови, по большей части уже запекшейся. Спину увидеть она не могла, хотя догадывалась, что там — сплошная рана. Больше всего досталось торсу и пахам: видимо, кончик кнута, оборачиваясь вокруг бедер, при каждом ударе сдирал кожу. Грудь, полная и свежая, несмотря на возраст Катерины, чудом избежала кнута: на ней осталось всего несколько поверхностных царапин, что заставило хозяйку вдохнуть с облегчением. Во время бичевания она боялась, что ей отрежут груди, как часто поступали не только с ведьмами, но и с женами пекарей, которые подмешивали в хлеб не то, что надо. Но грудь осталась при ней, все такая же высокая и не тронутая никаким орудием казни. И она внушала надежду, что утраченная красота возродится.

— Наверное, у меня лихорадка, — сказала она, завернувшись в плащ и покашливая, — Джулия, как ты думаешь, можно ли найти врача?

— Нет, — ответила девушка, — все врачи Экса заняты чумной эпидемией. И потом, никто из них не согласится нам помочь после тех обвинений, что выдвинули против вас.

От резкой боли глаза Катерины снова заволокло слезами. Из горла послышалось какое-то бульканье, которое не сразу стало словами:

— Надо справляться самим. Сможешь меня поднять?

— Не думаю. Мне с трудом удалось вас сюда оттащить, а поднять наверняка сил не хватит.

— Тогда попробую встать сама. Дай мне несколько минут.

Катерина глубоко вдохнула и уперлась лопатками в стену. При первом же движении губы ее раскрылись в беззвучном крике. Она снова попробовала подняться, стараясь не замечать боли, которая опять увела ее за грань сознания.

Наконец, собрав все силы, оставшиеся в ногах, она оперлась о стену и медленно выпрямилась: Венера, рожденная грязью. Потом снова упала и снова выпрямилась, поднявшись на ноги и пересиливая головокружение, готовое опять свалить ее.

В этот миг из-за угла показалась раззолоченная и разукрашенная, хоть и вся в грязи, двуколка. Пассажир увидел женщин и высунулся отдать кучеру, защищенному от дождя козырьком, приказ остановиться.

Испуганная Джулия вскочила, заслонив собой мать. Пассажир, несомненно, заметил ее испуг, но и бровью не повел.

— Вас-то я и искал. Вижу, что вы пока живы, — скачал он, оглядев герцогиню, и вышел из двуколки, не обращая внимания на грязь. — Надо посадить ее, — обратился он к

Джулии, — Если можете, дайте мне руку.

Сердце у нее колотилось, но Джулия помогала незнакомцу подсадить мать, поддерживая ее за плечи и следя, чтобы она была укрыта плащом. Когда герцогиню поднимали, кучеру пришлось сойти с облучка и помогать. Наконец, общими усилиями и с божьей помощью, мокрые и перепачканные, герцогиня и Джулия оказались внутри двуколки.

Кучер захлопнул дверцу и застыл перед окном.

— Куда прикажете отвезти?

Незнакомец посмотрел на Джулию:

— Вам есть куда ехать?

Джулия совсем смутилась и отрицательно затрясла головой.

— Тогда вези домой, — решительно приказал он кучеру, — в Сен-Реми.

Катерина была в лихорадке, и ей все не удавалось целиком осмыслить происходящее. Она смутно различала правильные черты лица сидящего перед ней смуглолицего человека в черной одежде. На вид ему было не больше сорока, и цвет лица делал его на редкость привлекательным. Герцогиня невольно поднесла руку к своим белокурым волосам, в беспорядке падавшим на плечи. Движение причинило острую боль. Она уронила руку и без всякого сопротивления позволила незнакомцу приподнять плащ.

Зато Джулия оказала сопротивление за двоих и закрыла мать своим телом. Незнакомец осторожно тронул ее за плечо.

— Я не хочу причинить ей зло. Мне нужно взглянуть, в каком она состоянии. Я аптекарь и кое-что в этом смысле. Меня зовут Жозеф Тюрель Меркюрэн, у меня аптеки в Эксе и Сен-Реми. — Он улыбнулся. — У меня такая темная кожа, потому что я родился в Гвиане, но я француз.

Джулия отодвинулась, и аптекарь взглядом профессионала осмотрел раны на груди Катерины. Потом наклонил ее вперед и сдернул плащ с ее плеч. Герцогиня содрогнулась от боли, но смутно поняла, что ей хотят помочь. Слова, которые произнес Меркюрэн, заканчивая осмотр, не слишком ее обидели:

— Не воображайте, что я вам обоим симпатизирую. — Улыбка сбежала с лица аптекаря, а голос стал резким, почти злым. — Я ничего не знаю о девушке, хотя, полагаю, это ваша дочь. Сами же вы — худшая из убийц. Вас тоже надо было сжечь, как и то чудовище, что вас сопровождало.

Продолжая говорить, Меркюрэн открыл полотняную сумку и вытащил оттуда склянку. Открыв крышку, он зачерпнул пальцем темную массу с резким запахом и начал втирать ее в израненную спину герцогини. Катерина вскрикнула.

— Сидите спокойно! — прикрикнул он, — Я уже сказал, что вы заслужили худших мук.

— Тогда зачем вы мне помогаете? — хрипло прошептала Катерина.

— У меня на то свои причины. К тому же я дурак и посочувствовал вам.

Руки аптекаря двигались проворно, легкими движениями массируя ей спину.

— Но не думайте, что я оставлю вас на свободе: в Сен-Реми я определю вас в монастырь. Там вы и проведете остаток своих дней в покаянии.

Катерина снова вздрогнула. К этому человеку она испытывала необъяснимую ненависть. Ее возмутило не то, что ее запрут в монастырь, а то, что Меркюрэн ей посочувствовал. Она легко сносила чужую ненависть и гнев, но не терпела, когда ее жалели. Она внезапно осознала унижительность своего положения: на коленях у этого человека, вниз головой, с голой спиной и задом, как только что отшлепанная девчонка. Надо было терпеть, если она хотела, чтобы ее вылечили, но за это унижение она ему еще оплатит. Что же до монастыря, то нет такой клетки, из которой предприимчивый человек не смог бы сбежать.

Гнев, охвативший ее, приглушил и боль, и все остальные чувства. Сквозь назойливый шум в ушах до нее донесся внезапный крик Джулии:

— Господи, мы въезжаем в преисподнюю!

Невеселый смешок Меркюрена тоже с трудом пробился сквозь барабанные перепонки герцогини:

— В каком-то смысле вы правы, мадемуазель. Мы и вправду въезжаем в ад. Тела, что плавают по затопленным полям, — это трупы, вымытые водой из кладбищенской земли. С тех пор как идут непрерывные дожди, в окрестностях Экса это обычное зрелище. К счастью, дорога немного приподнята и трупы не попадают нам в колеса.

Аптекарь закончил растирание, положил баночку с мазью обратно в сумку, накрыл герцогиню плащом и помог ей приподняться.

Все тело Катерины горело. На миг она разглядела в окне хмурое небо, по которому неслись низкие темные облака. Внизу, до самой горной цепи на горизонте, простиралась мокрая серая равнина, на которой кое-где возвышались дома, деревья и холмы. В потоках воды плавали беловатые раздутые тела, а иногда и фрагменты тел, то поодиночке, то сбиваясь в чудовищные скопления. Казалось, толпа мертвых тел, повинувшись таинственному зову, неестественно медленно движется к тайному месту встречи.

Катерина оперлась о спинку сиденья и сразу потеряла сознание от нечеловеческой боли.

Неизвестно, сколько времени прошло, пока она пришла в себя. Дождь перестал, бледное солнце закатывалось за край покрытой оливковыми рощами долины. По небу неслись обрывки облаков, подсвеченные по краям красным. Вокруг долины громоздились скалистые горы довольно внушительных размеров, почти все с белыми вершинами.

Катерина пришла в себя сразу, и тут же вернулась боль. Но боль глухая, не идущая ни в какое сравнение с той, что была раньше. У нее хватило присутствия духа не открыть глаза сразу, а из-под полуприкрытых век украдкой рассмотреть внутренность экипажа. Джулия мирно спала напротив нее, а Меркюрен, сидя рядом, любовался в окно вечерним пейзажем.

Вся ненависть к человеку, который видел ее в таком жалком состоянии, вернулась в одночасье. Если бы у нее был кинжал, она бы заколола его, как хозяина дома в Апте. Но оружия под рукой не было, да и нельзя было позволять себе безумные выходки. Герцогиня жалобно застонала.

— Где мы? — спросила она нарочито слабым голосом.

Меркюрен резко обернулся. Красивый, оценила Катерина, мужественный, энергичный, нервный. Она знала, что в эту эпоху многие женщины, лишённые уверенности в себе, предпочитали женоподобных мужчин с мягкими чертами. Но только не она. Ей даже похожий на мертвеца Молинас казался красивым, а Меркюрен был куда привлекательнее. Так что ее ненависть имела достойный объект, и можно было надеяться, что борьба пойдет на равных.

— Мы почти приехали в Сен-Реми, — ответил аптекарь. — Но вы в город не войдете. Монастырь, который вас ожидает, находится за его стенами.

— Монастырь сестер-затворниц, если не ошибаюсь.

Губы Меркюрена скривились в усмешке скорее горькой, чем сардонической.

Не такой я дурак, чтобы поручить вас женщинам. Монахи монастыря Сен Поль де Мансоль скроют вас в потайных подземельях, ибо вы женщина. Среди них немало прекрасных экзорцистов², которые вами займутся. Не воображайте себе, что я собираюсь сделать из вас монахиню...

Боль снова начала сводить тело.

— А моя дочь?

— Займется, чем захочет. Доказательств ее вины нет.

— Да кто вы такой, чтобы выносить приговоры?

— Никто. Но я принадлежу к членам парламента Сен-Реми, и граф Танде, Клод Савойский, — мой друг. А он — правитель и сенешаль Прованса.

² Экзорцист — специалист по изгнанию злых духов. (Прим. перев.)

Тут Меркюрен немного смягчил голос:

— Ничего, мадам. Считайте, что я спас вам жизнь и к тому же немного облегчил ваши страдания. В Сен Поле обитают любезные и заботливые августинцы. Что до меня, то я буду часто вас навещать и лечить. И не исключено, что в один прекрасный день, если вы одумаетесь и исправитесь, вам вернут свободу.

Катерина чувствовала себя намного лучше. Зрение полностью вернулось, жгучая боль в спине утихла. Похоже, лихорадка тоже отступила, хотя волны озноба еще прокатывались по телу. Она вся сжалась под плащом.

— Не понимаю, зачем вы все это делаете и почему ко мне такой интерес, — пробормотала она.

— Я же уже сказал, что у меня на то свои причины, — загадочно ответил Меркюрен.

Чуть позже двуколка, проехав мимо высокого римского мавзолея, остановилась перед маленькой квадратной колокольной, прилепившейся к монастырской стене. Детали построек тонули в наступающей темноте. Меркюрен критически оглядел герцогиню.

— Вам нельзя выходить в таком виде, вы почти голая. Аббат Ришар вас не примет. Пойду поищу, что бы вам на себя накинуть.

Катерина подождала, пока аптекарь выйдет из повозки, и растолкала Джулию, которая еще спала. Девушка с трудом открыла глаза.

— Мама, как вы себя чувствуете? — сразу спросила она.

— Хорошо, обо мне не беспокойся, — возбужденно прошептала герцогиня, — Послушай, они хотят запереть нас в монастыре. Причем, насколько я поняла, ты сможешь выходить. Стань моими глазами и моими руками и выполняй все, что они тебе прикажут. Поняла?

— Да. Я ведь всегда вас слушалась.

— Молодец. Не знаю, когда смогу дать тебе другие задания, но пока походи по городу, собери сведения о наиболее заметных семьях, приглядишься к почтовой службе, постарайся понять, какие у них намерения относительно меня. И как только представится возможность, войди в контакт с епископом Торнабуони. Ясно?

— Ясно. Но где мы находимся?

— В Сен-Реми, на родине Мишеля де Нотрдама, убийцы Диего. Думаю, это не случайно. Всякий раз, каковы бы ни были их планы, наши враги недооценивают мои силы. Нотрдам дорого заплатит за свое преступление.

Джулия смотрела на мать с удивлением и восхищением.

— И в таком состоянии вы уже думаете о мести!

— Месть — самый действенный бальзам.

Из монастыря вышли несколько темных фигур с факелами в руках. Катерина зашептала еще быстрее:

— Перед смертью Диего крикнул: «Я вернусь!» Он имел в виду не себя. Он смотрел на меня, и это был приказ мне. Во мне он и вернется. Я завершу его миссию, чего бы это ни стоило, и сдам инквизиции Испании банду колдунов, к которой принадлежит Нотрдам.

Меркюрен в окружении монахов подошел к экипажу с перекинутой через руку рясой. Когда он уже взялся рукой за дверцу, Катерина прибавила:

— И этот тоже дорого заплатит. Все заплатят.

Боль от ран почти утихла.

БОЙНЯ

— Милости прошу, Нотрдам, — пригласил его войти падре Пьетро Джелидо, эмиссар папского легата в Авиньоне и правая рука Мейнье д'Оппеда среди крестоносцев Люберона.

Он отогнул полог самой большой палатки.

— Господин Пулен еще не пришел, но обед уже на столе.

Мишель, пригrevшийся на солнышке, сидя на краю скалы, нехотя поднялся. Стояла

еще весна, но жарко было как летом. После опустошительных проливных дождей осени и зимы 1544 года весна 1545-го сулила мягкую погоду и ясное небо. Но отнюдь не мягкий климат царил в лагере, который разбили к югу от Апта люди Антуана Эскалена по прозвищу Пулен³, барона де ла Гарда, капитана средиземноморских галер.

Мишелю не понадобилось много времени, чтобы понять, что так называемые крестоносцы, набранные бароном, состояли наполовину из искателей приключений, наполовину из мерзавцев и мошенников. Самые известные и свирепые из рыцарей большой дороги явились, чтобы предложить свои шпаги: Вожуэн, Лабе, Бодуэн и прочие. Что же до войска, то там всего хватало: от невежественных и фанатичных крестьян до нищих, завербовавшихся с отчаяния, от профессиональных грабителей до алчных бродяг с преступными замыслами в голове. От этих темных личностей немногим отличались раскаявшиеся еретики и неопиты-евреи, озабоченные только тем, как бы оправдаться в глазах инквизиции и властей, как светских, так и церковных. Все остальные шли за деньгами, женщинами, славой, а в патологических случаях — за возможностью насилия.

Мишелю не раз приходилось стыдиться своих однополчан: в ожидании военных действий против вальденсов они грабили местных крестьян. Таким образом, в зоне, опустошенной чумой, прибавилась еще одна беда. Капитан Пулен и вице-легат Тривулько, вместе с Мейнье спонсировавший этот Крестовый поход, давно запланированный церковью, с трудом контролировали ситуацию.

Мишель расценивал свое присутствие в банде как назначенное судьбой или небом наказание, чтобы дать ему возможность очиститься и начать новую жизнь. Воспоминания о Магдалене и детях тяжким грузом давили на сердце и со временем становились все мучительнее. Он делал над собой невероятное усилие, занимаясь своими малодостойными пациентами, страдавшими золотухой, глистами, чесоткой, лихорадкой и legionnaires паразитов.

В награду за услуги Мишель был единственным волонтером, допущенным к трапезам барона и его офицеров. Их компания, несмотря на вульгарность и грубость, все же выгодно отличалась от войсковой. Пулен так и вовсе был личностью занятой, а сорвиголова Бодуэн, командовавший рекрутами из Сен-Реми, знал городок как свои пять пальцев. С ними Мишель время от времени перекидывался парой слов. Но терпеть остальных, и в особенности кардинала Тривулько с его тупым фанатизмом, Мишелю помогала только вера.

Четырнадцатого апреля 1545 года необыкновенно яркое солнце освещало зеленые вершины Люберона. Сотрапезники собрались в палатке барона де ла Гарда, с нетерпением ожидая хозяина. Когда тот появился, Мишель сразу заметил, что он чем-то взволнован. Он морщил лоб и яростно крутил рукой густые волосы, падавшие на плечи.

Пулен не стал садиться, а остановился в двух шагах от стола.

— Сидите, сидите! — остановил он тех, что поднялись при его появлении. Стачив с головы широкополую шляпу, он бросил ее на стул. Потом объявил: — Друзья, я только что беседовал с гонцом из Экса. Председателю парламента Мейнье наконец удалось сломить сопротивление двора: с сегодняшнего дня мы уполномочены привести в действие Мериндольский эдикт. Выступаем завтра.

В ответ на его слова раздались восторженные возгласы. Мишель почувствовал себя неловко. Он понял, что обед превратился в военный совет, и не знал, как улизнуть.

Барон уселся во главе стола и знаком приказал прислуге внести кушанья.

— Господа, — начал он, — приказ, который нам надлежит выполнить, не из приятных. Его величество король и его высокопреосвященство кардинал Тривулько желают, чтобы после нашего похода от еретиков не осталось и следа. Что же до меня, то мне до чрезвычайности нужны гребцы на галерах. Понимаете, к чему я клоню?

— Выжженная земля, — слегка ошеломленно пробормотал де ла Фон, один из

³ Poulin — жеребец (*фр.*).

наместников Мейнье.

Барон покачал головой.

— Нет, земля тут ни при чем. Горе тому, кто подожжет посевы или дома.

Взгляд его стал жестким.

— Еретики — вот с кем мы можем делать все, что угодно. Дееспособных мужчин, взятых живыми, пошлем гребцами на галеры, а остальные нам ни к чему и потому заслуживают самой жестокой казни.

— И женщины и дети? — мрачно спросил Лабе.

— Мы говорим о еретиках, — отпарировал Пулен, проскандировав последнее слово. — О служителях демона. Их род должно истребить под корень. Детей мы продадим в рабство. А женщин, думаю, наши священники разрешат отдать солдатам, чтобы те наконец разговелись после многомесячного воздержания. Мы долго держали их подальше от крестьянок-христианок, но не будем же слишком строги к парням, отдающим жизни за благородное дело.

— Определенные нужды суть гуманны и простительны, — благочестиво поддакнул падре Джелидо.

У Мишеля тошнота подкатила к горлу. И в следующий миг он увидел себя самого, как он насиловал Магдалену, заставляя ее очередной раз забеременеть. Он разозлился и попытался отогнать воспоминание, но ничего не получилось. Взмолванный, он поднялся на ноги.

— Господин барон, предмет вашего обсуждения находится в компетенции высшего командования, и меня, простого солдата, касаться не должен. Позвольте мне удалиться.

— Отнюдь, мой друг! Глядите, нам уже принесли лионские сосиски!

Пулен указал на слуг, спешащих к столу с ароматно дымящимися подносами.

— Как полковой врач, вы входите в число моих приближенных. Может быть, вас смутило то, что я сказал?

— Нет, ничуть.

Мишель ненавидел себя за подлость, но у него не было сил противиться большинству. Эти люди худо-бедно, а олицетворяли волю церкви, а падре Джелидо, хоть и внушал ему отвращение, был все же священником.

— Конечно, я не могу сочувствовать нераскаявшимся еретикам, — сказал он тихо.

— Браво, прекрасно сказано. Я знаю, что за этим столом так думают все.

Пулен произнес последние слова намеренно громко, чтобы привлечь внимание офицеров, слишком ретиво атаковавших сосиски.

— Слушайте меня: мы поднимемся с севера, там, где склоны Люберона более обрывисты. Дубы, растущие ниже по склонам, помешают противнику нас обнаружить. Добравшись до форта...

Тут Мишель потерял нить разговора. Его охватило странное лихорадочное состояние, которое сразу отбило и аппетит, и интерес к внешнему миру. Это было очень похоже на то, что он чувствовал после приема ястребиной травы, но вот уже несколько лет, как он ее не употреблял.

В мозгу неожиданно всплыло давнее предупреждение Ульриха: привычка к зелью может спровоцировать его эффект и после длительного перерыва, и тогда принимать еще дозу не нужно. Мишель вздрогнул: если все это верно, то его ожидает жизнь, полная кошмаров и галлюцинаций. И ведь были уже галлюцинации, и не однажды! Он просто отказывался воспринимать ужасную истину.

Нотрдам попытался отрезать кусочек сосиски, плававшей в соусе. Вдруг зрение его померкло, и он с ужасом обнаружил, что перенесся в пространство Абразакса, где все времена перепутаны. Застольный шум стих, и послышался знакомый гулкий шепот. Как во сне, увидел он прыгающих со скал солдат со шпагами в руках, с головы до ног покрытых кровью. Ему была видна также и вся панорама целиком, весь район, окружавший поле боя. Чума бушевала от Экса до Марсея, сжимая кольцо вокруг горы, где разыгрывалась

трагедия. Но эта резня была только первым из трех ее актов, и каждый следующий страшнее предыдущего. И виновников трагедии было три. Все они сидели в кружок, как черные грифы, в глубине завихренного, мрачного неба.

Видение не поддавалось описанию никакими словами. Как тогда в Агене, в сонный мозг Мишеля пробились стихи: казалось, они одни были способны отобразить масштаб трагедии. И нашептывало их странное бесформенное существо, плававшее в ледяном безмолвии чужого космоса. То же самое, что явилось ему в Бордо за кромкой огня, обозначившего контуры пентакля, в котором он стоял на коленях.

Meysnier Manthi et le tiers qui viendra
Peste et nouveau insult enclos troubler
Aix et les lieux furent dedans mordra
Puis les Phosiens viendront leur mal doubler.

Быть трем городам в отвратительных язвах:
Чума настигает Мейнье и Манти!
Уж фурией к Эксу несется зараза,
Разбою Фоценса открыты пути⁴.

Сквозь сумрак сознания Мишель спросил себя, как могло случиться, что в том ужасе, которым он был охвачен, мозг его смог воспринять поэтические образы. Он знал ответ: Парпалус, черный демон с каркающим голосом. Но сформулировать этот ответ для себя не успел, так как удивленный голос барона де ла Гарда снова перенес его в настоящее время:

— Не повторите ли? Ни я, ни мои друзья не поняли ни слова.

— Что, я что-то говорил? — спросил все еще полусонный Мишель.

— Вы продекламировали целое четверостишие, перебив меня, когда я объяснял план военных действий. — Пулен не рассердился, а скорее удивился. — Ноттрам, вы уверены, что с вами все в порядке?

Пришедший в себя Мишель вспыхнул.

— Нет, я полагаю, у меня лихорадка. — И быстро добавил, боясь, что остальные истолкуют его слова не в его пользу: — Но я знаю, как лечиться, и завтра буду вместе со всеми на поле боя, чтобы выполнить мой христианский долг.

Пулен с чувством взглянул на него.

— Вы вовсе не обязаны там находиться. Если вам нехорошо, можете остаться здесь.

— Я прекрасно буду себя чувствовать.

Мишель поднялся, коротким поклоном распрощался с присутствующими и вышел на воздух.

Солнце пекло, но Мишель был еще настолько во власти своих видений, что не заметил этого. Благодаря дружескому расположению капитана и титулу полкового врача ему выделили маленькую персональную палатку на краю лагеря. Туда он и направился, слегка покачиваясь и не отвечая на приветствия солдат, точивших шпаги и прочищавших стволы аркебуз.

Ощупью добрался он до стола, составлявшего вместе с постелью и двумя стульями скромное убранство его жилища. Его вела необъяснимая потребность записать непонятное четверостишие. Он схватил перо и чернила и быстро нацарапал катрен на бумаге. Только дописав последнюю строку, Мишель окончательно пришел в себя.

Слова, начертанные неверным почерком, очень его удивили. В них не было никакого смысла, ни явного, ни скрытого, хотя они точно выражали череду видений, промелькнувших в его сознании во время недавнего припадка. Читатель мог бы увидеть в них какой-то смысл,

⁴ Катрен I, центурия XI, Перевод В. Завалишина

только целиком отдавшись на волю внушенных образов и не пытаясь трактовать их буквально. Это с трудом удалось даже Мишелю, который снова впал в смутное состояние сознания. Видимо, в уголке мозга еще оставалась связь со сновидением, которая помогла угадать смысл катрена.

Meysnier — это, несомненно, Мейнье д'Оппед. Manthi похоже на Mathias: может, речь идет о Матиасе (или Матье) Ори, великом инквизиторе Франции, яростном преследователе вальденсов. Третий же явится — правда, неизвестно когда, — чтобы мучить и терзать район Экса, уже и так истерзанный чумой. И беды марсельцев, прямых потомков фокейцев, должны умножиться.

Разобравшись в этих смутных догадках, Мишель лучше себя не почувствовал. Симптомов эпилепсии не было, но все тело сотрясал озноб. Вторжение в пределы Абразакса никогда не было безболезненно, тем более что теперь перемещение произошло произвольно. Это-то Мишеля и пугало.

Растерянный и опустошенный, Мишель упал на постель и пробовал прочесть молитву, но сон не дал ему закончить. Проспал он гораздо дольше, чем хотел бы.

Его разбудили резкие звуки трубы: призыв в атаку! По счастью, он был одет. Он нахлобучил квадратную шапочку врача, пристегнул пояс со шпагой и выбежал из палатки. И как раз вовремя, чтобы присоединиться к рядам возбужденных крестоносцев, окруживших импровизированный алтарь, воздвигнутый посреди поля. Вопреки всем ожиданиям, небо, покрытое черными, тяжелыми облаками, обещало непогоду.

Полный религиозного рвения вице-легат отслужил короткую мессу и благословил войско на подвиг. Двумя часами позже Мишель уже шагал вместе с однополчанами по сосновому лесу. Ветер гнал по небу темные облака, и в воздухе отчетливо запахло дождем.

Солнце скрылось, но настроение у всех было такое, словно их ожидал веселый пикник. Первые ряды, те, что шли сразу за конными офицерами, поначалу подтянулись и держали строй. Однако извилистая и неровная дорога, постоянно огибавшая то скалу, то дерево, постепенно смяла и расстроила ряды. Теперь армия из пяти тысяч солдат напоминала людскую реку, ошестинившуюся копьями, вилами и острыми колями. В центре колонны скрипели колесами три колюбрины, которые назывались «папские колюбрины». Орудия подарила панская миссия, и теперь их тащили возбужденные артиллеристы. Кто пел, кто громко молился, кто оживленно переговаривался с соседями. Если бы не знамена короля Франции, вспыхивавшие то здесь, то там, и не присутствие моряков, вооруженных аркебузами, армию можно было бы принять за крестьян-паломников.

Мишель воспользовался беспорядком в рядах, чтобы приблизиться к вице-легату, гарцевавшему на сером коне.

— Ваше преосвященство, а кто эти самые вальденсы, с которыми мы идем сражаться? Я знаю, что они еретики, но незнаком с их идеями.

У мокрого от пота Тривулько были живые, умные глаза. Он погладил длинную бороду, обрамлявшую массивное добродушное лицо.

— Я доволен вашим вопросом, господин де Нотрдам, никто из солдат до сих пор этим не поинтересовался. Вальденсы отрицают власть Папы и настаивают на законе бедности. В остальном их вера не отличается от католической.

— И этого достаточно, чтобы считать их столь опасными? — спросил пораженный Мишель.

— Нет, недостаточно. — Кардинал понизил голос. — Тринадцать лет назад вальденсы собрали свой синод в Шамфоране и на этом синоде постановили примкнуть к так называемой лютеранской реформе. Понимаете теперь, какие ставки в этой игре?

— Честно говоря, не очень.

— Вальденсы и гугеноты принадлежат к одной и той же партии. И наказание первых для нас генеральная репетиция к походу на вторых, который состоится, едва только король развяжет нам руки. Для всех еретиков время еще не пришло, но хорошо, что властитель Франции позволил нам поразить вальденсов, самое слабое звено в цепочке. Потом, с Божьей

помощью, мы сокрушим и остальные звенья.

— Понимаю, — задумчиво пробормотал Мишель.

Тут издали послышался выстрел. Похоже было, что стреляли из густой дубовой рощи на склоне горы, которую как раз пересекало войско. И в самом деле, над одиноко стоящим на плоскогорье домиком поднялся столб дыма. Расстояние было слишком большим, чтобы пуля из аркебузы попала в цель, но сам по себе выстрел посеял панику в рядах крестоносцев.

Кто бросился на землю, кто попрыгал за деревья, кто беспорядочно тыкал копьем куда попало. Аркебузиры опустились на колени, заряжая оружие. Чтобы успокоить солдат, офицеры и капитаны вынуждены были проехать вдоль рядов с угрозами.

— Куда, идиоты! — орал Лаббе, единственный, кого Мишель мог расслышать. — Это еретики нас только предупредили, нельзя поддаваться панике! Вперед! Разнесем этих мерзавцев!

Подбодренные, а может, просто злые на себя за то, что трусили, солдаты с воплем бросились за командирами по тропинке, ведущей на плоскогорье. Мишеля понесло вместе с людским потоком, и он тоже вытащил шпагу, держа ее обеими руками. Он потерял из вида Тривулько, съехавшего с тропинки в сторону.

Достичь плоскогорья было делом нескольких минут. Из домика раздался еще один выстрел, такой же безобидный, как и первый. За то время, что требовалось на перезарядку аркебузы, авангард отряда добрался до обиталища еретиков.

Это была горстка конических хижин, сложенных из камня, которые на местном наречии назывались *borles*. Засевший там отчаянный аркебузир с воплем выскочил наружу, безуспешно пытаясь запалить фитиль, который никак не хотел гореть. Он был явно не в себе и двигался как марионетка. Несколько крестьян пытались его унять, но быстро попрыгали, увидев приближающееся войско.

Барон де ла Гард пригнулся над своей серой лошадью и вонзил шпагу прямо в горло безумца. Тот перестал кричать и повалился на землю. Тогда Пулен обернулся к отряду и указал шпагой на хижины. Крестоносцы с ревом бросились атаковать развалюхи.

Сердце у Мишеля неистово колотилось. Он видел, как вперед, протянув руки и прося о пощаде, выступил старый крестьянин. Один из офицеров на скаку снес ему голову. Другие крестьяне высыпали на пороги хижин, с угрозой поднимая вверх нехитрые орудия своего труда. Их тут же подняли на пики, проткнули шпагами и расстреляли из аркебуз.

Мишель смотрел на эту бойню, парализованный страхом, начисто лишившим его способности рассуждать. В двух шагах от него солдат вспорол живот молодому парню, замахнувшемуся палкой. Тот же солдат отрубил голову старухе, на коленях молившей пощады, а потом отправился за хижины добывать спрятавшихся там остальных жителей деревни.

Окаменевший Мишель заметил Бодуэна, добрейшего Бодуэна, который выходил из хижины, неся на руках новорожденного.

— Мы ведь сможем сделать из него христианина? Он еще совсем маленький!

Вспотевший барон в забрызганной кровью кирасе сделал головой знак «Нет!».

Мишель не захотел смотреть на то, что произошло с ребенком, хотя глухой удар о камень не оставил никаких сомнений. Он закрыл глаза и застыл, скованный ужасом. А вокруг ругались крестоносцы, связывая парней, обреченных на галеры, и рыдали девушки, которых волокли в хижину, чтобы там они в первый и, скорее всего, в последний раз в жизни послужили на потеху солдатне.

И на ум Нотрдаму пришла крамольная мысль, что быть католиком — отнюдь не всегда означает быть правым. Он попытался сам себе возразить, что еретики — не люди, а порождения дьявола. Ничего не вышло. Из хижин доносились крики боли и муки, которые стихали сразу же вслед за выстрелами «папских колюбрин». Он расплакался горько и громко, как ребенок.

А где-то в темном уголке его сознания Парпалус уже нашептывал полные тоски и тревоги метафоры.

ЗМЕЯ В КЛЕТКЕ

Стояла уже поздняя осень, когда Джулия смогла наконец доставить Катерине, запертой в монастыре Сен Поль де Мансоль, известие, которого та ждала столько времени.

— Я получила вести от епископа Торнабуони, — радостно объявила она, поставив на стол закрытое блюдо и дымящуюся чашку. — Он вернулся в Париж после долгого путешествия во Флоренцию. Думаю, Козимо Медичи отправил его по следу Лорензаччо.

— Прекрасно! — воскликнула Катерина. — Ты видела его самого?

— Нет. Вы же знаете: господин Бертран Гюголен, которому меня поручили, не позволяет мне выходить одной. Но я написала монсиньору, что вас прячут здесь.

— Как тебе удалось ему написать, если Гюголен тебя стережет?

— Ко мне очень хорошо относится его жена, Жордана. Она ненавидит мужа и готова на все, лишь бы ему насолить. К тому же она приходится сестрой Жану де ла Меру, первому консулу Сен-Реми. Думаю, мое письмо уже у епископа Торнабуони.

— Великолепно, — кивнув, сказала Катерина. — Но скажи-ка: тебе удалось разузнать, почему Меркюрен привез меня именно сюда?

Катерина не могла понять, зачем ее заключили в мужской монастырь, а не в женский. На плохое обращение она пожаловаться не могла. В первую же ночь по прибытии ее тщательно осмотрел монастырский врач, который прекрасно знал свое дело и ничуть не смущался видом женской наготы. С помощью Меркюрена он смазал ей раны бальзамом и потом многократно повторял эту процедуру.

С течением месяцев Катерина поправилась и из разряда больных перешла в разряд пленниц. Ее заперли в келье со множеством засовов. Дверь открывалась только для врача или для приносившей еду Джулии. Ни один из монахов не имел прямых контактов с пленницей, кроме лекаря, которого всегда сопровождал Меркюрен. Все это очень беспокоило Катерину. Хотя зеркала у нее не было, она чувствовала, что красота ее расцвела с прежней силой. По крайней мере, она на это надеялась. Она рассчитывала, что ей удастся соблазнить какого-нибудь из здешних августинцев и приспособить его под свои нужды. Но изоляция была строгой, и единственной связующей с миром нитью оставалась Джулия. Если же кто из монахов ей и встречался, то не обращал на нее ни малейшего внимания.

Джулия покачала головой.

— Нет, мама, я не знаю, зачем вас привезли сюда. Знаю только, что Меркюрен дружен с Бертраном де Нотрдамом, братом Мишеля, и с другим его братом, юным Антуаном. Говорят, что в прошлом Меркюрен был любовником единственной сестры Нотрдама, Дельфины.

При упоминании о Мишеле герцогиня невольно вздрогнула, но женский инстинкт пересилил, и она спросила:

— И хороша собой эта Дельфина?

— Настоящее пугало. Но она уступчива, и у нее полно поклонников. Мужчинам много не надо.

Лоб Катерины разгладился, словно незавидная внешность сестры ненавистного Нотрдама могла служить прелюдией к наказанию его самого. После недолгого молчания она заговорила совсем на другую тему.

— Я все же надеюсь, что монсиньор Торнабуони снова возьмет меня на службу. В конце концов, это из-за него и из-за императора Карла Пятого я едва не умерла от побоев, опозоренная этим канальей из Экса. Ты, конечно, сообщила в письме, что я готова любым способом ущемить интересы короля Франции...

— Вы не знаете последних событий, мама, — сказала Джулия своим обычным бесцветным голосом, — В прошлом году в Крепи Франциск Первый и император подписали мирный договор, и теперь они союзники. Нынче все внимание короля Франции сосредоточилось на еретиках. Знаете, что произошло весной на горе Люберон?

— Нет, расскажи.

— На Любероне жила колония еретиков-вальденсов. Парламент Экса снарядил против них экспедицию. Бойня там была такая, что разговоры о ней не утихают и по сей день: три тысячи убитых, и среди них женщины и новорожденные, растерзанные на куски. Шестьсот человек капитан де ла Гард отправил на галеры, множество девушек изнасиловали и убили.

Герцогиня содрогнулась, но тут же вновь обрела привычную жесткость.

— Если они еретики, то так тому и быть. Но мы-то с тобой не еретички. Наша задача — добиться отмены отлучения от церкви, которое испортило нам жизнь.

Она подошла к блюду, открыла крышку и с отвращением взглянула на горстку вареных овощей.

— Как подумаю, кем были мы всего несколько лет назад... Я — владельница Камерино, ты — наследница феода... А теперь я ем бобы с капустой в монастырской келье. Чтобы обеспечить тебе будущее, я пожертвовала всем.

Последнюю фразу она произнесла с легким сожалением.

Джулия печально поглядела на мать.

— Вы все еще надеетесь вернуться в Камерино?

Было видно, что она, со своей стороны, вовсе туда не стремится. Насилие, которое в юности чинил над ней Гвидобальдо, оставило разрушительный след в памяти души и тела.

— Нет, в Камерино мы больше не вернемся, — ответила Катерина, стараясь справиться с охватившей ее грустью. — Папа Павел Третий отлучил нас и согнал с земли только для того, чтобы отнять феоде в пользу Фарнезе. Однако ветви семьи Чибо имеются в Турине, Генуе и Венеции. Я надеялась найти убежище у них, но никто не примет нас, пока мы под отлучением.

— Кардинал Торнабуони обещал добиться отмены отлучения.

Катерина отвернулась от блюда с овощами и, нахмурившись, села на край постели.

— Да, но я боюсь, что с тех пор, как император и король подписали договор, мы ему больше не нужны. Надо найти другой выход. К счастью, судьба, кажется, уже предложила мне один.

— Какой?

При других обстоятельствах Катерина сочла бы такой вопрос нескромным и остереглась бы доверяться дочери. Она считала Джулию посредственной дурочкой, далекой от родовой гордыни семейства, к которому принадлежала. Но сейчас у нее не было другого собеседника, и посвятить дочь в свои планы ей казалось естественным.

— Думаю, что у нас есть только один способ уйти из-под отлучения: оказать церкви крупную услугу. Испанская инквизиция считала Мишеля Нотрдама человеком опасным из-за его контактов с каким-то колдуном. Молинас много лет охотился за обоими и за их тайной, которая позволяет изменять ход времени.

— Вы хотите поступить на службу испанской инквизиции? — спросила пораженная Джулия.

— О нет. Как тебе такое могло прийти в голову? Испанская инквизиция никогда не берет на службу женщин, тем более отлученных. Не знаю, понимаешь ли ты это, но родиться женщиной в наше время означает как бы и не существовать вовсе, разве что ты родилась в семье правителей. Пола не имеет только власть.

Она хотела что-то добавить, но решила, что Джулия все равно не поймет, поэтому сказала только:

— Нотрдам — добыча и для инквизиции Тулузы, и для церкви в целом. Речь идет о том, чтобы продолжить дело Молинаса и выследить обоих — и ученика, и учителя. Тогда мы сможем предложить эту парочку в обмен на снятие отлучения. И добьемся двойного результата: и отлучение снимем, и сможем отомстить тому, кто причинил нам столько зла. — Она судорожно сглотнула. — В первую очередь мне.

Наступило молчание, прерванное стуком в дверь: стучал монах, давая понять Джулии, что ей пора уходить. Катерина поднялась.

— Иди, моя девочка. А что за человек этот Бертран де Нотрдам?

— Очень милый юноша! — с наивным восторгом воскликнула Джулия.

Катерина улыбнулась.

— Я не это хотела узнать, но твои чувства похвальны. Постарайся войти с ним в контакт с помощью твоего покровителя Гюголена. Постарайся что-нибудь выведать о Меркюре. Я не могу понять его намерений. И следи за собой. Ты не дурнушка, ты распустиха. — Она коснулась волос Джулии. — Посмотри на меня. Не ходи лохматой, причешись получше, и это сразу возымеет действие. И потом... — Она сняла с девушки шейный платок и чуть опустила вырез блузки. — То, что у нас под блузкой, очень нравится мужчинам. Если ты, как бы невзначай, будешь почаще наклоняться, они станут куда более послушны.

Монах снова постучал.

— Ладно, иди. Но все время помни, что ты Чибо-Варано. Будь мягка, но никогда — уступчива и всегда готова укусить.

Джулия присела в поклоне, инстинктивно прикрыв оставшуюся без платочка грудь. Катерина с шутливой строгостью отвела ее руку. Покраснев, девушка почти выбежала из кельи.

Оставшись одна, Катерина снова с отвращением посмотрела на дымящиеся овощи и суп и со вздохом принялась за еду.

Увидеть Меркюрена ей удалось только через четыре дня. На этот раз аптекарь остался на пороге кельи.

— Я пришел проститься с вами. Думаю, мы теперь не скоро увидимся, — начал он резко. — Вы уже поправились и можете предстать перед судом. Вас ожидает процесс.

Катерина лежала на постели, укрытая с головы до ног темно-коричневой рясой, и дрожь, прошедшая по ее телу, не укрылась от глаз Меркюрена.

— Процесс? Какой процесс?

Меркюрен иронически усмехнулся.

— Дорогая моя, вы забываете, сколько обвинений существует против вас. Вы ездили по Провансу, сея чуму, а также повинны в смерти одного из жителей Апта. Вас из милости вылечили, но теперь пришло время предстать перед трибуналом.

— О каком это трибунале вы болтаете? — спросила герцогиня, изо всех сил стараясь не выдать страха.

— Я имею в виду трибунал римской инквизиции в Тулузе. Магистратура светская уже приговорила вас к бичеванию, теперь очередь суда церковного. Не волнуйтесь, вряд ли приговор будет более суровым. Как правило, бывает наоборот.

Катерина снова содрогнулась: римская инквизиция хоть и имела в сравнении с испанской репутацию более гуманной, но к пыткам прибегала чаще. Окончательный приговор нередко был благоприятным и не подразумевал унижений, таких как ношение санбенито до третьего колена или костер, на котором присутствовал весь город. Однако три ступени пытки — веревка, вода и огонь — соблюдались неукоснительно, вплоть до смерти жертвы. Признания чаще всего выбивались именно во владениях Ватикана в Испании.

Катерина попыталась пустить в ход свое главное оружие: она села на кровати, спустив вниз длинные стройные ноги с нежными голубыми венами, и тут же натянула на них рясу.

Взгляд Меркюрена остался абсолютно равнодушным. Он смотрел только в глаза герцогине и ни одним движением не выказал интереса к предъявленной ему женской плоти. Обескураженная Катерина оставила все поползновения его соблазнить.

— Человек, сопровождавший меня и сожженный в Апте, сам принадлежал к инквизиции. Мы объединили наши усилия во благо церкви, — уверенно заявила она.

— Отравляя колодцы и сея чуму? Если вы проделывали все это, думая о церкви, то вашей целью было покрыть ее позором. — Слова Меркюрена хлестали, как плети. — Кроме того, я прекрасно знаю, что вы отлучены от церкви. Ваша дочь открыла мне, к какому дому вы принадлежите и какое проклятие на вас тяготеет. Здесь мне ваша роль неясна, но в Тулузе

найдут способ вырвать у вас признание.

— Значит, вы агент инквизиции?

— Нет, я всего лишь один из консулов Сен-Реми и друг семьи Нотрдам. В Эксе я сразу понял, что вы больше чем спутница мрачного доминиканца. За те месяцы, что я наблюдал за вами, я пришел к определенным выводам. Полагаю, что вы работаете на Карла Пятого, но у меня нет доказательств. Но в чем я абсолютно уверен, так это в том, что вы личность извращенная и способны на любое преступление.

Катерина презрительно скривила губы.

— Значит, вы друг еврейской семьи. И еще считаете себя христианином!

— Мадам, мы находимся в графстве Венессен, которым управляет папский легат. Здесь евреи, обращенные в истинную веру, не считаются отличными от остальных христиан. Здесь считаются отличными те, кто отлучен от церкви и повинен в преступлениях, которые наводят на мысль о колдовстве.

Катерина побледнела. Это было обвинение, о котором она не подумала, настолько далеко лежали ее собственные интересы. Процессы над ведьмами в эти времена были достаточно редки, но заканчивались они, как правило, костром. Теперь надо было любой ценой не показать, что она проиграла.

— Если уж вы так сведущи в моем прошлом, то должны знать, что к ведьмам я не принадлежу.

— Меня не интересует ваше прошлое, я говорю о настоящем. У вашего приятеля Молинаса нашли склянки с отравленной жидкостью и различные книги по магии. И не пытайтесь убедить меня, что вы об этом не знали.

— И не подумаю. Если и существовал когда-либо человек, посвятивший душу и тело церкви, то это Молинас. Книги же, которые были при нем, принадлежали Мишелю де Нотрдаму, опаснейшему алхимику и астрологу, которого Молинас хотел уничтожить.

Произнося эту тираду намеренно ледяным тоном, Катерина отметила, как подобралось и сжалось смуглое, мягкое лицо аптекаря. Это был, пожалуй, первый признак неуверенности, который ей удалось разглядеть. Она лихорадочно соображала, какие из ее слов вызвали такую реакцию. Ясно, что не «Мишель де Нотрдам»: Меркюрен и не скрывал, что с ним знаком. Значит, «алхимик» и «астролог», вот что его смутило. Надо срочно этим воспользоваться.

Меркюрен покачал головой.

— Бесполезно сваливать вину на другого, а главное — бесполезно репетировать на мне свою защиту. Вы будете объясняться с великим инквизитором Матье Ори либо с его представителем в Тулузе, кардиналом Антонио Галаццо делла Ровере. Он уже стар, но я надеюсь, что ваша красота произведет на него большее впечатление, чем на меня. Как жаль, что за такими прелестными глазами кроется цинизм убийцы.

И Меркюрен удалился, плотно прикрыв за собой дверь. Катерина ничего не возразила, занятая своими мыслями, которые пустились в бешеную скачку. Кардинал делла Ровере: это имя не вызывало у нее ощущения враждебности. Где и от кого она могла его слышать?

Герцогиня с нетерпением стала ожидать визита монаха-лекаря, который появился только к вечеру. Он с довольным видом осмотрел ее спину.

— Отлично. Вы полностью здоровы. Известно, что мази господина Меркюрена делают чудеса.

Катерина, поправляя одежду, обернулась к монаху.

— Я очень признательна господину Меркюрену. Думаю, что обязана ему жизнью, — И тут же добавила самым невинным тоном: — Он не производит впечатления обыкновенного аптекаря. Он так хорошо одет, даже слишком хорошо для человека его сословия. Я часто спрашивала себя, не врач ли он редчайшей квалификации...

Монах улыбнулся.

— Нет, он действительно аптекарь. Говорят, что во время оно он увлекался не совсем обычным делом, которое зовется алхимией. О, это было невинное увлечение, далекое от

некромантии! Он даже написал небольшой трактат, подписавшись псевдонимом.

— Каким же?

— Говорят, Денис Захария, но я мало в этом смыслю. Я его знаю как лучшего в наших краях специалиста по фармакопее. Секрет его успеха именно в этом, алхимия тут ни при чем. Он из богатой семьи, хотя, думаю, в наследство ему ничего не досталось.

Катерина разыграла изумление.

— Из богатой семьи? Когда я впервые его увидела, он показался мне негром!

— Это потому, что он родился в Гвиане, в Вест-Индии. Если вам это все интересно, спросите его самого. Я знаю только, что он состоит в городской управе Сен-Реми.

Монах вышел и закрыл дверь на ключ.

На следующее утро Катерина с нетерпением ждала прихода дочери. По иронии судьбы девушка сильно запаздывала. Когда она наконец появилась, мать набросилась на нее:

— Ну, ты встретила с Берtrandом де Нотрдамом?

— Нет, но я видела его издали, мне его показал господин Гюголен. Он очень красивый юноша.

— У тебя будет возможность с ним познакомиться?

— Наверное, будет. Господин Гюголен заметил, что он мне понравился, и сам предложил нас познакомить.

— Тогда слушай, Джулия. Берtrand может дать тебе информацию, которая очень мне пригодится. Первое: кто такой Меркюрен? У меня есть сведения, что он алхимик, знахарь или что-то в этом роде. Можешь разузнать о нем правду?

— Я сделаю все, что смогу, но я еще не познакомилась с Берtrandом. Я пока не понимаю, как смогу выудить у него эти сведения.

Катерина невесело улыбнулась.

— Это просто: надо затаскать его в постель. Ты ведь сказала, что он красавчик? Ну и развлекись с ним. Утомленный любовью мужчина всегда склонен к откровенности.

Джулия ответила не сразу, борясь со спазмом.

— Я попробую, но это так отвратительно...

— Отвратительно? Не пойму почему! — пожала плечами Катерина, — Ведь Берtrand де Нотрдам — не Гвидобальдо делла Ровере, и... — Она остановилась, пораженная. — Вот дура! Как же я не подумала! Ну да, монах же произнес это имя на французский манер... делла Ровере! Вот тебе и...

— Что, мама? — встревоженно спросила Джулия.

— Ничего, ничего. — Катерина быстро овладела собой, — С Берtrandом не надо делать ничего другого, кроме того, что обычно делают мужчины и женщины, оставшись наедине. Это заложено в их природе и нравится и тем и другим. С ним, может, и тебе наконец понравится. Расспроси его о Меркюрене, а также о кардинале делла Ровере, который возглавляет инквизицию Тулузы. Ясно, что он родственник твоего бывшего мужа Гвидобальдо, но что это за родство? Может, Берtrand знает. Но это не все...

— Что еще я должна сделать, мама? — спросила расстроенная Джулия.

Катерина нахмурилась.

— Молинас получал письма от некоей Анны Понсард из Салона-де-Кро. Я не знаю, кто эта женщина, но она была как-то связана с Мишелем де Нотрдамом, судя по тому, что Молинас ни о ком, кроме него, не думал. Может, Берtrand знает и об этом. Спроси его: Анна Понсард из Салона.

— Я попробую. Хотите еще что-нибудь сказать?

Катерина грациозным движением уселась на кровати.

— Да, моя девочка. Мы родились женщинами в очень тяжелые времена. Добыча — только тогда жертва, когда сама себя жертвой считает. Не впадай в эту ошибку: когда юноша вроде Бертрана захочет тобой насладиться, пойми наконец, что ты ведь тоже им наслаждаешься. И ты получишь над ним власть, потому что он уже не сможет без тебя обойтись, а ты без него — сможешь.

— Молинас говорил то же самое, но о женщинах.

— Молинас мертв.

СНОВА ЧУМА

Мишель состоял в головном отряде регулярной пехоты победоносной армии барона де ла Гарда. За спиной авангарда ряды волонтеров шли, как всегда, в полном беспорядке, тем более что по дороге к ним примкнули личности и вовсе не признававшие никакой воинской дисциплины. Это были безработные моряки, набранные в Толоне, когда отряд крестоносцев доставил в этот порт пленных вальденсов для галер. Кроме моряков в ряды волонтеров затесались молодые бездельники, пьяницы и дебоширы, искавшие приключений, а также около сотни проституток, которые ехали в конце обоза на скрипучих телегах, запряженных мулами. Маловато, в сравнении с тысячами жриц любви, сопровождавших французскую армию в походе против Карла V.

На обратной дороге Мишель спрашивал себя, какой прием ждет в Эксе волонтеров, с таким рвением выполнявших человекоубийственный Меривдольский эдикт. Поля были пустынные, усадьбы выглядели заброшенными. Он поделился своими мыслями с бароном де ла Гардом, который объезжал ряды, пытаясь их хоть как-то выровнять.

— Капитан, а вы не находите такое спокойствие подозрительным? — спросил он, указывая на заросшие сорняками пшеничные поля, безмятежно раскинувшиеся под полуденным солнцем. — В поле ни одного крестьянина, да и дома все брошены.

— Вы правы, Нотрдам. Я тоже это заметил, — задумчиво кивнул Пулен, свесившись с лошади. — Тем более что Экс уже виден, и городской парламент должен был бы выслать кого-нибудь нам навстречу.

Морской офицер, скакавший неподалеку и слышавший разговор, подъехал вплотную к барону.

— Из Экса к нам скачет всадник. Я видел его на тропе, пока он не скрылся за деревьями.

— Всего один всадник? — удивился Пулен. — Я ожидал целой делегации, а может, и процессии.

Мишель содрогнулся, услышав, что барон считает то, что произошло на Любероне, своим триумфом. Сам он чувствовал себя усталым и опустошенным. За год в этих горах он поседел, поневоле ежедневно присутствуя при бесчисленных жестокостях. Особенно врезались ему в память события 15–25 апреля 1545 года. В кровавом экстазе люди Пулена, как саранча, налетели на Люрмарен, Кабриер, Мериндоль и остальные города еретиков. «Папские колюбрины» сокрушили укрепления, обеспечив крестоносцам прорыв, а потом слово перешло к шпагам. Ни один дом не пропустили, никого не оставили в живых.

Орда, подстрекаемая вице-легатом Тривулько и падре Пьетро Джелидо, набрасывалась на любое живое существо, применяя самые жестокие способы расправы. Наиболее отвратительная сцена разыгралась в садах Симианы. Пленных женщин, от девяти лет и старше, насильно напоили допьяна, изнасиловали, а потом убили. Ни вице-легат, ни капитан Пулен, ни Пьетро Джелидо, ни высокомерный Мейнье д'Оппед лично не принимали участия в экзекуции, но никто из четверых не сделал попытки вмешаться. Ведь должны же были крестоносцы как-то развлечься...

Опьянение кровью кончилось, когда барон де ла Гард спохватился, что ему нужны гребцы для галер, и отдал приказ прекратить резню. Тогда началась методичная депортация: деревни прочесывались одна за другой в поисках мужчин, пригодных к работам. На весь район отыскивали едва шестьсот человек.

Охваченный ужасом Мишель, с тех пор как бойня была остановлена, старался держаться в отдалении. Не убивая сам, он оказался соучастником бредовых в своей жестокости преступлений. Однажды ему удалось заставить прислушаться к своим словам, и он именем Христа спас несколько заплаканных женщин. Но что он мог поделать, если резня

велась именем короля, и сам кардинал Тривулько ее вдохновлял? Для него, как и для всякого доброго католика, было неслыханно восстать против дела церкви, и он ограничивался тем, что оказывал медицинскую помощь всем подряд, в том числе и еретикам. Но случилось, что у него буквально вырывали из рук раненых вальденсов и тащили на казнь. После таких эпизодов его мучили кошмары и галлюцинации.

Сразу после разговора Мишеля с капитаном де ла Гардом и морским офицером на дороге показался всадник. Он мчался во весь опор по направлению к войску, которое начало уже подниматься на холм. Поравнявшись с передовым отрядом, он оглядел ряды и подъехал к барону.

— Господин де ла Гард, — запыхавшись, проговорил он, — есть у вас солдат по имени Нотрдам? У меня к нему донесение от председателя Мейнье д'Оппеда.

— Вот он, — удивился барон, указывая на Мишеля, — А для меня у вас нет донесения? Очистив Люберон, я, признаться, рассчитывал на лучший прием.

— Нет, — ответил всадник, на котором была форма оруженосца графа Танде. — Сударь, вы понятия не имеете, что творится в Эксе с тридцать первого мая. Советую вам не входить в город и поменять направление.

Не спешиваясь, он вытащил из-за пазухи сложенный пополам листок и отдал его Мишелю.

— Мои солдаты имеют право на отдых, — запальчиво заявил Пулен. — Я не могу заставить их продолжать марш.

— Сударь, в Эксе они отдохнут навечно: в городе чума.

Барон вздрогнул.

— Вот это да! Когда мы уезжали, что-то такое было...

Оруженосец пожал плечами.

— Не было ничего общего с тем, что творится теперь. Город за пятнадцать дней превратился в кладбище. Господин Мейнье приказал даже закрыть все колодцы, потому что очень многие бросались туда, чтоб покончить счеты с жизнью, но это не помогло. Самоубийства продолжают, только теперь жители выбрасываются из окон.

Мишель пробежал листок глазами. Письмо могло избавить его от присутствия в банде убийц. Он сложил листок и взглянул на барона.

— Капитан, парламент Экса умоляет меня вернуться в город и попытаться что-нибудь сделать. Долг велит мне ехать.

Пулен сдвинул на затылок широкополую шляпу с пером.

— Долг? А вы отдаете себе отчет, что, если вы туда поедете, вы рискуете шкурой?

— Да. Но я должен быть верен присяге: «Иди и убей Каина». Чего бы это ни стоило, мой долг — его убить.

Барон спешил, подобрав рукой подол красного бархатного плаща. Глаза его сияли. Солдат взял его лошадь под уздцы, а сам он обнял Мишеля и отступил на шаг.

— Вы, как всегда, благородны. Вы согласились пойти с нами в поход, хотя война — не ваша стихия. Идите, исполняйте свой долг, но берегите себя. Я бы хотел увидеть вас живым, и как можно скорее.

— Не сомневайтесь, сударь. Но куда вы поведете теперь ваше войско?

— Раз на то пошло, то ничего не остается, кроме как идти в Салон-де-Кро, где у меня имение. Расплачусь с солдатами, распушу их и буду вас там ожидать, друг мой. — Пулен смущенно помолчал. — Поверьте мне, те события, при которых вам пришлось присутствовать, были печальной необходимостью. Как говорил Игнаций Лойола, церковь порой толкает людей на смертный грех.

Мишель уклонился от прямого ответа.

— Будьте уверены, я приеду в Салон.

Оруженосец тоже спешил.

— Господин де Нотрдам, возьмите моего коня. Семья моя живет неподалеку, и мне совсем не хочется возвращаться в Экс. По-моему, ад выглядит и то приятнее.

Мишель принял подарок и вскочил в седло. Без лишней сердечности распрощался он с де ла Гардом и офицерами и прищипорил коня, направляясь к долине. На красноватом небе висело огромное закатное солнце. За спиной Мишеля войско крестоносцев медленно пришло в движение.

До Экса было меньше получаса езды. Уже в пригородах Мишель увидел картину, которую ожидал: дома заброшены, улицы покрыты грязью из сточных канав, прорубленных в брусчатой мостовой. Воздух пропитался запахом гнили и плесени. Сторожевые башни города опустели, таможни не подавали никаких признаков жизни. За стенами его ждало жуткое зрелище.

Первые из увиденных им мертвецов были навалены на телеге, какими обычно пользовались *alarbres*⁵. Тащивший телегу мул то и дело тыкался мордой в нечистоты, в надежде найти что-нибудь съестное. Он один остался в живых: и кучер, и сопровождающие врачи давно умерли. И *alarbres* тоже замертво повалились на свой страшный груз, а над ними вились тучи зеленоватых мух.

При первой же попытке осмотреть умерших Мишелю пришлось отвести глаза. Их синеватая кожа была сплошь покрыта ужасающими бубонами, особенно на груди и под мышками. На первый взгляд даже пол и возраст мертвецов невозможно было определить, поскольку на телах гроздьями висели мухи.

За всю жизнь Мишелю никогда не приходилось иметь дело с такой сокрушительной эпидемией. Ужас парализовал мысли, и он уже ни о чем другом не мог думать. Отъехав от телеги, он направил коня в сторону ратушной площади. Трупов валялось на дороге такое множество, что ему вскоре пришлось спешиться. Он повел коня в поводу, стараясь ни на кого не наступить.

Когда он добрался до центра города, солнце уже село. Площадь походила на гигантское кладбище, над которым стоял густой запах чеснока. То здесь, то там среди трупов стали зажигаться огоньки, и Мишель решил, что это блуждающий огонь. Однако, приглядевшись, он увидел, что огни медленно движутся вместе с неуклюжими фигурами в кожаных жилетах и масках, похожих на клювы.

Он вздохнул с облегчением, так как хорошо знал: это были врачи, санитары и люди, отвечавшие за помощь больным. В городе их называли чиновниками ведомства очистки. Одна из фигур двинулась к нему, размахивая фонарем. Мишель подождал, пока она приблизится.

Когда между ними оставалось всего несколько шагов, человек опустил огромный клюв в низком поклоне.

— Вы, конечно, не узнаете меня, господин де Нотрдам, но я ваш друг.

Мишель сразу узнал голос.

— Жозеф Тюрель Меркюрен! — воскликнул он. — Аптекарь из Сен-Реми!

— Он самый. Рад вас видеть, но прошу вас, немедленно наденьте маску и усиленно дышите. Не бойтесь, запах вполне приемлемый.

Меркюрен протянул Мишелю небольшую сферическую маску из металла, сплошь усеянную маленькими дырочками. Тот осторожно вдохнул, и лицо его довольно разгладилось.

— В жизни не нюхал ничего более приятного, — с восторгом сказал он. — Где вы это раздобыли, Жозеф?

— Сам изготавливаю у себя в аптеках в Эксе и Сен-Реми. Можно взять также пилюли с порошком. Предохраняют от чумы лучше противоядия Андромаха! Благодаря им столько людей пока живы!

Дыша в металлическую маску, Мишель критически оглядел площадь.

— Я пока вижу только мертвых.

⁵ Так в Провансе называли добровольных помощников могильщиков (*см. первую книгу*).

— Здоровые сидят по домам. Как только началась эпидемия, Мейнье д'Оппед запретил всем покидать жилища под страхом смертной казни. Правда, потом стража вся перемерла от чумы. Теперь любой может выехать, тем более что город никто не охраняет. Только кто отважится пройти по улицам, мощенным синюшными вонючими трупами?

Мишель указал на палатку у себя за спиной.

— Мне бы обязательно надо повидать барона Мейнье. Он доверил мне городское здравоохранение.

Из-под маски послышался сардонический смешок.

— Весьма великодушно с его стороны! Это полная синекура⁶.

Меркюрен пожал плечами, и кожаный жилет на нем заскрипел.

— Во дворце вы его не найдете. Полчаса назад то, что осталось от парламента города Экса, во главе с Мейнье, сбежало в Пертюи. Правда, осталось очень мало.

— И куда же мне идти и что делать? — растерянно спросил Мишель.

— Ваша должность остается в силе и в отсутствие Мейнье. Сейчас вам лучше всего отправиться ко мне в аптеку: это одно из немногих мест, где можно чувствовать себя в безопасности от инфекции. Кроме того, мне с вами надо очень серьезно поговорить.

— Хорошо. Пойдем сразу?

— Конечно. Следуйте за мной.

Мишель повел коня за Меркюреном, который указывал дорогу через площадь. Было уже совсем темно, и трупы на земле можно было разглядеть только в свете фонарей, которыми светили себе врачи, бродя в поисках тех больных, в ком еще теплилась жизнь. Звон колокольчиков оповещал о приближении телеги *alarbres*, подбиравших свой печальный груз.

В полутьме, в бледном свете луны их фигуры выглядели еще более причудливыми и зловещими. Маски с клювами носили не все: на некоторых были черные капюшоны с прорезями для глаз или желтые удлинённые шапочки-шлемы. У людей в шапочках лица были открыты, и они непрерывно жевали дольки чеснока, доставая их из мешочков, подвешенных к поясу. В темноте они казались толпой привидений, закусывающих кровью мертвецов в саванах, которые лежали у них под ногами.

Мишель, то и дело натыкаясь на трупы, чувствовал себя все хуже и хуже. В его мозгу промелькнуло видение женщины, рожавшей в страшных муках. Новорожденный был какой-то странный: с красным безносым лицом, на котором один глаз смотрел по-человечьи, а другой явно принадлежал зверю, и с длинными, до самых ступней, руками. И самое страшное — изо рта шли четыре щели: две к глазам и две к ушам, и детское личико будто ухмылялось жуткой ухмылкой. Непонятно почему, но это видение было связано с Болоньей и конкретной датой в будущем: 21 февраля 1547 года. Длилось оно всего несколько секунд, и никто не нашептывал в уши. Это несколько приободрило Мишеля.

Однако болезненное ощущение не проходило, а, наоборот, нарастало. По счастью, дом Меркюрена находился недалеко от площади. Это было скромное двухэтажное здание, и аптека располагалась не в палатке рядом, а в маленькой комнате на нижнем этаже. Оставив коня в смежном с жильем стойле, Мишель вошел в аптеку. Он подождал, пока хозяин зажжет лампу, и, когда по комнате разлился свет, сразу почувствовал себя гораздо лучше.

Меркюрен стащил с себя маску и положил ее на скамейку. Потом начал возиться со шнуровкой жилета, которая была на спине.

— Помогите, пожалуйста, — попросил он и прибавил, пока Мишель распускал шнуровку: — Я вижу, вы без багажа. Ваш брат Жан говорил, что вы были на войне.

— Если это можно назвать войной... — Мишель нахмурился и быстро спросил, словно отгоняя какую-то мысль: — Жан жив?

⁶ Синекура (от латинского *sine* сига, то есть «без забот») — хорошо оплачиваемая должность, не требующая никакого труда и не связанная ни с какими обязанностями. (Прим. ред.)

— О да. Он до вечера оставался в Эксе, а потом уехал вслед за парламентариями. Ему покровительствует барон д'Оппед, и он становится важной персоной. Вы давно не виделись?

— Больше года, а то и двух.

— Тогда вы не знаете, чем я для него занимаюсь. Помните того доминиканца, которого сожгли в Эксе во время чумы тысяча пятьсот сорок четвертого года?

Мишель помрачнел лицом.

— Как я могу забыть? Диего Доминго Молинас. Мой постоянный преследователь.

— Помните, с ним была женщина необыкновенной красоты, с ледяными голубыми глазами?

— Конечно. Я так и не дознался, кто она такая.

Меркюрен сказал доверительно, отправив кожаный жилет на ту же лавку, что и маску:

— Я вам скажу кто. Итальянская аристократка Катерина Чибо-Варано, герцогиня Камерино. Она приходится сестрой могущественному кардиналу Иннокентию Чибо, который долго правил политической жизнью Франции, и дочерью Маддалене Медичи. — Меркюрен развел руками. — Но столь именитая родня ничего не смогла сделать, и Папа отлучил Катерину от церкви и отобрал ее феодал. С этого момента она готова на все, чтобы отлучение сняли, и с этой целью служит худшим из хозяев.

— Но разве ее не забили насмерть, возя по улицам Экса?

— Ее бичевали, но не до смерти. Ей удалось выжить. Как говорит пословица, «сорняк так просто не изведешь».

Последние слова Меркюрен произнес почти с яростью.

— Когда обнаружилось, что она еще жива, ваш брат Жан послал за мной в аптеку. Он попросил меня вылечить ее, это верно, но потом содержать под стражей подальше от Экса, ибо даже раненные змеи сохраняют весь свой яд.

— И где она теперь?

— В Сен-Реми, в аббатстве Сен Поль де Мансоль. Мы с вашим братом считаем, что ее следует выдать инквизиции.

При этом известии Мишель нахмурился.

— Следовательно, вы дружны с тулузскими доминиканцами?

— Ничего подобного. Я в какой-то мере даже их враг, — со смехом ответил Меркюрен. — Я просто хочу, чтобы эта дама оказалась в таких условиях, в которых она не сможет никому вредить. Свой долг гражданскому правосудию она уже заплатила и теперь, оказавшись на свободе, снова примется за преступные дела. Уверен, что она только об этом и мечтает. Поэтому остается только предать ее в руки правосудия церковного.

— Ее сожгут живьем.

— Вряд ли. Теперь сжигают достаточно редко, и в основном лютеран, которых удастся зацепить под каким-нибудь предлогом. Скорее всего, ее подержат в темнице достаточное время, и, когда она оттуда выйдет, в лице ее поубавится красоты, а в спине — прямизны.

Мишель пожал плечами.

— Вам виднее. Я с этой женщиной не знаком, и она меня не интересует. Расскажите лучше о чумной эпидемии. Она началась тридцать первого марта, так?

Меркюрен уселся на табурет, а гостю указал на кресло.

— Да, и сразу стало ясно, что это самая жестокая из всех эпидемий. Люди стали умирать внезапно, без всяких предварительных признаков заболевания. У первых жертв грудь сплошь покрывалась бубонами. Выживали только те, у кого бубоны появлялись на спине. Но потом болезнь словно поменяла разновидность. Теперь признаки заражения проявляются через два дня, и на второй день начинается бред. Моча у больных очень светлая, напоминает по цвету белое виноградное вино, а тело приобретает синюшный оттенок, словно сосуды наполняются голубой кровью. В этом случае уже сделать ничего нельзя.

— Я никогда не видел ничего подобного, — прошептал пораженный Мишель.

— И я тоже. Но есть и другие типы больных, помимо тех, что я вам описал. Болезнь

проявляется во множестве различных форм. Те, у кого бубоны за ушами, живут шесть, а то и семь дней. Но такие больные попадались только в первые дни. У некоторых начинает идти носом кровь и льется без остановки, пока не наступит смерть. Через неделю после начала эпидемии кладбище настолько переполнилось, что нам негде стало хоронить мертвецов. Я уже не говорю о самоубийствах...

— Я об этом слышал. А как вы пытались локализовать эпидемию?

— О, мы мобилизовали всех городских врачей, но многие из них умерли, а другие должны были заниматься своими домашними. Теперь никто не отваживается прикасаться к заболевшим голыми руками: только окрашенными палочками, которые сразу сжигают. Традиционные средства лечения не помогают. Можно и вправду подумать, что прав был Амбруаз Парэ, который сказал, что чума — не заболевание, а проявление Божьего гнева.

— Парэ был великим врачом, но здесь он ошибался, — заметил Мишель. — А скажите, что это за вещество вы мне дали вдохнуть на площади?

Лицо Меркюрена прояснилось.

— Это мое изобретение, и я готов поклясться, что оно эффективно. Но убедить в этом врачей пока не удается: они, как всегда, отвергают советы аптекарей.

Он указал на дверцу, завешенную тканью.

— Пойдемте в лабораторию, я вам покажу, как я его готовлю.

Мишель подождал, пока Меркюрен зажжет свет в соседней комнате, и вошел. То, что он увидел, его потрясло. Помещение не было похоже на обычную, оборудованную для аптечных нужд лабораторию. Огромный яйцевидный горн из обожженной глины, который называли атанором, опирался на дровяную печь внушительных размеров, сверху переходившую в камин. У стены стояли другие яйцевидные сосуды, стеклянные, и рядом с ними тигель крестообразной формы. Над печью поменьше располагались два круглых стеклянных контейнера. Оба они заканчивались сужающимися «клювами», которые перекрещивались, упираясь концами в круглые бока друг друга. По полу были разбросаны кочерги, щипцы, молотки и закопченные от постоянного употребления мехи.

Мишель сразу понял, чем занимался Меркюрен, но виду не подал. Аптекарь вынул из шкафа какой-то флакон и открыл пробку. Комната наполнилась нежным ароматом, который заглушил все остальные запахи.

— Это не так уж трудно приготовить, — с увлечением пояснил Меркюрен. — Надо взять немного опилок зеленого кипариса, шесть унций флорентийского ириса, три драхмы аира и шесть драхм алоэ. Потом надо истолочь в мраморной ступке деревянным пестиком триста или четыреста свежайших красных роз и добавить к ним все остальные ингредиенты. Из такой смеси можно делать таблетки или... На что это вы загляделись?

Взгляд Мишеля упал на книги, стоявшие возле маленькой печи. Неужели... Он взял плохо сшитую рукопись, лежавшую сверху. Когда на титульном листе под именем Ульриха из Майнца он прочел знакомое название: «Arbor Mirabilis», «Древо чудес», пальцы его задрожали. Рукопись включала в себя только приложение на арабском языке, самого текста не было.

Надтреснутым от волнения голосом он спросил:

— Где вы нашли эту рукопись?

Аптекарь удивился.

— Она была среди тех немногих вещей, что имела при себе герцогиня Чибо-Варано перед тем, как ее арестовали и бичевали. Может, она принадлежала Молинасу. Вы знакомы с этим трактатом?

— Знаком ли я с ним? — Мишель не мог скрыть волнения. — Рукопись моя, и я искал ее пятнадцать лет. Книгу мне вернули, но без примечаний.

Меркюрен широко улыбнулся.

— Если вы так ею дорожили, значит, вы понимаете содержание. Следовательно, вы не простой врач, как и я не простой аптекарь.

— Что вы хотите сказать? — рассеянно спросил Мишель, занятый своими мыслями.

— А то, что я алхимик. Вы слышали когда-нибудь о Денисе Захарии?
— Да, я слышал это имя. Вы его ученик?
— Нет, это я и есть Денис Захария. — Меркюрен заговорщически поклонился. — Теперь вы понимаете, почему я не могу быть другом инквизиции, дорогой собрат?

ТУЛУЗСКАЯ ИНКВИЗИЦИЯ

— Не трогайте меня, мерзавцы! — сипло крикнула Катерина Чибо-Варано. — Не смейте ко мне прикасаться, а не то...

В ответ послышался взрыв хохота.

Двое наемников, которые говорили только по-провансальски и не имели ни малейшего желания вступать с ней в диалог, выпихнули герцогиню из камеры, куда ее поместили в Тулузе. Спотыкаясь, она стала подниматься по бесконечной винтовой лестнице между стен, круто обрывавшихся в подземелья. Несмотря на ужасные дни, проведенные в этой могиле для живых, голова ее работала великолепно. Она спрашивала себя, в какой роли предстанет перед судом: обвиняемой или свидетельницы, хотя, однажды уже побывав в руках инквизиции, понимала, что ответить на него невозможно.

Миновав лестничную площадку, она прошла по коридору с голыми стенами, освещенному факелами, от дыма которых щипало глаза. Потом ее втокнули в просторный зал, где дыма было меньше, несмотря на множество факелов и ламп.

— Сядь сюда, — приказал ей на ужасающем французском один из солдат.

Она уселась на очень неудобный, странного вида треугольный табурет из деревянных планок, опиравшихся на неструганные чурбаки. Она стыдилась голых ног, торчавших из-под льняной рубахи, которую на нее напялили. Будь перед ней буржуа или аристократы, ей бы было все равно, но здесь собрались представители церковного сословия.

Все присутствующие, кроме нотариуса из мирян, уткнувшегося носом в бумаги, были священниками или монахами доминиканского ордена. Самым беспокойным из всех инквизиторов, сидевших за большим столом у голой стены с огромным распятием, выглядел, пожалуй, великий инквизитор Франции Матье, или Матиас, Ори. Его худое лицо было угрюмо и мрачно, а длинные пальцы, видневшиеся из рукавов епископского одеяния, все время нервно двигались. Он перебирал пачку бумаг, видимо, отыскивая те, что относились к процессу. За утро он произнес бог весть сколько обвинительных речей, и этот процесс был на сегодня последним.

Секретарь, маленький приземистый доминиканец с неправильным лицом в обрамлении жидких бакенбард, выглядел спокойнее. Он первый увидел, как ввели то ли обвиняемую, то ли свидетельницу. Окинув взглядом зал, он обнаружил, что народу явно не хватает, если не считать десятка послушников и членов полумонашеских орденов.

— Где комфортатории? — спросил он, обращаясь к партеру, запоздало загудевшему. — Если в зале присутствуют комфортатории, пусть выйдут вперед!

На призыв откликнулись два старых доминиканца, сидевших на скамьях в отдалении. Они поднялись и молча встали слева и справа от Катерины.

Один из них сунул ей под нос распятие, вероятно, чтобы она его поцеловала. Она же только удивленно взглянула сначала на распятие, потом на монаха. Тот так же молча убрал руку и сердито отвернулся, пробормотав:

— И это святотатство тебе тоже зачтется.

За столом возникло оживление. Видимо, кого-то ожидали и готовились к его появлению. Через несколько минут все стало ясно. В дверях появился слуга и объявил:

— Его высокопреосвященство кардинал Антонио Галаццо делла Ровере, инквизитор по делам еретиков графства Венессен.

Вся возня мигом стихла, когда в зал вошли сначала два священника, а потом появился кардинал в красном бархатном одеянии с горностаевой опушкой, как и подобало его сану. Это был представительный человек с широким суровым лицом, маленькими хитрыми

глазками и мясистыми губами, над которыми топорщились длинные напояженные усы. Грива седых, вьющихся на концах волос виднелась из-под скуфьи, закрывая уши.

Все дружно вскочили на ноги. Прелат равнодушно ответил на приветствие и уселся в центральное кресло. Потом великодушным и в то же время авторитарным жестом приказал всем садиться. Только Маттье Ори, который был ниже кардинала в церковной иерархии, зато выше в иерархии инквизиции, никак не выказал почтения вновь прибывшему и ограничился сухим кивком. Он уступил кардиналу ведение процесса только по соображениям территориальным, и по гневу, сквозившему в его взгляде, можно было догадаться, что ему все это до крайности не нравится.

Наступило долгое молчание. Кардинал листал страницы дела, и лоб его все больше хмурился, выдавая недовольство. Наконец он обратился к главному инквизитору:

— Вы уже задавали этой женщине вопрос о ее происхождении?

— Нет, ваше высокопреосвященство, мы ждали вас.

Кардинал пристально взглянул на герцогиню.

— Вы действительно Катерина Чибо-Варано, в прошлом герцогиня Камерино?

— Да, — ответила Катерина, намеренно опустив глаза с видом робким и в то же время жеманным.

— У вас есть дочь по имени Джулия Чибо-Варано?

Катерина внутренне вздрогнула. Если кардинал задает такой явно лишний вопрос, это может означать, что он прочел в документах имя мужа Джулии, Гвидобальдо делла Ровере, который, скорее всего, приходился ему родственником.

— Да, ваше высокопреосвященство, — ответила она.

Кардинал настолько погрузился в свои мысли, что забыл подвести подсудимую под присягу. Вспомнив наконец об этой обязательной части процедуры, он раздраженно сказал:

— Пусть кто-нибудь даст подсудимой Евангелие и велит произнести положенную присягу.

Один из комфортаториев подскочил к столу, взял с него открытое Евангелие и вернулся к герцогине. Катерина положила пальцы на переплет и послушно повторила вслед за монахом:

«Я, Катерина Чибо, дочь графа Франческетто Чибо делль'Ангвиллара и Маддалены Медичи, вдова Джованни Мария, герцога Камерино, сорока пяти лет от роду, коленопреклоненно перед вашим высокопреосвященством, имея перед глазами святое Евангелие и прикасаясь к нему, клянусь говорить...»

Формула присяги была достаточно длинной. Наконец комфортаторий забрал Евангелие и снова водворил его на стол. Катерина, не без тайной гордости, отметила, что все инквизиторы, за исключением сурового Маттье Ори, вздрогнули, когда она назвала свой возраст. Они явно не ожидали, что в сорок пять лет женщина может быть так хороша. Это свидетельствовало о том, что они состояли из плоти и крови. Прекрасно, надо это использовать себе во благо.

Кардинал делла Ровере подождал, пока нотариус кончит записывать, потом спросил:

— Вам известно, в чем вас обвиняют?

— Нет, неизвестно. Но я знаю, кто меня обвиняет, и готова донести о его кознях.

За столом, где сидели инквизиторы, поднялся шумок. Это было редкостью, чтобы обвиняемый, вместо того чтобы защищаться, обвинял своего доносчика. И тем более редкостью было то, что обвиняемый знал имя доносчика. Раздраженным жестом кардинал делла Ровере восстановил тишину.

— К вашему сведению, вас обвиняют в ведовстве и убийствах, — сказал он Катерине, не глядя ей в глаза. — Но инквизиция согласна выслушать ваши разоблачения. Кто, по вашему, вас преследует?

— Человек гнусный и коварный, который прячет за деятельностью аптекаря деяния недозволенные и демонические. Он втайне занимается алхимией.

— Алхимия не запрещена! — бросил один из священников, составлявших трибунал.

Кардинал испепелил его взглядом.

— Ошибаетесь! Папа Иоанн Двадцать Второй в декрете «*Spondent quas non exhibent*»⁷ сурово осудил эту ложную доктрину. А наш всеобщий наставник, инквизитор Николас Эймерик, написал по этому поводу целый трактат «*Contra alchimistas*»⁸. — Он повернулся к обвиняемой: — Итак, назовите имя этого предполагаемого колдуна.

За резким тоном кардинала Катерина почувствовала скрытую симпатию. Более того, мягкие черты лица прелата, влажные красные губы и томные жесты выдавали с трудом сдерживаемую чувственность. Что ж, обстоятельства вложили ей в руки еще одно оружие для защиты.

— Имя моего недоброжелателя Жозеф Тюрель Меркюрен, но свои работы он подписывает «Денис Захария».

— Меркюрен действительно фигурирует среди свидетелей обвинения по делу этой женщины, — нехотая объявил нотариус, сверившись с документами.

Матье Ори кинул на него гневный взгляд.

— С каких это пор во время процесса оглашают имена свидетелей? — отчеканил он в ярости.

Нотариус замолчал, и делла Ровере снова сосредоточился на обвиняемой.

— Вы видели, чтобы Меркюрен заклинал демонов, призывал Сатану или справлял обряды, противные христианской вере?

— Нет, но не исключаю, что он этим занимается.

— Я спрашиваю о фактах, а не о домыслах.

Голос кардинала звучал строго, но не враждебно.

— Вам известно, что у него хранятся запрещенные книги, к примеру колдовские или лютеранские тексты?

Катерина лихорадочно пыталась найти, чем бы скомпрометировать Меркюрена, но так, чтобы ее слова не выглядели наговором. Внезапно ее осенило.

— Сама я не знаю, но монах-врачеватель из монастыря Сен Поль де Мансоль говорил мне, что у Меркюрена много таких книг. Кажется, это все знают.

— Сен Поль де Мансоль — августинский монастырь, где содержали эту женщину под арестом, — пояснил нотариус.

Кардинал поднял брови.

— И, зная об этом, августинцы не донесли?

Катерина внутренне вздрогнула от радости.

Она искусно сыграла на враждебности, которую доминиканцы питали к остальным религиозным орденам. Чтобы оказаться во главе инквизиции графства Венессен, Антонио Галаццо делла Ровере надлежало либо в прошлом быть доминиканцем, либо иметь очень близкие отношения с последователями святого Доминика. Кардинал не мог не соблазниться возможностью обвинить августинцев в укрывательстве человека с репутацией колдуна. Итак, теперь Катерина сможет отомстить и Меркюрену, и всему монастырю Сен Поль.

— Если монахи, которые так заботливо за мной ухаживали, поддерживают Меркюрена, то, конечно же, по дружбе, а не потому, что они его сообщники, — сказала она, изображая искренний порыв, — Они милые люди и сами стали жертвами коварства этого колдуна...

— Это мы посмотрим, — пробормотал кардинал.

— Их настоятель, Марк Ришар, в прошлом был обвинен инквизитором Иоанном Римским в симпатии к гугенотам...

Удар пришелся точно в цель. Делла Ровере вздрогнул и оглядел коллег.

— Почему об этой детали мне никто не доложил? — возмущенно спросил он.

⁷ «Защищают то, что не могут предъявить» (лат.).

⁸ «Против алхимиков» (лат.).

— Это записано в документах, — хитро усмехнулся Матье Ори, — Ваше высокопреосвященство, напоминаю вам, что обвиняемая отлучена от церкви. Вы найдете это в ее деле, если прочтете внимательно. Что могут значить ее утверждения, если учесть, что она — убийца, сознательно сеявшая чуму в вашем Провансе? Перед вами настоящая змея.

— Ложь! — закричала Катерина. Она быстро заморгала глазами, чтобы вызвать слезы. — Из-за интриг Меркюрена и еврея по имени Мишель де Нотрдам в Эксе заживо сожгли невинного! Диего Доминго Молинас был человеком безупречным, и его погубила эта шайка некромантов!

При упоминании о Молинасе делла Ровере слегка вздрогнул. Катерина прекрасно знала, что кардинал был покровителем и коллегой испанца. Назвав это имя, она как бы предупреждала прелата об опасности, которую таит для него обвинительное заключение, вынесенное по ее поводу. Признав ее виновной, он рисковал себя скомпрометировать.

Теперь делла Ровере побледнел.

— Если обвинения в адрес этой женщины исходят от колдуна, то они не имеют никакой силы, — сказал он без прежней уверенности в голосе. — Мы не можем продолжать процесс без следствия по делу Дениса Захарии.

В улыбке Матье Ори прибавилось иронии.

— Ваше высокопреосвященство, я вынужден напомнить вам, что обвиняемая отлучена от христианской церкви. Самым весомым из тяготеющих над ней обвинений является обвинение в сношении с демонами. Возможно, каждое ее слово — ложь.

Все присутствующие снова зашумели, но на этот раз в поддержку Матье Ори. Кардинал казался растерянным.

— Чего же вы просите? — пробормотал он.

— Допроса под пыткой. Тогда увидим, будет она настаивать или откажется от своих заключений.

Снова поднялся одобрительный шумок. На миг Катерину охватила паника, но она быстро с собой справилась, благодаря способности мыслить логически: делла Ровере был вовсе не заинтересован в том, чтобы она заговорила. И уж тем более, чтобы заговорила под пыткой, когда люди теряют над собой контроль.

Кардинал, казалось, был в растерянности, и лицо его выражало преувеличенную скромность, когда он произнес:

— Эта женщина едва приоткрыла нам ужасную интригу, затеянную алхимиком, посвятившим себя демоническим искусствам. Вы, как и я, знакомы с «Руководством для инквизиторов» Николаса Эймерика. Пытка имеет смысл, когда есть достаточно доказательств вины подсудимого. В этом же случае я вижу много пробелов в расследовании. Надо было более тщательно работать с главным свидетелем обвинения. Мне его показаний недостаточно.

Матье Ори приподнял плечи, видимо, считая лишним отвечать. Наверняка весь процесс казался ему незначительным.

Кардинал расценил наступившее молчание как свою победу. Он мрачно уставился на Катерину.

— Женщина, ты не привела ни одного доказательства в пользу своих обвинений. Даю тебе минуту, чтобы ты представила хотя бы одно. Если же не представишь, то будешь заключена уже не в монастырь или городскую тюрьму, а в один из казематов, что находятся в наших подземельях. И там будешь ожидать конца следствия, даже если на это уйдут годы.

Катерина заметила переход с «вы» на «ты»: признак того, что прелат решил проигнорировать ее высокое происхождение. Теперь он попытается уравновесить собственную снисходительность показной суровостью, чтобы не возбудить подозрений великого инквизитора. Возник риск, что он замурует ее в каземат навечно, чтобы только не путалась под ногами.

Катерина поняла, что настал момент пустить вход единственное оружие, которым она располагала.

— Я представлю вам доказательства, которых вы требуете, — сказала она нарочито осипшим голосом и притворилась, что закашлялась. — Могу я попросить воды?

В обычаях инквизиции было содержать обвиняемого в наихудших условиях, чтобы страдания побудили его раскаться. Но тут все были заинтересованы в том, чтобы герцогиня продолжила свои разоблачения. Подумав, кардинал кивнул и сделал знак секретарю:

— Принесите ей воды.

Получив чашку, Катерина изобразила дрожь в пальцах. При этом добрая половина содержимого пролилась ей на грудь. Мокрая рубашка, прилипнув, обозначила великолепные, округлые формы. Допивая остатки, она украдкой проследила за реакцией присутствующих. Все взгляды, кроме взгляда Матье Ори, были прикованы к этой обольстительной части ее тела. Она поставила чашку рядом с собой и выпрямилась.

— Доказательство, которое я хочу представить, — это мазь, которой меня лечил лекарь в монастыре Сен Поль де Мансоль. Дайте ее исследовать богобоязненному аптекарю, и вы обнаружите там человеческий жир и другие ужасные ингредиенты. Она действует только потому, что в ходе ее приготовления был призван дьявол. Это от него Меркюрен получил свои алхимические познания.

Кардинал, более других погрузившийся в созерцание сладострастной женской груди, оторвался от своих мечтаний.

— Это расследование должно быть доведено до конца! — воскликнул он. — Господин главный инквизитор, можете вы доставить мне эту мазь?

Матье Ори впервые изменила выдержка, и он метнул в кардинала гневный взгляд.

— Ваше высокопреосвященство, уж не принимаете ли вы меня за своего слугу? Прежде всего, велите снова водворить в тюрьму эту мерзавку.

— Нет, это было бы неправильно, — возразил делла Ровере почти инстинктивно. Он был настолько выбит из колеи, что даже не заметил, насколько рассержен коллега. — Если эта женщина невиновна, как я подозреваю, то отправить ее в тюрьму означало бы оказать услугу ее недоброжелателю.

— И где вы предполагаете ее содержать? — спросил молодой священник, который называл себя падре Михаэлис. — Нельзя же ее отпустить.

Катерина сочла, что теперь настал момент повести себя нагло, и решила пойти ва-банк. Выставив грудь вперед, она как бы демонстрировала товар, который могла предложить, однако при этом опустила глаза и заговорила смиренно:

— Ваше высокопреосвященство, о вас говорят правду, вы действительно великодушны. И мне, бедной женщине, остается только быть вам бесконечно благодарной. С другой стороны, я понимаю, что до выяснения истины вы должны содержать меня под стражей. Если вы избавите меня от тюрьмы, я готова поклясться, что не предприму ни малейшей попытки к бегству. Да и куда мне бежать? Заберите меня к себе во дворец и запирайте в комнату прислуги или в стойло, если пожелаете. Там я буду ожидать исхода следствия, молясь день и ночь.

Ори сложил губы в сардоническую усмешку, в то время как делла Ровере усиленно кивал.

— Превосходно, прекрасное решение, — быстро сказал он, словно боясь вмешательства главного инквизитора. — Вы, Катерина Чибо-Варано, будете заключены в моем дворце, пока трибунал не решит вашу судьбу. Поскольку вы отлучены от церкви, вам определят место в помещении для прислуги, а точнее — для служанок из Вест-Индии. Исповедоваться будете у меня, если пожелаете, но больше не увидите ни одного человека, кроме своих родственников. А теперь заседание закрывается и начинается расследование дела Меркюрена.

Матье Ори пожал плечами, встал со стула и вышел, не говоря ни слова. Было ясно, что он не хотел перечить кардиналу, но считал все это слушание пустой тратой времени, если не сказать хуже.

Зато один из священников, пришедших на процесс в качестве слушателей, высокий

худой человек, высказал свое возмущение главным инквизитором.

— Стыд и позор! — крикнул он.

Кардинал наклонился к нотариусу.

— Кто этот невежа?

— Испанский путешественник, ваше преосвященство. Кажется, он большой друг Папы хотя в прошлом и отличался бурными проказами. Я знаю его только по имени.

— И как его имя?

— Дон Иньиго Лопес. Но сам он себя называет Игнацио Лойола.

— Я о нем слышал. Из какого он ордена?

— Похоже, ему позволили создать свой собственный орден.

Антонио Галаццо делла Ровере покачал головой.

— Не выпускайте его из виду, он похож на протестанта.

Спустя некоторое время Катерину со связанными руками вывели по приказу кардинала на площадь, и тут она с удивлением увидела что навстречу ей бежит Джулия. Когда девушка подбежала, Катерина поцеловала ее в лоб. И сразу же офицер, который держал конец веревки, так сильно дернул ее, что Катерина застонала.

Делла Ровере, направлявшийся к роскошной карете, которая ждала его у дворца инквизиции, обернулся.

— Что там такое?

Катерина кивнула головой в сторону Джулии:

— Это моя дочь, ваше высокопреосвященство.

— Вот как? — Кардинал оценивающе оглядел девушку, потом сказал: — Я не имею права, однако разрешаю вам взять ее с собой. Я найду ей применение. Надеюсь, ее близость поможет вашему раскаянию.

— Благодарю вас, ваше преосвященство!

Подождав, пока он отвернется, Катерина шепнула на ухо Джулии:

— По-моему, это дядя Гвидобальдо, твоего бывшего муженька. Красавчик, правда?

— Мамочка! — запротестовала Джулия. — Да ведь это мерзкий старикашка!

— Ну-ну, не преувеличивай.

Катерина убедилась, что офицер смотрит в другую сторону, и добавила:

— Способна ли ты на маленькую жертву, чтобы уберечь мать от лишних страданий?

— О, конечно, я сделаю все, что захотите!

Катерина улыбнулась.

— Хорошо. Вот увидишь, то, о чем я попрошу, вовсе не так трудно. Просто надо закрыть глаза и позволить, чтобы все шло, как идет.

Джулия посмотрела на нее удивленно, но герцогиня не была расположена пускаться в объяснения. Их посадили в карету кардинала, которая покатила в Аген. Вечернее солнце освещало цветущие зеленые поля. Любуясь пейзажем, кардинал делла Ровере бросал на обеих пассажиров благосклонные взгляды.

ТАЙНАЯ КОМНАТА

В конце февраля 1547 года чума, девять месяцев свирепствовавшая в Эксе-ан-Прованс, пошла наконец на убыль. Город опустел, на улицах не было видно ни прохожих, ни трупов. Все лето, осень и добрую часть зимы Мишель мотался по улицам во главе небольшого отряда врачей, санитаров и *alarbres*, добиваясь, чтобы мертвых срочно убирали за пределы городских стен, и снабжал живых флаконами с составом, который готовил Меркюрен.

Средство действительно было эффективным. Ни один из тех, кто вдыхал его пары или применял в качестве компрессов, чумой не заразился. Либо лекарство обладало мощным воздействием, либо ослабевала эпидемия. Инфекция определенно утратила силу и огрызалась все реже и реже.

Ужасных зрелищ, однако, все еще хватало. Однажды Мишель и Меркюрен

содрогнулись, найдя на верхнем этаже брошенного дома женский труп, наполовину завернутый в саван. Как и во время эпидемии двухлетней давности, женщины, почувствовав скорую смерть, из последних сил заворачивались и зашивались в простыни, чтобы потом аларbres не нашли их голыми. Бедняжка так и умерла с иголкой в руке, успев зашить себя в саван только наполовину. Когда мускулистый детина, помогая себе мясницким крюком, стаскивал ее вниз, оба не смогли сдержать слез. На счастье, это была одна из последних жертв.

После дневной работы на площади Мишель проводил ночи в лаборатории Меркюрена, пытаясь экстрагировать капли сока из уже засохших лепестков роз. Во время одной из таких попыток он сник и упал на стул.

— Бесплезное занятие, розы уже засохли. Недостаток вашей методы в том, что она зависит от сезона.

Меркюрен наблюдал за жидкостью, кипевшей в перегонном кубе.

— Да, к сожалению. Но вы сами видели чудодейственные свойства моего состава. Он не работал только тогда, когда аптекари из экономии прописывали больным смехотворные дозы.

— Да уж, наши коллеги не изменяют своей обычной мелочности. Думаю, мы с вами единственные серьезные специалисты из тех, кто остался здесь с тех пор, как чума начала показывать зубы. Толпа, атакующая престижные аптеки в первые дни эпидемии, была не более чем безмозглой массой, готовой схватить любое лекарство. Фармакопее как объект моды наносит вред науке. Не случайно слабые сразу обнаруживают себя перед лицом чумы.

— Правда, ни вы, ни я — не аптекари. Я имею в виду не то, что вы врач.

Меркюрен оторвался от перегонного куба и вышел на середину комнаты.

— Мишель, вы же читали то, что подписано именем Денис Захария. Я вижу, что вы неохотно говорите на эти темы, но не понимаю почему. Ведь вы тоже адепт Великого Деяния и превосходный астролог. Почему вы стараетесь это скрывать?

Мишель заерзал на стуле, не глядя другу в глаза.

— Я добрый католик и стараюсь держаться подальше от всего, что не одобряет церковь. Алхимия осуждена многократно и отчасти также астрология, несмотря на вмешательство Пьера Эйи и других защитников. Поэтому, владея этими науками, я избегаю ими заниматься.

— Можно, я скажу напрямую? — Не дожидаясь ответа, Меркюрен продолжал: — Должен быть еще какой-то мотив, препятствующий вам заниматься оккультной философией. Вы владеете исключительными познаниями, но не решаетесь их применить. Поверьте мне, как бы вы себя ни насиловали, вам на роду написано не быть посредственностью.

Мишеля эти слова буквально потрясли. В сознании снова ярко вспыхнули забытые образы: жестокое лицо Ульриха, боль от странного и отвратительного обряда инициации, доступ к сферам, где правит безумие... Его «я» вдруг стало пугающе расширяться, и ему пришлось выдержать отчаянную схватку с кошмаром, который снова чуть не завладел сознанием. Из схватки он вышел победителем, но тело бил озноб, как в лихорадке.

Стараясь отделаться нейтральной фразой, он прошептал, еле шевеля губами:

— Моя единственная задача — служить Господу. Это написано и на моем фамильном гербе: «Soli Deo». Богу Единому.

— Вы уверены, что девиз имеет именно такое значение? — язвительно спросил Меркюрен и сразу продолжил, боясь еще больше смутить друга: — Ведь алхимия вовсе не противоречит религии. Только глупость инквизиторов понуждает их думать подобным образом. Мы служим Господу, сообразуясь с его моделью мироздания и становясь, в свою очередь, творцами. Превращая неблагородные металлы в золото, мы лишь подражаем божественному превращению хаоса в совершенство.

— Однако до сих пор никто в этом не преуспел, — заметил Мишель, приходя в себя.

— Никто, пока я...

Меркюрен прервал себя на середине фразы. Из перегонного куба распространилось

нежное благоухание, отдававшее розами, алоэ и другими бархатистыми ароматами.

— Получилось! — радостно воскликнул он, — У нас есть еще одна порция противочумного состава! Возьмите-ка флакон из этого шкафчика наверху. Сейчас начнут конденсироваться капли жидкости!

Мишель бросился к шкафчику и, потянувшись за стеклянным флаконом, уронил какую-то медаль, которая со звоном покатилась по полу. Он нагнулся ее поднять, и у него перехватило дыхание: на одной стороне была изображена обнаженная женщина на фоне созвездий Быка и Овна, на другой король верхом на орле. Король любовался на свое отражение в зеркале, которое держала перед ним фигура довольно причудливого вида: существо с куриной головой, со стрелой в руке и с ногами, похожими на длинные когти или, пожалуй, на пару змей.

Это изображение особенно потрясло Мишеля.

— Абразакс... — прошептал он.

Склонившийся над кубом Меркюрен резко выпрямился.

— Значит, вы тоже знаете... И ничего мне не говорили! — Он снова принялся изучать кончик змеевика. — Флакон, скорее!

Мишель положил медаль на место и поспешил с флаконом к змеевику, из которого как раз показалась первая капля густой жидкости. Флакон наполнился достаточно быстро, так что понадобился другой. Потом капли иссякли. Нежный аромат, наполнивший комнату, усилился.

— Маловато, но на пару дней хватит, — заметил Меркюрен. Он пристально взглянул на Мишеля. — Слово «Абразакс» известно не многим, и еще меньше людей знают его значение и силу, которую оно способно дать. Что вы об этом знаете?

— Я отвечу числами, — отозвался Мишель, стараясь за полуулыбкой скрыть свое состояние. — Один, два, двести, один, двести, один, шестьдесят.

— Так вы адепт! Я так и думал!

Весь сияя от радости, Меркюрен все же предусмотрительно оглянулся по сторонам.

— Я обязательно должен показать вам одну книгу.

Он подошел к еле заметному за большой печкой запыленному шкафчику и открыл дверцу. Там лежала внушительных размеров книга. Аптекарь вынул ее и протянул другу.

— Это очень редкое издание, не многие им владеют. Она напечатана в Антверпене под редакцией некоего Шифле. Листайте осторожно.

Мишель бережно открыл тяжелый матерчатый переплет. Появилось название, прочитав которое он сразу вздрогнул: «Disquisito antiquaria de gemmis Basilidianis, seu Abraxoi apistophistus»⁹. Затем под буквами IA? следовала принадлежность книги: ее владельцем был Иоанн Счастливчик, каноник из Эйр-сюр-ле-Ли в Артуа. Достаточно было просто пролистать похрустывающие страницы рукописи, чтобы по одним гравюрам догадаться, что речь в ней идет об изготовлении амулетов, и на многих из них красовалось изображение человека с птичьей головой и змееподобными ногами.

Нотрдам вгляделся в лицо Меркюрена, силясь понять, что тот имел в виду, назвав себя «адептом».

— Из этого текста вы и узнал и об Абразаксе?

— Да, но не только из этого. Эту книгу дал мне Жан Фернель. Вы с ним знакомы?

— Нет.

— Он не принадлежит к истинным алхимикам, он скорее маг, большой знаток еврейской каббалы. Это он посвятил меня в секрет изготовления медальонов, один из которых вы видели. А знаете, кто эта обнаженная женщина? Для кого изготовлен талисман?

⁹ «Исследование старинных василидианских гемм с изображением Абраксаса». Гностическая секта василидов здесь упомянута не случайно: у василидов считалось священным число триста шестьдесят пять, и числовая символика Абразакса тоже связана с этим числом. Особенно ярко она выявлена в гл. «Агония чудовищ». (Прим. перев.)

— Откуда же мне знать? — нервно спросил Мишель.

— А я вам скажу по секрету.

Меркюрен прошептал ему на ухо несколько слов. Пораженный Мишель выпрямился.

— Дофина?

— Можете называть ее королевой. За год, проведенный среди чумных больных, вы отстали от жизни. Наш король, к прискорбию, находится при смерти. Он протянет от силы несколько месяцев, может, несколько дней, и ему наследует принц Генрих, а Екатерина — его жена.

— Я ничего об этом не знал, — пробормотал Мишель.

Да, привычка изолироваться от мира и отстраняться от поли гики его подвела. В королевстве менялись порядки, а он и не знал. Что же станет теперь с гугенотами, которые так ненавистны будущим суверенам? Их тоже постигнет участь вальденсов? Дрожь пробежала по телу. Да нет, гугеноты гораздо сильнее горстки горных жителей, резней их не одолеть. Но отчего же в дальнем уголке его сознания всплыл образ крови?

Меркюрен подошел к нему вплотную.

— Теперь ваша очередь, друг мой, — сказал он шутливым тоном, но достаточно решительно, — Как вы сами узнали об Абразаксе?

Мишель сразу насторожился. После печального опыта с Молинасом в Монпелье это слово перестало быть для него гарантией единомыслия. Он притворился, что зевает.

— Мне говорил о нем дед с материнской стороны. Теперь же прошу меня извинить. Я очень устал, а завтра с утра нам предстоит обойти весь город, чтобы доставить больным ваш препарат.

— Воля ваша, — сказал явно разочарованный Меркюрен. Он взял из рук Мишеля книгу и снова спрятал ее в шкафчик.

На следующее утро солнце, сиявшее над Эксом, хотя до весны было еще далеко, словно оповещало о скором конце эпидемии. Больные, которых Мишель и Меркюрен обходили каждый день, выглядели гораздо лучше, и санитары сообщали, что количество умерших ощутимо сокращалось. Город все еще выглядел как призрак, и над ним висела угрожающая тишина, но трупов, по крайней мере на улицах, уже не было. Врачи и санитары, хотя и носили по-прежнему кожаные жилеты, а иногда и колокольчики, привязанные к щиколоткам, уже не боялись прикоснуться к больным руками. Никто больше не жевал чесночные дольки и не дышал никакими эссенциями, кроме тех, что готовил Меркюрен. Теперь свой состав он раздавал еще и в пилюлях.

Ближе к полудню, ко всеобщему удивлению, появился Мейнье д'Опиед, в сопровождении Пьетро Джелидо и перепуганных членов парламента. Однако, прежде чем вернуться во дворец, Мейнье отправился на поиски Мишеля. Он обнаружил его неподалеку от южных ворот города, где тот наблюдал, как могильщики хоронили последних двух умерших в общей могиле, которую он велел выкопать.

Заслышав приближение всадников, Мишель оглянулся и, поклонившись, снял свою квадратную шапочку.

— Господин президент, я рад вас видеть.

— Вы себе не представляете, как я рад.

Мейнье передал лошадь конюху и бегом кинулся к Мишелю. Он стиснул его руки и долго смотрел на него сияющими глазами.

— Друг мой, я знаю, что на Любероне вы вели себя как герой. Но еще больший героизм вы выказали, сражаясь с чумой в этом городе. Если Экс спасен, то только благодаря вам.

Дружелюбие, светившееся в каждой черточке сурового, даже свирепого лица, смутило Мишеля, и он опустил глаза.

— Сударь, к сожалению, окончательно побороть эпидемию пока не удалось. Но если я что-то и сделал, то только благодаря тем, кто работал со мной рядом.

— Ладно, ладно, не умаляйте ваших заслуг. Пик эпидемии миновал. Едва я въехал в город, один из ваших помощников выдал мне таблетки с сильным нежным запахом. Вы

вполне заслужили славу великого врача.

Мишель похвалы не оценил. Перед лицом собеседника, у которого все руки в крови, он чувствовал себя скверно. Еще больше его тревожил зловещий Пьетро Джелидо, державшийся поодаль.

— Вы слишком добры, сударь, — ограничился Мишель короткой репликой.

Черные глаза Мейнье слегка затуманились.

— Мне так хотелось наградить вас хотя бы заслуженным отдыхом. Но, к несчастью, у меня для вас два известия: одно хорошее, а другое плохое.

Мишель, хотя и встревожился, отреагировал весело:

— Начните со второго, неприятного.

— Разговор короткий. Лион тоже заражен чумой. Конечно, не сравнить с тем, что творилось здесь, но городской совет умоляет вас приехать на помощь. Узнав о том, что вы совершили в Эксе, власти считают ваше присутствие необходимым.

— Еду непременно.

И все же тень сомнения закралась душу Мишеля. Лион находился вне пределов графства Венессенского, и там не действовали папские гарантии безопасности евреев, обращенных и необращенных. Кроме того, в городе властвовал наводящий трепет великий инквизитор Матье Ори. «Зато, — рассудил он про себя, — заслужить благодарность противника — важный шаг на пути к завоеванию всеобщего уважения».

— Bravo, у вас воистину благородная душа! — с жаром воскликнул Мейнье. — Теперь, когда все уже сделано для больных в Эксе, о них позаботятся ваши коллеги.

— Одного из них я бы хотел взять с собой.

— Кого же?

— Жозефа Тюреля Меркюрена, аптекаря.

— О, я его хорошо знаю. Он приятель вашего брата Жана, который меня с ним и познакомил. Я сам попрошу его сопровождать вас и предупрежу парламент Лиона о его прибытии.

Приободрившись, Мишель улыбнулся.

— Ну а теперь, если вас не затруднит, огласите приятное известие.

— Нет ничего проще, — тоже улыбаясь, ответил Мейнье. — Помните Антуана Эскалена дез Эймара, барона де ла Гарда? Доставив на галеры пленных вальденсов, он вернулся к себе в Салон-де-Кро и непременно вас приглашает. Он просил также передать, что вам обеспечено достойное место среди городской знати. Но это еще не все...

— И что же еще? — спросил Мишель, у которого упоминание о Салоне вызвало легкую дрожь.

— Этот разбойник де ла Гард хочет женить вас на одной богатой местной вдове. Не знаю, как ее зовут, но точно знаю, что красавица, каких поискать. Многие аристократы добивались ее руки. Однако благодаря Пулену теперь у нее в фаворитах вы. Ну, что скажете? Одним ударом — и богат, и всеми уважаем!

Мишель вдруг вспомнил о письме, что получил когда-то из Салона, и это воспоминание его растревожило.

— И вы не знаете, как зовут эту вдову? — спросил он осипшим голосом.

— Нет, но по тому, как мне ее описали, полагаю, надо поехать и с ней познакомиться. Подумайте над этим.

Разумеется, здравый смысл Мишеля восстал против самой мысли о том, чтобы вновь увидиться с Жюмель, если только речь шла о ней. Но мысль эта его взбудоражила. Молодость прошла, но он был совсем еще не стар, и месяцы вынужденного воздержания начинали его тяготить. О Жюмель у него сохранилось яркое воспоминание: как у портика одного из старых домов в Монпелье она, улыбаясь не то смущенно, не то хитро, расстегнула блузку, и в его руку легла упругая, тугая грудь. Он до сих пор сохранил в пальцах ощущение нежной плоти. И тут, под стенами измученного чумой Экса, рядом с человеком с дурной славой, он вдруг почувствовал, как его плоть наливается тяжелой силой, и в один миг принял

сразу два решения. Первое: надо немедленно увидеть Жюмель, в образе которой для него сосредоточилось все женственное в мире. Второе: сейчас не время даже думать об этом.

— Я еду в Лион, — объявил он решительно, — Сейчас разыщу Меркюрена, уложу вещи — и в путь. Салоном же займусь позже.

— Отлично. Могу я сказать де ла Гарду, чтобы он продолжал обрабатывать вдову?

Слегка поколебавшись, Мишель ответил:

— Да, конечно. Я и сам собирался жениться, как только обстоятельства позволят. Если эта дама так красива и богата, как вы говорите, может, это мое везение.

Мейнье весело хохотнул.

— Совершенно с вами согласен. У такого человека, как вы, обязательно должны быть дети, и она вам их подарит, не сомневаюсь. А теперь пойдемте искать аптекаря.

Спустя два дня, вечером, миновав излучину Роны, Мишель и Меркюрен, скакавшие рядом, увидели очертания окруженного башнями Лиона, который широко раскинулся в долине. Мишель натянул поводья гнедого коня, Меркюрен тоже придержал своего.

Мишель, которого под конец пути стали мучить головные боли, заметил:

— Мы у стен города. Не знаю почему, но мне кажется, что лучше нам повернуть назад. Я чувствую опасность, и угрожает она не мне, а вам.

— Вы, как всегда, слишком подвержены эмоциям. В Лионе меня никто не знает. Чего мне бояться? Я не нарушал никаких законов, — расхохотался Меркюрен.

— В лице Жозефа — нет, в лице Дениса Захарии — да. Вы нарушили законы церкви, которая гораздо меньше склонна прощать, чем светские власти.

— Сомневаюсь, но возражать не стану. В Лион я еду как Меркюрен, а не как Денис Захария. Что Захария и есть я, никто не знает.

— Пожалуй, вы правы. Пора перестать подчиняться только чувствам и ощущениям.

Мишель задумчиво тронул поводья. И вправду, чем старше он становился, тем больше разум его оказывался во власти непонятных фантазий, ускользающих образов и мимолетных галлюцинаций. Словно действие ястребиной травы и белены, помимо его воли, продолжалось само собой, обеспечивая контакты с тем, что проклятый Ульрих учил называть Абразаксом. Это очень беспокоило его, но сделать он ничего не мог. По счастью, это были лишь короткие моменты отключения, проходившие практически бесследно.

У городских ворот их остановил отряд алебардиров. Возможно, это была мера, вызванная чумной эпидемией. Всем, кто хотел выехать из города, в этом отказывали, за исключением ноблей и богатых горожан. Тем же, кто хотел въехать, было проще. Их просто обыскивали, если, разумеется, этому не препятствовал их социальный статус.

Мишель вдруг очень заволновался, лоб его покрылся каплями пота, как в лихорадке.

— Жозеф, — возбужденно зашептал он, — я чувствую, что вам угрожает огромная опасность. Вам надо бежать.

Меркюрена его слова поразили.

— Вы уверены?

— Да! Бегите! Скорее бегите!

— Еще секунду. Возьмите сначала вот это.

Аптекарь вытащил из седельной сумки медальон и две книги.

У Мишеля внезапно закружилась голова, но он сразу узнал в медальоне знакомый амулет, а в одной из книг — рукопись каноника Иоанна Счастливого. Вторая же была ему незнакома.

— Что это такое? — спросил он, не сознавая, что тем самым задерживает друга.

— Книга Гораполлона о египетских иероглифах. Если хотите, я могу...

Меркюрен вдруг осекся: на него был наставлен поднятый палец Пьетро Джелидо, показавшегося в воротах в сопровождении двух алебардиров.

— Вы, должно быть, Жозеф Тюрель Меркюрен, известный также как Денис Захария. Мой господин Мейнье д'Опиед отправил меня встретить вас. С вами хочет побеседовать падре Матье Ори.

— Бегите, они хотят вас арестовать, — шепнул Мишель, побледнев от волнения.

Совет был излишен: Меркюрен уже развернул и прищипорил коня. Один из алебардиров попытался достать его своим оружием, но Жозеф со знанием дела выхватил из-под плаща длинную тонкую шишу. Посыпались искры, и алебардир схватился за раненое плечо. Аптекарь ловко увернулся от второй алебарды и галопом поскакал в поле. Другие солдаты бросились ему вдогонку, но его уже и след простыл.

Мишелю сразу стало лучше. Он почти не обратил внимания на Пьетро Джелидо, который хрипло орал:

— Вы сообщник этого человека! Вы за него ответите!

Очутившись в кольце разозленных алебардиров, Мишель поднял плечи:

— Я Нотрдам, врач, вызванный парламентом Лиона. Ведите меня к офицеру. — Он обвел солдат угрожающим взглядом. — У меня нет времени. Чем меньше вы меня задержите, тем лучше будет для вас и ваших семей.

ИНТРИГИ

Дверь в комнату Катерины резко распахнулась. Герцогиня вздрогнула и укоризненно посмотрела на дочь.

— Могла бы и постучать, — сдержанно попеняла она, — Интересно, куда смотрит прислуга?

Услышь кто эти слова, он никогда не подумал бы, что Катерина Чибо-Варано находится под арестом в палаццо кардинала делла Ровере в восточной части Агена. Она и сама постепенно об этом забывала.

С первых же недель герцогине было позволено переселиться из комнат прислуги в скромную, но вполне удобную отдельную комнату. Она никуда не выходила, но прекрасно знала, что, если пожелает, может и выйти. Внутри кардинальского дворца, который роскошью и комфортом походил скорее на палаццо какого-нибудь аристократа, она могла передвигаться свободно и даже раздавать поручения слугам и двум служанкам, специально приставленным к ней. Обязательство жить затворницей было позабыто, и единственным ограничением для нее остался запрет покидать город.

Такое попустительство могло бы вызвать злобные кривотолки: Джулия, обитая в Сен-Реми, наносила регулярные визиты в апартаменты кардинала. А может, мотив был совсем другой. Уже стало известно, что Катерина невиновна, поскольку ее процесс все никак не мог кончиться.

Сбежав от лионской инквизиции, так называемый Денис Захария косвенно подтвердил свою виновность. Кроме того, в его обиталище в Сен-Реми и в аптеке в Эксе нашли какие-то загадочные вещества и запрещенные книги, в том числе колдовские. О нем знали, что он скрывается в Наваррском королевстве, где ему покровительствует принцесса Жанна д'Альбре, возможно, надеясь, что он получит золото с помощью алхимии. Кого бы ни обвинил такой человек, подсудимый до оглашения приговора будет находиться под защитой презумпции невинности.

Как бы там ни было, Катерина остерегалась требовать полного оправдания. Она предпочитала, чтобы все шло своим чередом, и старалась извлечь максимальную пользу из своего положения, усиливая влияние на кардинала. Степень этого влияния измерялась роскошью нарядов, которые Антонио Галаццо делла Ровере ей покупал. Когда Джулия в конце сентября 1547 года без стука вошла в комнату, герцогиня как раз примеряла перед зеркалом длинную, до земли, атласную юбку.

— А я думала, ты в Сен-Реми, штурмуешь своего Бертрана де Нотрдама, — заметила Катерина.

Голос ее звучал ехидно. Зеркало отражало все еще очень красивую женщину, но время уже наложило свой отпечаток на эту красоту. Темные круги обвели голубые глаза, на лбу обозначились морщины, щеки высохли и ввалились. Мужчина в возрасте Бертрана, может,

уже и отверг бы ее. Катерину это тревожило, но она ни за что бы в том не созналась даже себе. Она предпочитала издеваться над дочерью, слишком похожей на нее двадцать лет назад.

Джулия не заметила тайной обиды матери.

— Я бежала бегом: у меня есть хорошая новость. Пьерлуиджи Фарнезе убит. Парма и Пьяченца остались без герцога!

Катерина посмотрела на нее так, будто дочь бредила.

— И это ты называешь хорошей новостью? Мне-то какое дело?

— Да нет, хорошая новость совсем другая! Ему наследует Оттавио Фарнезе, герцог Камерино! Ваш феодал снова свободен!

Катерина сочувственно покачала головой.

— Бедная моя девочка, даже если он и свободен, выбрось из головы, что его вернут Чибо-Варано. Папа Павел Третий навсегда вымарал нашу фамилию. Мне бы только избавиться от этого проклятого отлучения...

— Но Павел Третий при смерти!

На этот раз герцогиня вздрогнула, и лицо ее исказилось от волнения.

— Ты это серьезно?

— Да. Похоже, ему осталось жить несколько месяцев, а может, и несколько недель. И он перестанет нас преследовать!

Катерина не выдала охватившей ее радости, не удержалась от того, чтобы еле слышно не прошептать:

— О, если бы это было так! — и прибавила уже обычным голосом: — Ну ладно, у нас есть чем заняться. Я дала тебе много поручений. Ты все их выполнила?

— Да, мама.

— Начнем с самого важного. Что ты узнала об Анне Понсард?

— Бертран сказал по секрету, что брак Мишеля с этой женщиной — дело решенное. А в роли свата выступает барон Пулен де ла Гард.

Имя герцогине было знакомо.

— Пулен де ла Гард... Уж не тот ли это капитан, что с такой жестокостью разделался с еретиками?

— Думаю, он, хотя ничего в этом не понимаю, — ответила Джулия, разводя руками.

— А ты и не должна понимать, — резко бросила герцогиня и, сделав дочери знак помочь, начала стаскивать юбку, которую примеряла. — Рассказывай дальше. Почему барон так печется об этой свадьбе?

— Он очень любит Мишеля: ведь они вместе сражались, — ответила Джулия, распуская шнуровку на юбке. — Так мне сказал Бертран, а он слышал это от своего брата Жана, который занимает здесь важный пост.

— А еще что ты узнала о Понсард?

— Она дама весьма свободных нравов, и у нее много любовников.

— Это меня мало интересует. Для нас, женщин, отдаться солидному мужчине зачастую означает сделать шаг вперед в том обществе, которое хотело бы нас раздавить. Уж мы-то с тобой кое-что об этом знаем.

Джулия сильно покраснела и поспешила добавить:

— У нее в любовниках состоит также один аристократ, некто Лоренцино, принадлежащий к фамилии Медичи, как и ваша матушка. Кузен королевы.

Катерина снова вздрогнула.

— И ты так просто об этом говоришь? Ну да, ты же не знаешь... Слушай, а этого Лоренцино, случайно, не называют Лорензаччо?

— Понятия не имею.

— Если это тот Лоренцино, с которым я знакома, то ему лучше бы скрыть свое происхождение и остаться безымянным.

Оставшись в одной рубашке, Катерина подошла к большому платяному шкафу,

загороженному вышитой ширмой, и принялась рыться в платьях, ища, что бы надеть.

— Странно, что все о нем знают.

— Бертран говорит, что этот самый Лоренцино заезжал в Салон в компании Анны Понсард, а потом увез ее с собой в Париж, где они какое-то время жили вместе.

По губам Катерины пробежала улыбка.

— В таком случае Мишель де Нотрдам получит слегка потасканную супругу...

Она достала из шкафа сильно декольтированный лиф, расшитый бахромой, верхнее платье из набивного шелка, с узкими рукавами, высокий стоячий кружевной воротник, а для волос — золотую сеточку с жемчугом. Потом, прикинув, как это будет выглядеть все вместе, выбрала красную юбку.

— Занятно, сколько связанных друг с другом людей оказываются втянутыми в одну и ту же историю. Нас ведь тоже не миновали беды Медичи, но ты не знаешь, что у моих братьев и сестер были особые дела с этим Лоренцино.

— А некий Франческо Мария Чибо не наш родственник?

У Катерины сегодня явно был день сюрпризов, и это уже начало ей надоедать.

— Конечно родственник. Он принадлежит к Савойской ветви Чибо. А где ты услышала его имя?

— Он два дня назад прибыл в Сен-Реми, и его представили Бертрану. С ним был очень странный человек, Гийом Постель из Парижа. Они направляются сюда, в Аген. Постель собирается остановиться у одного знаменитого писателя.

— У писателя? А ты знаешь его имя?

— Да, Жюль Сезар Скалигер.

Катерина нахмурилась.

— Имя я слышала. Кажется, его упоминал Молинас, только не помню, в какой связи. К сожалению, этот человек никогда в подробностях не объяснял мне, зачем ему понадобилось уничтожить Нотрдама и кого он подключил к своим планам, — Она повернулась к дочери спиной, чтобы та помогла ей зашнуровать лиф.

Пока девушка возилась с платьем, она продолжила тоном лектора:

— Исходя из того, что ты мне рассказала, полагаю, что следующим шагом будет проникнуть в дом Скалигера, пользуясь тем, что в городе объявился мой кузен. Необходимо разгадать планы Молинаса. Ведь об Анне Понсард я знаю очень немного... не перетягивай шнуровку... надо кое-что выяснить, прежде чем вмешиваться... не перетягивай, тебе говорят!

Джулия покраснела.

— Извините, мама... Я задумалась... Я вот о чем думаю...

— Выкладывай, но будь внимательнее.

— Неужели, чтобы отомстить Нотрдаму, нужны такие сложные интриги? В Камерино в подобных случаях вы прибегали к услугам сикариев¹⁰.

Катерина отметила с удовлетворением, что девочка рассудила умно. Может, она начала взрослеть.

— Сейчас объясню. В мои планы не входит смерть Нотрдама. Чтобы убить его, достаточно капли яда, как в былые времена. Но и просто-напросто сдать его инквизиции ради снятия отлучения мне тоже не хочется.

— На что же тогда вы рассчитываете?

— Уж завершить дело — так с шиком. По словам Молинаса, Нотрдам принадлежит к конгрегации магов, имеющих почти неограниченное могущество. Через него можно выйти на главу секты, человека весьма таинственного и наводящего страх. Я не стремлюсь нарушить свой христианский долг, но мне очень хочется побольше узнать о магии, так

¹⁰ Сикариями. т. е. теми, кто пользуется коротким кинжалом — сикой, называли наемных убийц. (Прим. перев.)

пугавшей Молинаса.

Катерина не осмеливалась в этом признаться, но с тех пор как признаки старения начали проступать в ее красоте, идея останавливать время оккультными методами становилась все привлекательнее. Она слышала разговоры об алхимиках, которые изобрели эликсир вечной молодости, и втайне надеялась, что Нотрдам занимается чем-то подобным.

— Если хотите, я могу спросить у Бертрана.

— Боже тебя упаси! — вскричала в тревоге Катерина. — Если магией занимается мужчина, его объявляют мудрецом, а если женщина, ее объявляют ведьмой! Мужчину ждет всеобщее почитание, а женщину — смерть.

Опешив от услышанного парадокса, Джулия на несколько мгновений замолчала, потом сказала:

— Может быть, то, что вы ищете, содержалось в книге, которую вы вернули Нотрдаму? Катерина фыркнула.

— Возможно. Но ни ты, ни я, ни Молинас не поняли в ней ни слова. Нам не удалось даже разобрать, на каком языке она написана. Нет, Нотрдам нужен мне живым: он поможет расшифровать записи. А если не он, то его пресловутый учитель.

Ошеломленная Джулия предпочла сменить тему:

— Но при чем здесь Анна Понсард?

Катерина не любила, когда дочь задавала слишком прямые вопросы. Она чуть не сделала ей выговор, но потом решила ответить, но так, чтобы затемнить смысл. Кто знает, может, бедняжка Джулия когда-нибудь донесет на нее?

— У меня нет точных планов, да и у Молинаса их не было. Но тот, кто хочет получить власть над чужими судьбами, должен уметь делать людей податливыми, как глина, и держать под контролем сразу многих. Когда же он добьется власти над ними, он сможет заставить их плясать под те инструменты, которые определяют нашу жизнь: любовь, страсть, гнев. И эти инструменты будут уже звучать не по воле случая, а в руках умелого мастера. Понимаешь?

— Не совсем, но все это меня пугает.

Катерина приподняла голые соблазнительные плечи, которые Джулия облачала в верхнее платье.

— Заметь, что все короли и князья поступают так же, только у них больше возможностей, чем у меня. Вспомни Цезаря Борджа или интриги Павла Третьего Фарнезе. Единственное ограничение их возможностей заключалось в том, что они были мужчинами и не обладали врожденной женской проницательностью. Если женщина умна, она одновременно и змея, и львица. Не помню, кто это сказал. Потому-то мужчины и стараются взять нас под стражу, а то и убить. Они боятся, что мы воспользуемся тонкостью ума, данной нам от природы.

Джулия закончила с платьем матери и взялась за юбку¹¹.

— А что же Анна Понсард?

— Ей с самого начала было назначено выйти замуж за Нотрдама. Ее настоящее имя Жюмель, и она, похоже, действительно очень красива. Однако, моя девочка, она не принадлежит, как ты, например, к породе утонченных женщин. Я пытаюсь привести в движение механизмы, запущенные Молинасом. То, что я задумала, не должно тебя касаться.

Произнеся последнюю фразу, Катерина замолчала, и Джулия не решилась больше ни о чем спрашивать. Пытливый ум разглядел бы в колкостях герцогини признаки растерянности и даже страха. Ужас приближения старости заслонил все остальное. Катерине самой нравилось считать себя сильной и нравилось казаться сильной, но это была всего лишь

¹¹ Основными составляющими одежды благородной дамы в ту эпоху были блузка, лиф со шнуровкой, высокий стоячий воротник и юбка, а поверх всего надевалось верхнее платье с длинными рукавами (soprabito). Спереди края платья расходились, и юбка была видна. Чтобы наряд хорошо сидел, требовались немалые усилия и терпение. Поэтому Джулия так долго занималась платьем матери. (Прим. перев.)

форма защиты. На самом деле все обстояло не так. На самом деле она потеряла и власть, и эфемерную славу и была вынуждена, испытывая лишения, мыкаться по всей Европе в поисках убежища.

В конце концов, это ее два года назад раздели и высекли по требованию разъяренной толпы, которая жаждала ее смерти. Мужчиной она командовала безраздельно, при условии, что ей удавалось продемонстрировать им ту часть своего великолепного тела, которую они единственно почитали. Но ни один из них не зажег ни чувства, ни нежности в гордом сердце высокомерной аристократки.

Отец занимался ею, только пока она была ребенком, а у матери было слишком много сыновей, за которыми не уследишь, так что дочери особого внимания не доставалось. Образованьем девочки ведали строгие учителя и служанки, которых она тоже мало интересовала. Ей преподавали уроки философии, наставляли в религии и читали рассказы из флорентийской литературы. Потом ее выдали замуж за жениха, с которым, по уговору семейства Чибо и семейства Варано, обручили, когда она еще нетвердо держалась на ножках. Их первая встреча с мужем незадолго до свадьбы оказалась для обоих самой радужной. Она была приятно удивлена, увидев перед собой милого юношу, а он просто оторопел от ее неожиданной красоты.

Однако первая брачная ночь обернулась настоящим адом. Катерина запомнила грубость и боль и пыхтящее над ней потное, волосатое тело, абсолютно безразличное к тому, как она себя чувствует в его объятиях. Потом муж грубо спихнул ее с постели, схватил тряпочку со следами крови, постеленную поверх простыни, и помчался к друзьям с этим доказательством своей мужской силы. Больше она его в ту ночь не видела.

Если ее супружеская жизнь с человеком, который насиловал ее каждый раз, когда ему взбрело в голову, была просто жалка, то опыт управления Камерино вылился в нечто ужасающее. Вплоть до самой смерти мужа придворные без конца сулили ей неизбежную гибель. Знать интриговала, духовенство подстрекало население против нее, даже слуги ее не слушались. Она сопротивлялась как могла, зачастую прибегая к ядам или рубя головы.

Тверже всего она держала династическую линию. Дочь она отнюдь не находила блестящей, и тем не менее девушка имела права на наследование феода. По этой причине она обрекла ее на брак с таким человеком, как Гвидобальдо делла Ровере, таким же грубым, как герцог Варано, но гораздо более злобным. Однако даже это средство не уберегло их от необузданных притязаний Фарнезе. Жестокий и безжалостный Папа избавился от них, просто подписав декрет, лишавший их всего имущества, а вместе с ним и чести и обрекавший их на полную скитаний жизнь вне закона. А потом на их горизонте появились кардинал Торнабуони и этот странный Молинас...

Катерина отогнала от себя воспоминания и закончила одеваться, чтобы спуститься в нижний этаж палат, где располагались апартаменты кардинала делла Ровере. Она остановилась возле неподвижно застывшего у дверей кабинета слуги.

— Как думаешь, его преосвященство меня примет?

— Сейчас узнаю.

Слуга открыл позолоченную створку двери и на миг исчез за ней. Вернувшись, он с поклоном посторонился.

— Пожалуйста, мадам.

Катерина вошла. Следуя своему лукавому обыкновению, она присела в низком поклоне, чтобы дать кардиналу возможность полюбоваться грудью. Прелат выдержал паузу больше положенной, потом пробормотал слегка охрипшим голосом:

— Входите, герцогиня.

Катерина выпрямилась. Следуя приглашающему жесту униженной кольцами кардинальской руки, она послушно уселась в обитое красным бархатом кресло перед письменным столом.

— Я осмелилась побеспокоить ваше преосвященство, так как узнала, что в город прибыл один из моих родственников. Я бы хотела попросить вас разрешить мне визит к

нему. Речь идет о Франческо Марии Чибо, из Чибо Лигурийских.

— О, я с ним хорошо знаком, — ответил кардинал, соединив толстые пальцы. — Он женат на моей племяннице, Бьянке Виджери делла Ровере. Так он в городе? Где же он остановился?

— У философа Жюля Сезара Скалигера.

— И этого я тоже знаю. Он полупомешанный, хотя и слывет весьма образованным человеком.

— Мне неизвестно, как долго задержится здесь Франческо Мария. Он сопровождает некоего Гийома Постеля.

Лицо кардинала помрачнело.

— Постель? Я о нем слышал, и отзывы были далеко не лестные. Продолжайте.

Катерина продемонстрировала самую сияющую улыбку из своего арсенала.

— Умоляю ваше преосвященство отпустить меня в дом господина Скалигера повидаться с Франческо Марией Чибо. Торжественно обещаю вам вернуться не позднее двух часов. Большого я не прошу.

— И я не прошу лучшего.

Улыбка вернулась на лицо прелата.

— Как вам известно, ваш обвинитель Денис Захария бежал в королевство Наваррское, где, похоже, колдуны чувствуют себя как дома. Следовательно, главное обвинение против вас развалилось, и вы имеете полную свободу передвижения внутри городских стен. Скалигер, правда, обитает вне их пределов, но я закрою на это глаза.

— Если больше нет обвинений против меня, то почему я не могу пользоваться полной свободой?

Улыбка кардинала стала еще шире.

— Можете, но, как я только что сказал, внутри стен города. Дело в том, что вы должны еще пройти процедуру очищения.

Он взял со стола толстый том, который Катерина уже научилась сразу узнавать. Это был «*Repertorium Inquisitorum*»¹², книга под редакцией инквизиторов из Валенсии, без которой не обходилось ни одно заседание.

Кардинал привычным движением перелистал страницы.

— Вот глава, которая нас интересует: «Очищению подлежит тот, о ком идет дурная слава среди людей честных и почтенных, даже если эта дурная слава распространялась намеренно кем-либо из его врагов». Видите, герцогиня, здесь описывается как раз ваш случай.

Катерина слегка вздрогнула.

— И в чем же состоит это очищение?

— О, церемония очень проста. Надо предстать в том месте, откуда пришла за вами дурная слава, и перед теми, кто ее разделял. В вашем случае вы должны отправиться в Экс и принести публичное покаяние, получив таким образом прощение. Если я до сих пор не назначил церемонию, то только потому, что в Эксе могут еще питать к вам определенную враждебность. Есть риск, что из-за какой-нибудь горячей головы весь ритуал пойдет насмарку.

Катерина побледнела. Она только сейчас отдала себе отчет, что Антонио Галаццо делла Ровере держал ее дьявольской уздой. Как могла она появиться перед людьми, которых намеренно заражала чумой и которые засекли ее до крови, полагая, что засекли до смерти? Ясно, что в планы кардинала входило держать их с Джулией при себе, наслаждаясь прелестями младшей, а едва они надоедят — избавиться от обеих.

Катерина притворилась спокойной, но это стоило ей немалых усилий.

— Ваше преосвященство, я останусь в Агене столько, сколько вы пожелаете. Я всего

¹² «Перечень дел, находящихся в ведении инквизиции» (лат.).

лишь прошу разрешения повидаться с родственником.

— Я уже сказал вам, что с этим нет никаких затруднений. Только я тоже хочу попросить вас об одолжении.

— Я сделаю все, что пожелаете.

Катерина надеялась, что он не заметил охватившего ее отчаяния.

— Этот самый Постель — человек подозрительный, адепт каббалы и еврейской магии, и инквизиция давно за ним следит. Однако вплоть до последних лет он находился под покровительством нашего покойного короля Франциска Первого. Если вам удастся представить инквизиции улики, которые помогут облегчить его арест, то церемония вашего очищения сможет пройти лишь формально. Будет считаться, что вы выказали достаточно христианского рвения, чтобы уничтожить вашу дурную репутацию.

Катерина ни на миг не поверила этим обещаниям. Делла Ровере просто-напросто намеревался использовать ее в своих целях, не предлагая взамен ничего конкретного.

Но это обстоятельство ее не огорчило. Напротив, после слов прелата отчаяние сменилось эйфорией. Сам того не желая, делла Ровере помог ей наметить план, который одним движением позволял ликвидировать все препятствия на пути к Мишелю Нотрдаму, включая и самого кардинала.

Повеселевшая Катерина поднялась с кресла.

— Будет исполнено, ваше преосвященство.

Снова присев в поклоне, она открыла кардиналу блистательную панораму своего декольте. Но на этот раз глаз не опустила, а быстро взглянула снизу вверх. И поймала на себе восхищенный и слегка туповатый взгляд. Усмехнувшись про себя, она подумала, что этот человек проиграл.

ИЕРОГЛИФЫ ГАРАПОЛЛОНА

Мишель повертел в руках письмо своего брата Бертрана из Сен-Реми. Содержание, на первый взгляд безобидное, его чем-то встревожило.

«Дорогой Мишель!

После смерти нашего отца в прошлом году я занимаюсь главным образом домом и сельскими владениями семьи. Однако слежу по возможности за карьерой брата Жана, которая движется по общественно-административной линии в Эксе, а также за твоей. Я знаю, что ты находишься в Лионе и в очередной раз борешься с чумой. Что до меня, то, как ты знаешь, я женился на добродетельной девушке Торине де Ру, которая уже носит ребенка и, надеюсь, обеспечит мне многочисленное потомство. Благодаря Торине, а также итальянской девушке высокого происхождения, Джулии, бывшей замужем за Гвидобальдо делла Ровере, которая часто бывает в нашем доме, я познакомился с Анной Понсард по прозвищу Жюмель, которая...»

По прочтении этого имени он снова вздрогнул. За прошедшие годы кто-нибудь из друзей нет-нет да и упоминал его, словно все сговорились снова толкнуть его в объятия Жюмель. Казалось, таинственная сила влечет его против воли в сторону его первой любви. Будь Молинас жив, Мишель заподозрил бы очередную ловушку... Но Молинас давно обратился в пепел.

С другой стороны, затянувшееся воздержание вызывало в нем сладострастные фантазии, как во сне, так и наяву. И объектом его желаний неизменно оставалась цветущая Жюмель во всем блеске юности. Наверное, теперь она растолстела и постарела, но желание убедиться в этом собственными глазами только росло...

Он продолжил читать:

«...могла бы составить тебе идеальную партию. Мало того, что она хороша собой, хотя и болтлива сверх меры, она сказала мне, что за ней состояние в 400 флоринов и дом в Салоне-де-Кро. Я говорил с ней о тебе, и она очень заинтересовалась, хотя претендентов на ее руку хоть отбавляй. Думаю, что для тебя это был бы идеальный брак. Если же у тебя уже есть любимая девушка, не тревожься. Я сам, искренне любя Тороину, нашел в Джулии делла Ровере гораздо больше, чем просто подругу, как это обычно бывает. Это она надоумила написать тебе относительно Анны Понсард, учитывая тот факт, что ты уже миновал брачный возраст и все еще не имеешь детей...»

Тут Мишель должен был оторваться от письма. В комнату второго этажа отеля Дье в Лионе вошел один из санитаров. Чтобы разобраться, кто это, надо было подождать, пока вошедший снимет с себя шесть промасленных рубаш, длинный, до пят, полотняный балахон, черный жилет из грубой ткани и «птичью» маску, пропитанную эссенциями. Наконец Мишелю удалось понять, кто перед ним: на него глядело исхудавшее лицо Рене из аптеки «Зеленая колонна», самой знаменитой и оснащенной в городе.

Рене улыбался.

— Мишель, полагаю, что мы совсем одолели чуму. Повальной эпидемии, которой все боялись, не случилось. Больные, похоже, выздоравливают. И все это — ваша заслуга.

Мишель тоже рассеянно улыбнулся, быстро складывая и засовывая в карман письмо Бертрана.

— Друг мой, успеха, который вы мне приписываете, добиться было нетрудно. Мы ведь уже привыкли любую вспышку заболевания объявлять эпидемией. Сюда, в Лион, «черная смерть», косившая народ в Эксе, не докатилась. То, что мы победили здесь, был всего лишь «ослиный кашель». Иногда он смертелен, но далеко не всегда. Справиться с ним — не такая большая проблема.

— Может быть, но, пока вы не приехали, никто не знал, что делать. И потом, кто умеет отличить один тип чумы от другого?

Почти машинально Мишель поправил свою неизменную квадратную шапочку, символ его веса и полномочий. Он был очень горд похвалами, полученными от аптекаря, но постарался скрыть свои чувства. Зато, если бы другу пришлось в голову его критиковать, он бы огрызнулся. Похвала же, напротив, всегда располагала его к скромности.

— Я и сам, несмотря на весь свой опыт, не смог бы дать категорическую оценку. Но много лет назад у меня был замечательный учитель, Франсиско Валериола. Это он объяснил мне, что больные «черной чумой» находятся в состоянии сильного возбуждения. У мужчин напряжен пенис, как бывает в случаях приапизма, у женщин наблюдаются обильные выделения жидкости из влагалища. Во время менее тяжелых эпидемий ничего подобного не происходит.

Рене приподнял бровь.

— Вы все это констатировали сами?

Мишель пожал плечами.

— Конечно, я не ходил заирать больным рубашки. Так утверждает Валериола, и мне этого достаточно. Знаю только, что у больных в Лионе, как у мужчин, так и у женщин, половые органы были сжавшимися и бледными.

— А у больных в Эксе...

— Не спрашивайте меня об этих больных. Тогда мне не были известны тезисы Валериолы, и я не проводил подробных осмотров.

Рене глядел скептически, но возражать не стал. Он расстегнул черную бархатную куртку с большим воротником и вытащил помятую и вымазанную жиром рукопись. Скорее всего, жир попал на нее с только что снятой промасленной одежды.

— Я прочел ваш стихотворный перевод иероглифов Гореполлона и должен вам сказать...

Он осекся.

— Ну, продолжайте.

— Я ничего не понял. То есть я понял, что этот самый Горapolлон — не знаю, кто он такой, — разъясняет значение серии египетских иероглифов, но мне неясно, зачем вы переводили с греческого, и в толк не возьму, где вы взяли время на все это.

Мишель улыбнулся.

— Горapolлон — египетский ученый второго века нашей эры. Я не переводил с греческого, я просто так написал, чтобы придать книге привлекательность. На самом деле я работал с латинской версией, опубликованной в Болонье тридцать лет назад.

— Короче говоря, днем вы боролись с «ослиным кашлем», а по ночам переводили.

— Так оно и было.

— Но чего ради? Какой вам прок от этой книги, которая заинтересует разве что немногих ученых?

— Это дань уважения другу, который подарил мне весьма важные знания. Заметьте, что я посвятил свою рукопись Жанне д'Альбре, королеве Наварры. Мой друг, имени которого я не могу вам сообщить, нашел у нее убежище от преследователей, и мне хотелось отблагодарить ее за великодушие.

Рене приподнял плечи.

— Что-то не верится, что это единственный мотив.

— Конечно же нет. Знаете, меня очень поразило знаменитое «Пророчество» Парацельса, которое я прочел несколько месяцев назад. Я думал, что это труд по медицине, а это оказался сборник предсказаний.

— Я о нем слышал. Это тридцать две таблицы с комментариями, верно?

Мишель кивнул.

— Верно. Только комментариев еще более темный и непонятный, чем иллюстрации. Ясно, что Парацельс прибегает к тому, что алхимики называют «птичьим языком» или «зеленым языком». Некоторые символы понять нетрудно: лилия или жабы обозначают французскую корону, луна — Оттоманскую империю, три короны — папство, медведь — Россию. Но другие символы совсем непонятны. Несомненно, Парацельс, гений, хоть и лютеранин и враг Галена, хотел этими символами выразить нечто определенное.

Рене удивлялся все больше и больше.

— И вы думаете, что его символы имеют что-то общее с египетскими иероглифами?

— Нет, я так не думаю, — ответил Мишель, решительно потрянув головой. — Меня поразило то, что он прибегнул к языку символов для передачи концепций, которые легко постигаются интуитивно и непостижимы для разума. Египтяне, создавая свой тайный язык образов, проделали то же самое. — Он вздохнул, — Знаете, Рене, порой мне случается грезить наяву, и тогда мне являются образы мимолетные, но до ужаса явственные. Думаю, что это последствия экспериментов над собой, которыми я увлекался в юности, когда занимался оккультными науками и прибегал к опасным зельям. Если бы я задался целью описать свои видения словами, мне бы это не удалось. А вот символы и схематические фигуры, пожалуй,годились бы. Поэтому я и занялся египетскими иероглифами.

Аптекарь улыбнулся.

— Истина, Мишель, заключается в том, что вы не простой врач. Ваше предназначение — быть пророком и поэтом.

— Вполне допустимо. Многие мои друзья мне и вправду советовали...

Он внезапно замолчал. В комнату вошел один из тех оборванцев, которым было нечего терять и они нанимались к врачам и санитарам, ворочая трупы и выполняя работу, от которой отказывались даже alarbres.

— Господин Нотрдам, там с вами хочет поговорить начальник полиции, — выпалил он. Обеспокоенный Мишель сделал оборванцу знак держаться поодаль.

— Начальник полиции? Ты знаешь, что ему надо?

— Нет.

— Он один или с ним лучники?

— С ним только хозяин отеля Дье, доктор Антуан Саразен, который, похоже, вне себя.

Антуан Саразен! Все время, пока он находился в Лионе, Мишель воевал с этим человеком. Он приходился братом Филиберу Саразену, сбежавшему к лютеранам, и, видимо, хотел поквитаться с Мишелем за изгнание родственника. Антуан был полной противоположностью Филибера: прекрасный католик и негодный врач. К спасению Лиона от чумы он никакого отношения не имел. Многие несчастные сбегались к Мишелю и умоляли его избавить их от лечения этого высокомерного невежды.

Мишель со вздохом поднялся.

— Ладно, иду.

Жизнь в Лионе быстро расцветала, и площадь перед госпиталем заполнили торговые палатки и бараки, где снова, после месяцев запустения, толпился народ. Небо было затянуто облаками, но солнце все же выглядывало, не нарушая типичного для континентальной Франции непостоянства погоды.

Мишель держался спокойно, хоть и был раздражен неожиданным вызовом. Королевской полиции он не боялся, зато опасался инквизиции, которую здесь, в Лионе, представляла свирепая физиономия Матье Ори. Во всех случаях, после бегства Дениса Захарии, парламент оберегал Мишеля от возможных взрывов гнева Святой палаты. Так что начальник полиции и его жандармы напугать его не могли.

Полицейский начальник гарцевал на лошади на углу улицы, которая от отеля сбегала вниз, к просторной площади перед Роной. На шее у него висело множество пакетиков с ароматическими пудрами и дезинфицирующими веществами. Антуан Саразен явился пешим и сильно нервничал. Лицом он походил на брата, только губы были тоньше, а на низкий лоб спадали спутанные редкие волосы. Одежда его отличалась строгостью, не свойственной моде того времени: он носил черное, смешно облегающее фигуру платье. Некоторую живость в его облик вносил только желтый складчатый плащ на плечах, однако слишком яркий цвет делал его похожим на одеяние паяца.

Мишель поклонился полицейскому начальнику, игнорируя коллегу.

— Я в вашем распоряжении, сударь.

У полицейского был вид старого вояки, который привык драться, а не разбираться в формальностях. Ему и его конным и пешим жандармам и вправду часто приходилось сражаться с мелкими бандами разбойников и дезертиров, всегда готовых похитить у крестьян имущество, а у молодых крестьянок — девственность. Поведение регулярных войск зачастую мало чем отличалось от поведения этих банд, поэтому полиция, по существу, была неотъемлемой частью французской армии, и каждый полицейский начальник ощущал себя полководцем, но никак не чиновником.

— Полагаю, вы и есть господин Мишель де Нотрдам, — начал полицейский, выгнув бровь.

— К вашим услугам.

— Присутствующий здесь доктор Саразен попросил моего вмешательства. Он утверждает, что вы вкупе с Рене из «Зеленой колонны» в течение месяцев прописываете чумным больным в Лионе неэффективные, а возможно, и ядовитые снадобья, обогащаясь за его спиной.

У Мишеля перехватило дыхание. Он сурово взглянул на соперника, и тот ответил взглядом, в котором вместе с деланным безразличием сквозила угроза. Мишель повернулся к полицейскому.

— Посмотрите вокруг себя, — ответил он, широким жестом обводя площадь, — Разве вы не видите, что эпидемия почти ликвидирована? Если бы я прописывал пациентам ядовитые снадобья, тут лежали бы одни трупы, как в прошлом году в Эксе...

— Если эпидемия и побеждена, в том нет заслуги этого человека, — прервал его Саразен, подойдя к коню полицейского, — Он применяет таблетки из толченого мела с лепестками роз, и они вызвали уже тысячи колик. У меня есть свидетели.

Мишель справился с охватившим его негодованием и, продолжая игнорировать

соперника, обратился к здравому смыслу полицейского.

— Сударь, этот человек бессовестно лжет. Возможно, он хочет вынудить меня раскрыть рецепт таблеток, которые я применяю, и тем самым выудить секрет их изготовления. Их эффективность доказана, еще в Эксе они спасли много жизней. Не случайно парламент Лиона послал за мной, а не за первым попавшимся медиком. Кроме того, прошу вас заметить, что аптека «Зеленая колонна» брала плату за лекарства только с состоятельных граждан, с бедных не взяли ни гроша.

Было ясно, что из всего разговора на полицейского произвели впечатление только слова о парламенте. Но Саразен был готов ликвидировать это преимущество противника.

— Сударь, местные власти послали за этим шарлатаном, слишком доверившись сказкам о его чудодейственном искусстве. Только теперь выяснилось, что он обманул и нашу королеву, когда Екатерина Медичи имела легкомыслие приблизить его ко двору. Он присылал ей всякую гадость, якобы чтобы избавить от бесплодия: от настойки червей до отвара из летучих мышей. Вы, как представитель короля, обязаны учесть это нанесение вреда.

Задохнувшийся от гнева, сбитый с толку, Мишель почувствовал, как земля уходит у него из-под ног. Обвинения были настолько абсурдны, что он даже не нашел что ответить. Он поднес руку к боку, словно ища шпагу, но рука, задрожав, повисла в воздухе. Лоб полицейского хмурился все больше и больше, но Мишелю удалось только выдавить из себя:

— Я никогда не был при дворе! Этот человек... он сумасшедший!

— Решать предоставьте мне, — отчеканил офицер. Он заговорил громче, чтобы перекрыть шум кареты, въезжавшей на площадь со стороны Роны, — Доктор Саразен, вы уверены в своих обвинениях?

— Более чем уверен. О мошенничестве с лекарствами для королевы я знаю от двух свидетелей, достойных доверия.

— Кто они?

— Два знаменитых ученых: господин Жюль Сезар Скалигер из Агена и философ Гийом Постель из Парижа, который возвратился из Италии и сейчас гостит у Скалигера.

Мишель так и застыл с разинутым ртом.

— Скалигер? — пробормотал он, — Опять этот сумасшедший?

— Он самый, — с уверенностью ответил Саразен, — Господин офицер, что вы намерены предпринять?

Тот погладил левой рукой клинышек бородки, пытаясь правой удержать в узде коня.

— Я не могу арестовать этого человека, основываясь только на вашем свидетельстве, доктор Саразен. Но я назначу расследование и позабочусь, чтобы оно быстро завершилось. Если этот человек мошенник...

— Он из породы мошенников: он еврей.

Лицо полицейского застыло.

— Ну... тогда...

— Кто там осмелился тревожить моего друга Нотрдама? — раздался густой баритон.

Никто, даже Мишель, охваченный тоской и тревогой, не заметил, что из въехавшей на площадь кареты вышел человек в огромной широкополой шляпе с пером и в красном костюме, расшитом золотом. Мишель взгляделся в лицо вновь прибывшего, который надменно застыл, положив руку на резной эфес шпаги. Как только он его узнал, сердце подпрыгнуло в груди.

— Барон де ла Гард! — вскричал он.

Вельможа улыбнулся.

— Он самый, друг мой. Но я предпочел бы оказаться здесь при более приятных обстоятельствах. — Он посерьезнел и взглянул на полицейского начальника, — Вы меня узнаете?

Офицер поспешил снять шляпу.

— О да, мой господин! Я служил под вашим началом лучником на галере. Турки тогда

еще не были нашими союзниками, и мы им задали жару...

— Да ладно вам, я и так все помню, — ответил де ла Гард, подняв руку. Потом указал на Мишеля. — Полагаю, что вы здесь, чтобы выразить моему другу признательность всех лионцев. Въезжая в город, я узнал, что он спас город от эпидемии.

— На самом деле присутствующий здесь доктор Саразен обвиняет Мишеля де Нотрдама в использовании негодных лекарств.

— Саразен? Уж не родственник ли он того Саразена, что удрал в Вильфранк, а потом в Женеву, к своему другу Кальвину?

— Бог мой! Я об этом ничего не знал. Правда ничего!

Саразен, до этой минуты хранивший злобное молчание, возмущенно запротестовал:

— Где это видано! Прислушиваться к мнению еврея-отравителя и не обращать внимания на знаменитого врача!

— Замолкни, гугенот! — оборвал его барон де ла Гард. Потом внимательно посмотрел на офицера. — Сударь, вам известен мой чин и мои полномочия, которые превышают ваши. Если позволите, я забираю Нотрдама с собой и увожу его в Салон. Ему предстоит труднейшая задача.

— Какая же?

— Жениться.

Барон взял Мишеля под руку и потащил к карете. Саразен крикнул что-то возмущенное, офицер снова нахлобучил шляпу.

Залезая в карету, Мишель ожидал, что она пуста. Но в углу сидела дама, лицо которой скрывала вуаль. Мишель заколебался, но барон де ла Гард без церемоний втолкнул его внутрь.

— Скорее, друг мой. Этот идиот полицейский может передумать.

Мишель уселся на мягкое сиденье, и карета тронулась. Дама сидела тихо и, казалось, интересовалась только тем, что происходит за окном. Несмотря на ноябрь месяц, на ней был дорогой облегающий казакин из желтого шелка, с открытыми плечами.

Вдруг Мишель вздрогнул. На округлости левой груди он увидел родинку. Это не была приклеенная «мушка», это была настоящая родинка.

— Жюмель! — прошептал он.

Она быстро обернулась и откинула вуаль, под которой улыбалось еще молодое и свежее лицо. Темные волосы рассыпались по плечам.

— Ее зовут не Жюмель, а Анна, — с довольным видом поправил его де ла Гард, — Мишель, полюбуйся на твою будущую жену. Сегодня шестое ноября тысяча пятьсот сорок седьмого года, через пять дней ваша свадьба. Я уже разослал объявления.

Он расхохотался.

— Ты что, думал, что твой командир не позаботится о счастье своего солдата? А теперь, пожалуйста, поцелуйтесь. Я отвернусь.

Спустя мгновение Мишель и Жюмель со страстью повиновались приказу.

ПРЕЛЮДИЯ К УБИЙСТВУ

Круглый светильник со свечами, свисавший с потолка, источал легкий дымок и отбрасывал причудливые тени на необычную сцену, которая разворачивалась внизу.

Гийом Постель мерил комнату нервными шагами, то и дело пиная ногой разбросанные повсюду книги. За ним по пятам, с вдохновенно горящими глазами, следовал Жюль Сезар Скалигер, не осмеливаясь, однако, ему мешать. Сегодня вечером он принимал важных гостей и потому старался не раздражать обитавшего у него философа.

— Он не смеет! Не смеет так со мной обращаться! — кричал Постель, не обращаясь конкретно ни к кому из присутствующих.

Более всех, казалось, был удивлен седовласый итальянский доминиканец, брат Маттео

Банделло¹³, приехавший в Аген на несколько месяцев. Несмотря на репутацию глубоко религиозного человека, он был нарасхват в салонах из-за соленых шуточек на грани пристойности, которые любил отпускать. Однако сейчас он явно пребывал не в настроении.

Рядом с ним на диване сидели рука об руку Джулия и Бертран де Нотрдам. Они выглядели испуганными и заинтригованными. А вот Франческо Мария Чибо, массивный человек лет сорока, напротив, зевал в своем углу и то и дело задремывал.

Катерина, устроившись в кресле и рассеянно поглаживая белокурую головку одного из сыновей Скалигера, Жозефа Жюста, с иронией наблюдала за происходящими событиями. На самом же деле она нервничала. В этот вечер ей предстояло сыграть, наверное, самую трудную в жизни игру. Она удачно расставила фигуры, но в отличие от шахматной партии в ее игре все решало время.

Постель наконец остановился перед стоящими в углу доспехами и, поглаживая бороду, обратился к ним, как к живому человеку:

— Игнаций Лойола не смеет отвергать меня. Полтора года назад он принял меня в орден и взял с собой в Рим. Я стал настоящим иезуитом.

Скалигер нетерпеливо хмыкнул.

— Однако в Риме он велел бросить вас в темницу, чтобы от вас избавиться. Всем известно, что Игнаций — святой человек и самый бесстрашный из бойцов, какими только располагает церковь. Но некоторые считают его циником, человеком бессовестным, с сушеной сливой вместо сердца.

Постель, казалось, его не слышал, потому что продолжал обращаться к доспехам.

— Игнацио не выносит моего интереса к каббале. Но каждый добрый христианин должен прильнуть к источнику еврейской мудрости, ибо там берут начало все наши законы. Не вижу мотивов, по которым каббалистические тексты могли бы помешать иезуиту. Ведь может явиться новый мессия, и мы рискуем его не разглядеть.

— Верно, верно, — закивал головой Скалигер. — У меня есть редчайшая копия «Сефер Рациель». Она мне очень дорого обошлась. Не понимаю, о чем этот труд, но он весьма интересен.

— Что же интересного вы там нашли? — спросил Банделло.

— Сам факт, что ничего не понятно. Хорошее испытание интеллекту.

Разговор явно принимал бредовый оборот. Катерина уже подумала, не стоит ли его прервать, как вмешался Бертран.

— Господин Постель, вы собираетесь ехать в Венецию, чтобы увидеться с Лойолой? Не думаю, что он сейчас там.

Постель, казалось, очнулся от своих фантазмагорий. Он отвернулся от доспехов и повернулся к присутствующим.

— Да, Венеция. Моя карета уже прибыла?

Увидев, что Скалигер отрицательно мотает головой, он продолжал:

— Я еду в Венецию, потому что получил место капеллана при госпитале Святых Петра и Павла. Кстати, мадам, — обратился он с полупоклоном к Катерине, — не знаю, как вас и благодарить за ваши хлопоты обо мне у епископа Торнабуони. То, что я получил это место, исключительно ваша заслуга.

Катерина улыбнулась, тоже склонив голову.

— Это мой долг. Буду очень признательна, если вы тоже окажете мне услугу. Но об этом поговорим позже, когда прибудет карета.

Франческо Мария Чибо зевнул, потянулся, и под ним скрипнуло кресло.

— Я тоже знаю монсиньора Торнабуони. Моя кузина выбрала правильного покровителя. Королева Франции считает Козимо Медичи узурпатором, и все же епископ

¹³ Одна из новелл Маттео Банделло вдохновила Шекспира на написание «Ромео и Джульетты». (Прим. перев.)

пользуется безграничным уважением, хотя он и прямой представитель Козимо.

Маттео Банделло приподнял брови.

— Меня удивляет, что он пользуется таким доверием. В Италии давно раскусили, что Торнабуони проводит свою политику под диктовку монаха, Пьетро Джелидо, который, по существу, и представляет флорентийского тирана во Франции.

— Я не знал, но все равно это меня не удивляет. Флоренция — город небольшой, но в ее стенах умещается столько интриг, что позавидовал бы любой европейский двор.

Катерина смотрела на кузена с удивлением. Она и не подозревала, что он способен на такие сложные фразы. Когда она увидела его впервые в доме того же Скалигера, она оценила его как глупого и капризного мальчишку. Он увлекся оккультными науками и каббалистической магией, оттого и нанялся на службу к Постелю. Но его познания в этой области были весьма поверхностны и расплывчаты, и здесь полупомешанный Скалигер, конечно, его превосходил. К тому же, на свою беду, он обладал искренней и честной натурой. Чтобы довести до успешного завершения свои сложные планы, герцогиня вертела им, как марионеткой.

Катерина исподволь наблюдала за Бертраном де Нотрдамом и Джулией, с удовольствием отмечая, что они выглядят как жених с невестой. Бертрану было около тридцати, и он отличался от Мишеля более острыми чертами лица и не такими пристальными, спокойными глазами. Они вспыхивали только тогда, когда его взгляд останавливался на сидящей рядом Джулии. Ее красота, которую так пестовала мать, теперь на диво расцвела. Это хорошо разглядел кардинал делла Ровере, который раньше призывал Джулию в свою постель для разнообразия, чередуя с герцогиней, а нынче превратился в ее пылкого и страстного любовника. За корсажем у Джулии лежало ревнивое письмо, которое он написал, когда она провела в Сен-Реми лишний день.

Пожалуй, момент настал.

— Кажется, я слышу шум кареты, — сказала Катерина, поднимаясь, — Может быть, это та самая, что должна отвезти господина Постеля в Венецию. Пойду взгляну.

— Нет-нет, я пойду сам, — запротестовал Скалигер, тоже поднимаясь, — хотя, по правде говоря, я ничего не слышу. И потом, моя жена или экономка обязательно меня предупредят.

Катерина улыбнулась.

— Пожалуйста, продолжайте ваш ученый спор с господином Постелем, а мне необходимо подышать воздухом. Долина Виве подарит ясность душе и вернет хорошее настроение. Если увижу карету, сразу дам вам знать.

Не дожидаясь ответа, Катерина вышла из комнаты и прошла коридор, освещенный двумя факелами. Она взяла один из факелов и вышла на порог виллы. В лунном свете на берегу ручья Сен-Мартен-де-Фулойрон что-то блеснуло. Катерина усмехнулась про себя. Подняв факел вверх, она трижды просигналила в темноту. И сразу же увидела, как неподалеку тоже замигал огонек. На вершине холма она разглядела карету, которая была еще очень далеко, но быстро приближалась.

Когда она вернулась в коридор и воткнула факел в опору, сердце ее билось где-то у самого горла.

— Должно быть, я ошиблась, — сказала она, входя в комнату.

Франческо Мария Чибо что-то оживленно рассказывал.

— По-моему, господин Постель, Венеция — не лучшее место для ваших научных занятий. Там правит распушенность, и достаточно одного взгляда на бесстыдные туалеты венецианских дам, чтобы заставить француза покраснеть от стыда. Да будет вам известно, что среди литераторов там более всех почитают Пьетро Аретино, автора развязных сонетов, и вокруг него группируется так называемый цех веселых и блудливых поэтов.

Маттео Банделло иронически улыбнулся.

— Вы, должно быть, давно не интересовались женщинами. Именно это вас и шокирует. Но нет объекта более достойного поэзии и прозы, чем женщина.

— И вы, священник, говорите такие вещи! — возмутился Чибо. — Вот уж воистину, не знаю, что и подумать!

— Думайте, что хотите, только трахайте их почаще, иначе нанесете урон своему здоровью.

Постель молитвенным жестом задрал подбородок и бородку.

— Нет, господа, эти вещи меня не волнуют. У меня чисто духовные интересы в Венеции. Меня влечет Fondaco de'Tedeschi¹⁴, где хранятся книги, запрещенные инквизицией. Если я смогу туда проникнуть, то думаю там найти...

— Глядите-ка, теперь и я слышу шум кареты. Только в нее, похоже, впряжено не меньше тридцати лошадей. Слышите ржание?

Прежде чем кто-нибудь успел ответить, из коридора послышались неистовые удары в дверь и задыхающийся голос прокричал:

— Откройте! Откройте именем святой инквизиции!

Катерина сильно волновалась, но с удовольствием отметила, что все присутствующие вздрогнули. Тогда она сказала, притворившись, что напугана:

— О боже! Инквизиция!

Все глаза обратились на Постеля, который в смущении снова повернулся к доспехам. Может, он что-то им и говорил, но громкий стук и треск ломающегося дерева заглушили его слова. Круглые светильники, подвешенные под потолком на цепях, качались, и на стенах плясали тени. Загрохотали шаги, зазвенели кирасы, и в комнату ворвались вооруженные люди, нацелив на присутствующих шпаги и пики. А за ними, спустя несколько секунд, с нехорошей улыбкой на губах вошел кардинал делла Ровере.

Бертран прижал к себе Джулию, словно боялся ее потерять. Скалигер издавал какие-то хрюкающие звуки, которые слышали только те, кто стоял к нему ближе. Банделло напрягся и насторожился, а Постель, казалось, ничего не понимал. Кардинал окинул всех презрительным взглядом. Когда он наконец соизволил заговорить, то обращался только к Бертрону, остальные его перестали интересовать.

— Ваше имя Нотрдам, не так ли? — Он подождал, пока юноша кивнет, и продолжил: — Следовательно, мы получили точный сигнал. Как и все ложно обращенные евреи, вы якшаетесь с колдунами и заклинателями демонов. Вас вызывают в качестве свидетеля в инквизицию Тулузы.

Бертран вскрикнул и крепче стиснул руки Джулии. К его величайшему изумлению, девушка высвободила пальцы из его ладоней, словно это прикосновение ей было неприятно. Бертран растерянно взглянул на нее и, судорожно сглотнув, перевел взгляд на кардинала.

— Я повинуюсь, ваше высокопреосвященство, но уверяю вас, вы ошибаетесь. Что же до моих друзей, то все они почтенные ученые, сведущие в философии и восточных языках.

Кардинал скривился в гримасе.

— До ваших друзей в настоящий момент мне дела нет. О них расскажете в Тулузе на допросе. Извольте следовать за мной добровольно или приказать стражникам тащить вас силой?

— Иду, иду.

Бертран бросил отчаянный взгляд на Джулию, которая смотрела в другую сторону, потом опустил голову, и два солдата вывели его.

Кардинал остался стоять посередине комнаты, наслаждаясь воцарившимся испуганным молчанием. Наконец он бросил взгляд на Катерину и удалился, так ничего и не прибавив к сказанному. Солдаты шли за ним, толкая перед собой арестованного. Послышался грохот волочащихся по полу пик, конское ржание и удаляющийся цокот копыт.

Первым в себя пришел Франческо Мария Чибо.

— Что все это значит? — пробормотал он. — Он арестует свидетеля и не трогает

¹⁴ Библиотека в Венеции. (Прим. перев.)

обвиняемых. Да это сумасшедший!

— Он знал, что делает, — ответил Банделло, — в противном случае он прежде всего набросился бы на меня, потому что я священник.

Из коридора доносились лихорадочные шаги и крики прислуги и жены Скалигера. Дети плакали. Катерина спустила на пол маленького Жозефа Жюста, который уткнулся личиком ей в колени, и изобразила на лице крайнюю степень возмущения.

— Кузен, мне кажется, я поняла подлые замыслы кардинала. Но просто так это ему с рук не сойдет!

Она подбежала к дочери и обхватила ее за плечи. Джулия не сопротивлялась.

— Я пропал! Я пропал! — зывал Скалигер. — Целая жизнь лишений и размышлений идет насмарку из-за того, что я принимал в доме какого-то паршивого еврея!

Он бросился в объятия Одиетты, которая вошла в комнату в окружении целой толпы отпрысков.

— Подруга! Взгляните, что они сделали с таким выдающимся человеком, как я!

Постель казался скорее удивленным, чем испуганным. Он поднял палец.

— Я обращаюсь к самому Папе, он меня поймет. Но сначала я должен отправиться в Венецию в поисках истины о новом мессии. А моей кареты все нет!

— Она вот-вот прибудет.

Катерина подошла к философу и взяла его под руку.

— Я видела ее на другой стороне долины. Можно, мы с дочерью поедem с вами?

— В самом деле...

— Спасибо. Мы будем в Венеции через три-четыре дня.

Катерина вдруг бросила опешившего Постеля и подошла к кузену, подозревая к себе Джулию. Она порылась у той за корсажем и вытащила оттуда сложенное письмо. Потом строго уставилась на Франческо Марию Чибо.

— Вы здесь единственный, кто не рискует. Отвезите это письмо в Лион и отдайте лично в руки великому инквизитору Матье Ори. Скажите, что оно написано рукой кардинала Антонио Галаццо делла Ровере.

Франческо смутился, у него задрожали руки. Он нерешительно взял письмо у герцогини.

— Катерина, могу я узнать, что в нем содержится?

— Доказательство того, что делла Ровере — порочный развратник и использует инквизицию как инструмент в достижении своих распутных целей.

— Но этого недостаточно, чтобы вызволить молодого человека из тюрьмы. Если его повезли в Тулузу или Каркассон, так просто он не выберется.

— Этого достаточно, чтобы делла Ровере отстранили от должности и подвергли дознанию. Этого я и добиваюсь. Так вы едете в Лион?

— Еду.

Катерина увидела, что кузен говорит искренне, и осталась довольна. Она повернулась к Джулии.

— Господин Постель согласился, чтобы мы поехали в Венецию вместе с ним. — Она старалась перекрыть шум голосов и детский плач, — Карета прибудет с минуты на минуту.

В тот же миг в дверь просунулась голова кучера, который очень удивился, обнаружив в комнате такой переполох. Он стянул с головы берет.

— Извините... — сказал он, ни к кому конкретно не обращаясь, — Входная дверь была взломана, и я не знал, как обратить на себя внимание...

Завидев его, Катерина прикоснулась к руке кузена.

— Умоляю, Франческо, увидимся в Италии.

Она отошла от Чибо и подтолкнула Постеля к выходу.

— Пойдемте, нам пора ехать.

— Но мои вещи, мои книги... — запротестовал философ.

— Бросьте, у нас нет времени. Купите другие в Венеции. Если не поторопитесь,

рискуете угодить на костер.

Она заметила вдруг, что дочь зазевалась, и накинулась на нее:

— А ты чего стоишь? Шевелись, дура! Знаю, что ничего не понимаешь, потом объясню. Сейчас надо торопиться.

Пока кучер выходил, Катерине удалось подтолкнуть Постеля к порогу. Вырвавшись из цепких рук герцогини, тот пробился к Скалигеру, которого, окружив плотным кольцом, утешали жена и домашние.

— Друг мой, — воскликнул он, — вы не можете себе представить, как я огорчен, что вынужден покинуть ваш дом прежде, чем мы с вами...

Скалигер, с полными слез глазами, перебил его осипшим голосом:

— Не называйте меня другом! Я был всеми уважаемым человеком, нынче же впал в отчаяние, а потом впаду и в нищету! А как подумаю о будущем — вижу своих детей, умирающих с голоду! И все из-за вашего колдовства и некромантии, которыми вы без зазрения совести занимались в доме христианина! Убирайтесь, я с вами больше не знаком!

И он отвернулся от Постеля, снова бросившись в объятия жены. Философ застыл с разинутым ртом, силясь понять, что же произошло, а Катерина снова потащила его за руку.

— Пойдемте скорее отсюда, путь до Венеции долог.

Перебравшись через остатки выбитой двери, они очутились на улице. Карета стояла на обочине, кучер с беспокойством оглядывался вокруг. Катерина открыла дверцу и впихнула Постеля внутрь, потом залезла сама и протянула руку Джулии, которая устроилась рядом с ней.

— Едем без промедления! — крикнула она кучеру. — Направление — Савойя, мы едем в Италию.

Позже, когда карета запрыгала по кочкам окружавшей долину дороги, Катерина смогла наконец расслабиться. Она взглянула на Постеля, который заснул, едва устроившись на сиденье. Услышав, как тот похрапывает, она с улыбкой обернулась к Джулии.

— Девочка моя, это был незабываемый вечер. Ты уловила смысл того, что произошло?

Джулия помотала головой.

— Столько всего сразу... я совсем растерялась.

Катерина энергично кивнула.

— Понимаю тебя, бедная головка. Сейчас постараюсь объяснить. Ты видела, что случилось с Берtrandом Нотрдамом?

— Да. Его арестовали и повезли в Тулузу. Жаль, потому что он действительно любил меня.

— Нам теперь не до слащавых жеманностей, — отозвалась Катерина, пожав плечами. — Оставь их французам, они обожают всякие глупости. Важно, что Нотрдам на какое-то время выведен из игры. Его, конечно, отпустят, но не раньше чем кончится расследование, которое привлечет внимание инквизиции к прошлому его семьи, а прежде всего — к досье Мишеля. Потому я и донесла на Бертрана кардиналу делла Ровере.

Джулия распахнула сонные глаза.

— Так это вы донесли?

— А ты не поняла? И правда, в последнее время я тебя несколько переоценила... Конечно же, я. Этого сумасшедшего Постеля, — Катерина понизила голос, — нам послало провидение. Делла Ровере и так уже ревновал к Берtrandу, но ему нужен был предлог, чтобы вмешаться как инквизитору. Знакомство с некромантом пришлось как нельзя более кстати.

— Делла Ровере... — пробормотала Джулия, — Он тоже меня любит.

Катерина поморщилась.

— Да нет же! Никто тебя не любит. Успокойся, я тоже через это прошла. Он любил только одну часть твоего тела, ну, может, две, но не более того.

— Теперь он сделает все, чтобы меня найти.

— Несомненно, но не теперь. Теперь у него начнутся другие заботы. Главный инквизитор Лиона Матье Ори — человек жестокий и фанатичный, а еще он знаменит

суровостью к нравам клира. Когда мой кузен передаст ему письмо делла Ровере к тебе, где полно всяких непристойностей и любовных притязаний, он примет меры. Он не из тех, кто спасует перед кардиналом. Значит, на какое-то время власть делла Ровере будет урезана. Вот увидишь, мы доберемся до Венеции без затруднений. Мое заключение кончилось.

— Но зачем вам ехать в Венецию?

— Сейчас поймешь.

Катерина наклонилась к Постелю, который продолжал храпеть, и постучала его по плечу.

— Сударь! Проснитесь!

— Что такое? — Постель резко выпрямился и огляделся, с изумлением обнаружив себя в карете, освещенной лунным светом, в компании двух дам, — Где я?

— На пути в Венецию. Разве вы не помните?

— Ах да, — Постель подавил зевок. Он хотел потянуться, но, наверное, счел это неприличным и сдержался, — Мы уже подъезжаем?

— Не совсем, учитывая, что мы только что выехали.

— Я непременно должен встретиться с Папой. Убежден, что он ни о чем не подозревает, и это плохо.

— Ну конечно, он не может знать о событиях сегодняшней ночи.

— Я не об этом. Я о рождении нового мессии, который, быть может, влачит где-нибудь жачкое существование. Ужасно, что понтифику об этом ничего не сообщили.

Похоже, Постеля внезапно осенила еще какая-то идея: у него даже борода вздернулась кверху.

— Скажите, мадам, а епископ Торнабуони не смог бы оказать мне еще одну милость? Я знаю, что уже многим ему обязан: ведь это он нашел для меня место капеллана. Но то, что я прошу, нужно не мне, а всему человечеству.

— О какой милости вы говорите?

— Представить меня Папе. Я знаю, что Папа нездоров, но все же...

— Слишком долго затянулось это нездоровье, — нахмурившись, пробормотала Катерина, но тут же изобразила на губах улыбку, — Думаю, это возможно. Но у епископа Торнабуони тоже есть к вам просьба. Если вы ее выполните, он с радостью представит вас Папе.

— Буду рад служить моему благодетелю. Скажите, что я должен сделать.

Катерина осторожно заговорила:

— Несколько лет назад вы познакомились с молодым флорентинцем, который называл себя Лоренцино де Сарцана, но настоящее его имя было Лоренцо Медичи. Помните?

Постель напряг память, но то, что ему удалось извлечь из ее глубин, видимо, оказалось не слишком привлекательно, потому что он поморщился.

— Припоминаю. Я познакомился с ним в Париже, и это знакомство не принесло мне ничего, кроме бед.

— Епископ в курсе дела и тем не менее просит вас помочь. Теперь Лоренцино в Венеции, но почти не выходит из дома из-за пустых страхов. Посланец его преосвященства Торнабуони, капитан Чеккино да Биббона, уже несколько месяцев ищет встречи с ним, чтобы поговорить о важных вещах, но так ничего и не добился. Его преосвященство полагает, что если встречу назначите вы, то молодой Медичи явится без стеснения. Что вы на это скажете?

Постель слегка поколебался, потом ответил:

— Если этим самым я доставлю удовольствие монсиньору, считайте, что я в вашем распоряжении.

Палице Катерины расцвела широкая улыбка.

— Прекрасно. Считайте, что аудиенция у Папы вам обеспечена. Это я вам гарантирую. Мы все заинтересованы в том, чтобы новому мессии оказали достойный прием.

Постель с чувством поклонился.

Благодарю вас, мадам. Христиане, по-настоящему открытые для истины, попадают теперь нечасто.

Спустя полчаса, когда Постель снова задремал, Катерина разбудила сонную дочку.

— Грандиозная ночь, правда? — прошептала она на ухо Джулии.

Джулия выглянула в окно.

— Да, луна светит, но и облака тоже есть.

Катерина, улыбаясь, покачала головой.

— Ну да, тебе не понять. Спи, моя девочка, спи.

И блаженно откинулась на спинку сиденья.

ПРИЗРАК МОЛИНАСА

Разбуженная лукавым солнечным лучом, Жюмель поморгала глазами, откинула одеяло и села на краю постели. Потом поднялась, сладострастно потягиваясь.

Мишель, уже давно проснувшийся, сквозь ресницы наблюдал за движениями точеного нагого тела. Только сейчас он отдал себе отчет, насколько любит эту женщину. На третий день брака единственное, что мешало его счастью, — это невозможность слиться с ней воедино. Они до обморока занимались любовью, часами заговорщицки шептались, ласкали друг друга и обменивались нежностями. В Мишеле жило неудовлетворенное желание полного взаимопроникновения и слияния в одно существо, но тому мешали телесные узы человеческого существования, и приходилось смириться.

— Какая ты красивая, — прошептал Мишель.

Жюмель резко обернулась, будто бы удивившись, хотя на самом деле прекрасно знала, что он ее рассматривает.

— Ты тоже очень красивый, — ответила она с улыбкой.

Мишель оглядел свое тело, уже начавшее подплывать жирком, и подумал о том, что цвет лица тоже изменился с годами и обрел темновато-красный оттенок.

— Все ты врешь, но мне все равно приятно.

— Нет-нет, я не вру! Мне не только тело, мне твой ум тоже желанен.

Это уменьшало силу комплимента, но Мишелю все равно было хорошо. Они оделись и спустились вниз, на первый этаж, где располагалась кухня. В Салоне они владели просторным двухэтажным домом. Комнаты были расположены и обставлены согласно воле бедняги Больма. Жюмель же всеми силами стремилась избавиться от всего, что напоминало о покойном супруге, от его любимого кресла до постельного белья. По ее разумению, все, к чему прикасался старик, несло на себе тоскливый отпечаток. Она не могла дожидаться дня, когда сможет переехать в другой дом, и вела поиски жилища.

— Что ты будешь делать сегодня утром? — спросила она мужа, готовя ему бутерброд с сыром.

Они были достаточно богаты, чтобы позволить себе три блюда за столом, тогда как большинство горожан довольствовались одним.

Мишель вздохнул.

— Опять пойду по аптекарям, может, кто возьмет в помощники.

— Но ведь ты не аптекарь, ты врач.

— Да, но Салон — город маленький, и здесь нет госпиталя. Сомневаюсь, чтобы здесь можно было получить собственную практику. Другие медики кое-как перебиваются со скудной клиентурой, но не думаю, что среди них найдется место новичку. Да у меня и денег нет ни на амбулаторию, ни на аптекарскую стойку. Деньги, что мне передала Катерина Медичи, почти закончились. Так что на вывеске мне надо выставить не змею, обвившуюся вокруг жезла, а бродячего пса.

Жюмель налила мужу стакан янтарного молодого вина.

— Тебе все видится в черном цвете. Я могу дать тебе денег: ведь я принесла тебе приличное приданое. Ты сам отказываешься ими пользоваться.

Мишель нахмурился.

— Я не хочу жить в роскоши и выбрал скромное существование, чтобы искупить вину, о которой ты даже не догадываешься. Я не могу брать у тебя, ничего не давая взамен.

— Но ты уже даешь! — Жюмель звонко рассмеялась, — Не знаю, как насчет змеи, но жезл у тебя есть! Он твердый, как металл, только гораздо горячее.

Мишель вдруг ожесточился. Тщательно подбирая слова, он сказал, и в голосе зазвенела угроза:

— Жюмель, то есть Анна... Я женился на тебе, заставив себя забыть о твоём прошлом, к которому и сам был причастен. Но теперь я хочу, чтобы ты стала честной, богобоязненной женщиной. Пожалуйста, не позволяй себе непристойностей.

Жюмель нисколько не унялась, наоборот, только громче рассмеялась.

— Ты хочешь, чтобы я была днем праведницей, а ночью шлюхой. Все вы, мужчины, одинаковы.

— Думай, что говоришь! — Мишель почувствовал, как нарастающий гнев забирается в голову, но постарался взять себя в руки, — Будь довольна, что я разрешаю тебе говорить мне «ты», а не «вы». Но мне нужна жена, а не любовница. Веди себя подобающе, иначе я буду вынужден тебя наказать.

Веселье Жюмель сразу померкло.

— Наказать? Не пойму, как это? Без моего приданого ты был бы нищим. Возблагодарим добрейшего Боляма, который сделал меня богатой, — Взгляд и голос ее смягчились, — Ладно, Мишель, хватит препираться. Такие стычки у влюбленных случаются, но ты слишком серьезно все воспринимаешь. Лучше думай о том, что тут есть узкая дверка, всегда открытая для тебя и твоего удовольствия.

И, вновь засияв широкой улыбкой, она потрогала себя между ног.

Мишель почувствовал свое поражение. Когда-то Магдалена разделяла его склонность все драматизировать, и на этой почве разыгралась постигшая их трагедия. В характере Жюмель, напротив, не было ни мрачности, ни угрюмости. И Мишелю пришлось признать себя побежденным.

Он несколько раз сглотнул, чтобы успокоиться.

— Ну хорошо, препирательства и правда ни к чему. Я прошу тебя только быть посдержаннее.

— Я буду сама сдержанность.

— И избегать непристойностей.

— Которые тебе очень нравятся, когда в постели я шепчу их тебе на ушко. Я ведь замечаю, что у тебя твердеет.

На это Мишель не нашелся что ответить. Он нервно отломил кусочек хлеба, сунул его в рот и опустил глаза.

Позже, когда он одевался к выходу, из соседней комнаты донесся веселый голосок Жюмель:

— Ой, погляди-ка! Строишь из себя моралиста, а сам разглядываешь книги с голыми бабами. Вот возьму и выброшу эту похабщину в окно!

Мишель надел свою неразлучную тогу и с любопытством высунулся из комнаты.

— Ты это о чем? Ни в одной из моих книг, кроме разве что Марциала, нет ничего...

Внезапно он замолк, задохнувшись. Жюмель стояла в оконной нише и листала толстую рукопись. Он подскочил к ней и выхватил книгу.

— Этого трогать не смей! — закричал он в бешенстве, — Это не твоего ума дело!

Веселье вмиг слетело с лица Жюмель.

— А мне откуда знать? — вспылила она. — И потом, тебе прекрасно известно, что я не умею читать. Но все эти фигуры голых женщин... Они словно бы мочатся или истекают кровью...

Гнев Мишеля поутих, но только отчасти.

— Это не та книга, что ты думаешь. И тем не менее я запрещаю тебе ее трогать.

Он заметил, как у него изменился голос, и из-за этого еще больше заволновался и постарался смягчить тон.

— Поверь мне, я говорю так для твоей же пользы. Этот текст опасен даже для меня. Требуется немалое усилие, чтобы от него освободиться.

— Чем опасен? Картинками? Невелик грех смотреть на голых баб, да еще так скверно нарисованных. Когда я еще жила в «Ла Зохе», я часто видела такие рисунки...

— Нет, опасность не в этом.

— Если опасность в тексте, то я его все равно не пойму. Да и написан он вроде бы не по-нашему.

— Пусть будет написан, как написан. — В голосе Мишеля снова зазвучало раздражение. — Забудь о том, что ты его видела, навсегда забудь. Поклянись!

Жюмель поколебалась, потом скорчила гримаску.

— Ну ладно, клянусь.

— Вот и хорошо, иди занимайся своими делами.

Мишель подождал, пока жена выйдет, потом лихорадочно перелистал «Arbog Mirabilis». Вот они, рисунки деревьев со странными скрученными корнями, вот женские фигуры, вставленные во внутренние органы человека, вот созвездия несуществующего неба. Он узнал уверенный почерк Ульриха из Майнца и другой, менее твердый, его любимого ученика, свирепого Пентадиуса. Оба они отлично владели алфавитом, берущим начало из коптского и демотического письма, который могли расшифровать только те, кто принадлежал к церкви иллюминатов. Между собой они называли его «Око».

Дрожь охватила Мишеля. Он стиснул пальцы и захлопнул рукопись, из которой взвилось облачко пыли. Уничтожить текст у него не поднималась рука. Надо было спрятать его подальше, чтобы ни Жюмель, ни кто-нибудь другой не смог его найти. В поисках места для тайника он внимательно осмотрел комнату и смежные с ней, обставленные только частично. Наконец в кладовке, которую Жюмель использовала как гардероб, он обнаружил в стене достаточно глубокую нишу шириной в кулак. Свернув рукопись, он уже собрался ее туда заложить, но в последний момент решил проверить нишу и пошарил в ней пальцами. Каково же было его удивление, когда пальцы наткнулись на листы бумаги.

Он вытащил руку вместе с пачкой писем, перевязанных ленточкой. Взяв одно наугад, он попробовал прочесть, но света было мало. Тогда он вышел из кладовки и подошел к окну в коридоре. Соседние дома загораживали видимость, но самую высокую башню замка Эмпери было видно хорошо. Стояло холодное, ясное утро.

Мишель развернул письмо и взглянул на дату: оно было написано на прошлой неделе. Он посмотрел на подпись на обратной стороне, и руки у него судорожно затряслись: письмо подписал Диего Доминго Молинас.

Чтобы не упасть, он прислонился спиной к стене. Наконец ему удалось разобрать:

«Друг мой!

К сожалению, я не могу приехать повидаться с вами. Как вы знаете, письмо придет к вам из Венеции, где я должен находиться по воле святой инквизиции, которой я служу. Я знаю, что через несколько дней вы собираетесь выйти замуж за Мишеля де Нотрдама. Это хорошо, даже очень хорошо. Я прибегнул к стольким ухищрениям, чтобы устроить вашу свадьбу. Теперь вы должны контролировать каждое движение и во всем мне повиноваться, иначе я могу погубить вас в один миг. Мне известны имена всех ваших любовников, и я не премину использовать эти сведения против вас. Пишите мне на адрес, который я сообщу в следующем письме».

У Мишеля закружилась голова. Сердце забилося так отчаянно, что разболелось. В глазах потемнело, и он уже решил, что теряет сознание. Но, взяв себя в руки, он вытащил следующее письмо, написанное примерно месяц назад. Содержание было то же, но имелась

и кое-какая новая информация.

«Я требую от вас регулярных и подробных отчетов. Только так вам удастся избежать кары, которую вы заслужили своим упорным молчанием. Мой почтовый адрес теперь таков: падре Пьетро Джелидо из Сан-Миниато, послу республики Флоренция в Венеции. Но вы можете писать на имя господина Гийома Постеля, капеллана госпиталя Св. Иоанна и Павла. Надеюсь, излишне сообщать, что вас ждет, если вы будете продолжать молчать».

Пьетро Джелидо! Еще один кусок прошлой жизни Мишеля возник из небытия, чтобы тревожить его. Кто же он, Пьетро Джелидо, злой гений вице-легата Тривулько и Мейнье д'Оппеда, вдохновивший своим фанатизмом избиение вальденсов в Любероне?

Но Мишель был слишком взволнован, чтобы сосредоточиться на этой загадке. Он дрожал как в лихорадке, но все же вынул еще одно письмо, первое в пачке, написанное еще чуть раньше. Уже от первых слов ему стало не по себе.

«Друг мой!

Совсем скоро вы станете не только богаты, но и будете обладать собственным домом. И этим вы обязаны мне одному. Я радуюсь вашей предстоящей свадьбе и желаю вам много прелестных детей. Нынче, однако, пришло время вам оплатить долг передо мной. Мишель де Нотрдам меня не интересует, и я не желаю ему зла. Он может оказаться прекрасным мужем, учитывая, что, с моей точки зрения, он полный идиот. Но вы должны быть очень внимательны и не упустить ни малейшей детали, касающейся человека, который называл себя разными именами: Петер Ван Гог, Герман Маркельбек, Ульрих из Майнца. Последнее имя — настоящее. Я не знаю, как он выглядит, но лет ему должно быть около шестидесяти. Не исключена возможность, что рано или поздно он появится в вашем доме. Приказываю сообщать мне о любом, кого примет Нотрдам, особенно о гостях из Германии, и записывать все адреса его корреспонденции».

Мишелю было так скверно, что он не мог читать дальше. Сжимая в руке свиток писем, он кое-как доковылял до спальни и упал на постель. В висках стучало, голова наполнилась каким-то скрежещущим шумом.

Постепенно к сознанию вернулась ясность. Диего Доминго Молинас! Он не мог остаться в живых: Мишель сам видел, как его сожгли, привязав к колесу, и тело его превратилось в пепел. Кто же принял его облик, кто унаследовал его необоримую ненависть?

Он уже спросил себя, не стоит ли снова предпринять путешествие в иное измерение, как услышал на лестнице шаги Жюмель, которая поднималась к нему, весело напевая. Мишель был опустошен и обессилен и все же встал с постели. В нем вдруг вспыхнула животная жажда убийства, ему захотелось ударить жену, сделать ей больно, может, и убить.

Но он был уже не тот, что прежде, теперь он легко справлялся со своими инстинктами. Достаточно одной Магдалены. Он появился на пороге комнаты, потрясенный и обезоруженный, со слезами на глазах, сжимая в кулаке пачку писем.

Жюмель вскрикнула:

— Что с тобой? — и, увидев письма у него в руке, осеклась и закрыла рот рукой, — Ты их нашел... — прошептала она.

— Ты давно... — Мишель вытер мокрый нос, — Ты давно с ним в переписке?

— С кем — с ним?

Мишеля вновь захлестнула волна гнева, и он поднял кверху письма, зажатые в дрожащем кулаке.

— С человеком, который присылал тебе вот это, — просипел он.

— А что там написано? — спросила Жюмель с абсолютно искренним удивлением и сразу опустила огромные глаза: — Ты ведь знаешь, что я не умею читать. Я получаю эти

письма уже около двух месяцев, но понятия не имею о том, что в них написано.

А ведь и правда! Жюмель не умела читать! Мишель совсем об этом забыл. Однако утешился он только на миг, и к его боли примешалось подозрение.

— Если ты действительно не знаешь, что в них написано, почему их прятала?

— Потому что их писал мужчина. Ведь это любовные письма, правда?

Искренний тон и убитый голос Жюмель поразили Мишеля. Он вытер слезы и спросил, на этот раз без укора и злости:

— Ты была знакома с неким Диего Доминго Молинасом?

Она снова потупилась.

— Да. По крайней мере, думаю, что его так звали.

— На этих письмах его подпись, ты это знала?

— Нет, я думала, мне их присылает кто-то из Салона. И потом, последний раз, когда я видела этого испанца в Париже, он называл себя...

— Как? Договаривай, прошу тебя!

— Как и тебя, Мишель де Нотрдам. Он хотел всех заставить поверить, что он — это ты.

У Мишеля вырвалось какое-то рычание, но не от злости, а от удивления. Ему все труднее становилось сохранять ясность ума: он почувствовал себя внутри лабиринта, где за каждым поворотом открывались новые коридоры, все дальше и дальше уводившие от входа. Ему едва хватило сил спросить:

— А потом ты его видела еще?

— Нет. Он близко дружил с одним тосканским аристократом из фамилии Медичи. Они вместе часто бывали у моего бывшего мужа, Больма, а потом я потеряла их из виду.

— Это Молинас надоумил тебя выйти за меня замуж?

Темные глаза Жюмель засветились искренностью.

— О нет, ты же знаешь, что это был твой друг, барон Пулен.

Мишель резко махнул рукой.

— Уйди, — прошептал он скорее смятенно, чем грубо, — Мне надо побыть одному.

Он отвернулся от жены и не заметил, как она, прежде чем быстро выскользнуть из комнаты, наклонилась и подобрала рукопись «Arbor Mirabilis», которую он оставил в оконной нише.

Мишель снова бросился на постель. Шум крови в голове немного утих. Он старался расслабиться, но ничего не получалось: слишком хорошо он знал, что ему надо сделать. Сопротивление было бесполезно: видно, это судьба. Ему даже не понадобилось внутренне сосредоточиться на числах: один, два, сто, один, двести, один, шестьдесят... Прежде чем картина полностью проявилась в его мозгу, он уже «спроецировался» между Эннеадой и Огдоадой, там, где неведомы были земные координаты. Небо чужой планеты бороздили сполохи огня, появлявшиеся ниоткуда и исчезающие никуда. Тень Мишеля на песке все время меняла форму и цвет.

Парпалус был уже здесь, как всегда невидимый, но вполне ощутимый. Мишель понял, что на этот раз дело обойдется без физической боли и судорог. Он не сопротивлялся видениям, которые возникали под шепот Парпалуса. Он ничего не чувствовал — ни страха, ни тоски. Только старался понять и истолковать шепот, долетавший до него сквозь тьму.

Все кончилось почти сразу. Когда демон исчез в пропасти, сначала огромной, а потом крошечной, Мишель попытался встать с ложа. Резкая боль в груди и ногах заставила его снова упасть. Пересилив себя, он спустил ноги и, преодолевая головокружение, добрал до запыленной конторки у окна. Ледяные пальцы дрожали, и ему было нелегко попасть пером в чернильницу. Наконец, обмакнув перо, он запечатлел на листе бумаги яркие образы, еще живые в сознании.

D'habits nouveaux apr?s faicte la treuve,
Malice, Iramme et machination;
Premier mourra qui en fera la preuve;

Couleur Venise insidiation.

Одежды сменят после некой передышки,
Злоумышляя подлость и злодейство.
Тот первый сгинет, кто докажет это.
Венеции цвета таят коварство¹⁵.

Как с ним случалось всегда, едва он закончил записывать текст, к нему вернулась полная ясность сознания. Он с привычным удивлением перечитал написанное. На этот раз послание Парпалуса не выглядело загадочным, наоборот, было совершенно ясно, о чем шла речь.

«Под новыми одеждами скрываются коварство, козни и интриги. Кто примерит эти одежды, умрет первым. Цвета Венеции таят в себе западню».

Несколько мгновений спустя толкование исчезло из сознания Мишеля, оставив слабый след: «коварство, козни и интриги», соединенный с названием города: Венеция. Он поднялся, вышел в коридор и спустился по лестнице. Жюмель, ссутулившись, поджидала его на пороге кухни. Мишель едва на нее взглянул.

— Я еду в Италию, — объявил он решительно. — Мне надо в Венецию.

Жюмель разинула рот.

— Но мы только что поженились! — воскликнула она, прижав руки к груди, — Не можешь же ты оставить меня вот так!

Мишель упрямо дернул головой, и стало ясно, что возражений он не потерпит.

— Я сказал, мне надо ехать. Я должен изобличить врагов. От этого зависит мое счастье, да и твое тоже.

— Тогда возьми меня с собой!

— Нет. Я не знаю, есть на тебе вина или нет. Но прежде всего, я не хочу рисковать. Я уже причинил зло одной женщине и не хочу того же для тебя, даже если ты и заслужила. — Мишель вздохнул, — Помоги мне собрать вещи.

Жюмель разрыдалась.

— Поклянись, что уедешь ненадолго.

— На месяц или на два, не больше. За это время я должен избавиться от врагов, — Мишель нахмурился. — Живых или мертвых.

АБРАЗАКС. РАСТЕНИЯ

Шумное и устрашающее появление демона сопровождалось землетрясением. В несколько мгновений пустыня расцвела растениями. Там были кусты со странно симметричной листвой либо выстриженные в виде гротескных человеческих профилей. Были трепещущие стелы, похожие на бледно-зеленые вены, были листья телесного цвета, были диковинные цветы, которые то и дело выбрасывали длинные пестики, похожие на змеиные языки. Зарывшись в них, прятались неподвижные рептилии.

Нострадамус, стоя по пояс в этой массе шевелящихся щупалец, крикнул с тревогой:

— Это его растения! Он приближается!

В ответ не слышалось ни звука, если не считать крика герцогини. Ему было страшно, но он все-таки поднял глаза, чтобы наконец увидеть Парпалуса при свете.

Вид демона его отчасти ужаснул, отчасти разочаровал. Пляшущие звезды очертили огромный круг, и в этом круге появилось гигантское, пухлое лицо новорожденного. Что действительно пугало в этом лице, так это взгляд. Огромные застывшие глаза своей неподвижностью напоминали глаза свиньи. Они отливали синим льдом и были бесконечно

¹⁵ Катрен VI, центурия IV. Перевод Л. Здановича.

далеки.

Эти черты с трудом соединялись в голове Нострадамуса с образом горбатого демона, с которым он обычно беседовал. Еще больше он удивился, когда новорожденный сморщил губы. Он, казалось, не издал ни звука, но повсюду распространился его жалобный, мяукающий голос.

— Моему хозяину не нравится ваш визит. Это его мир, Мишель. Это был и твой мир, пока ты не предал мастера. А ведь и он, и я щедро одаривали тебя.

Нострадамус содрогнулся: страх накрыл его темным плащом. Он приготовился к титанической битве, но только теперь осознал ее истинные масштабы. Как в лихорадке, он заговорил, тоже не открывая рта:

— Это не я предал. Когда Ульрих доверил мне свои замыслы, я не понял, какое страшное преступление он готовит. Это он задумал настоящее предательство. Он заставил меня поверить, что мы служим человечеству, а сам готовился его уничтожить.

Новорожденный с фарфоровыми глазами был бледен, как лунный свет. Но в космическом туннеле, из которого он выглядывал, не было луны, по крайней мере луны знакомой. Он рассмеялся, и лицо его покрылось старческими морщинами.

— Ты говоришь нелепости, Мишель. Ульриху нет никакого интереса уничтожать человечество. Он всего лишь хочет расширить измерение живых до измерения мертвых. Что же тут плохого?

— Что тут плохого?!

Нострадамус сам удивился, с каким спокойствием он заговорил. Каждая клеточка в нем корчилась от боли, смятение парализовало всякую способность мыслить, однако он нашел в себе силы и ответил:

— Ты спрашиваешь, что тут плохого? Если Не-Время станет Временем, причины и следствия поменяются местами. Может быть, люди и выживут, но их сознание будет изменено. Они превратятся в сгустки плоти, бредущие в безумии.

— Они и сейчас такие, разве не так? — Морщины на лице новорожденного в глубине пропасти расправились, и оно снова стало гладким. Он больше не смеялся, но в голубых глазах сквозил сарказм. — Тебе-то что за дело, Мишель? Когда все это свершится, ты уже многие века будешь мертв в мире людей. Помнишь? В году тысяча девятьсот девяносто девятом...

— Но сейчас я жив.

— Ты жив, потому что находишься в сфере архетипов. На земле эта дата, может, уже миновала. В этом измерении нет дат. Ульрих уже победил, и борьба твоя не имеет смысла.

— Это неправда, и твое посольство — тому доказательство. Если в этом мире нет времени, то победа зла может быть очень далеко. В сущности, земное время имеет свою развертку и в мире, где мы сейчас находимся. Ни ты, ни твой хозяин не имеете уверенности ни в победе, ни в поражении.

— Нет! Не-е-ет!! — Это кричал молодой священник. Он закрыл уши ладонями, словно не желая слушать невыносимые слова, — Все это — богохульство! — кричал он в безмолвии — Бог дает времени измерение! И здесь, и повсюду!

Нострадамус видел, что юноша испытывает те же страдания, которые когда-то испытывал он сам, и ему стало жаль его. Он с достоинством кивнул.

— Это верно. Но чем ближе к Богу, тем быстрее исчезает время, ибо Он вечен. Души не имеют хронологии, как не имеют ее сны. Мы — мертвецы, которым снятся сны.

Эти слова, похоже, поразили Парпалуса. Его безобразное лицо вдруг сморщилось, потом уменьшилось и совсем исчезло. Звезды замедлили свой бег по кругу, а растения закачались под невидимым ветром и начали прорастать новыми причудливыми ответвлениями.

Нострадамус взглянул на спутников.

— Не стройте себе иллюзий: это затишье на минуту. Думаю, Ульрих явится

собственной персоной. Вот тогда и начнется настоящая битва.

Подтверждением его слов стал порыв ледяного ветра, качнувший венчики чудовищных цветов.

КРАСНЫЙ ВЕНЕЦИАНЕЦ

Катерина Чибо-Варано со скукой наблюдала за шутками и ужимками Зуана Чимадора, мима, паяца и акробата, которого регулярно приглашали на праздники в дома аристократов. Хотя монсиньор делла Каза и был папским нунцием, сквозь стены его палатки тоже просачивалась карнавальная атмосфера. Этот праздник, как и все прочие городские праздники, отличало развязное поведение венецианской знати.

— Эта пошлость начинает мне надоедать, — прошептала Катерина, когда мим с огромным картонным фаллосом, привязанным к бедрам, начал скакать вокруг актрисы, которая изображала робкую, но очарованную субретку.

— В Венеции так и живут, особенно во время карнавала, — весело отозвался известный скульптор Бенвенуто Челлини.

У него было худое лицо и глаза как у хорька.

— Так легче позабыть о невежественности последних дождей и кровожадности Совета десяти и всей Дзонты¹⁶.

Катерина кивнула. Приехав в Венецию, она уже дважды была свидетельницей того, как приговоренных к казни мучили по приказу наводящей ужас Десятки. Обычно экзекуции проходили на борту гондолы, медленно плывшей по городским каналам мимо запруженных народом набережных. В назидание толпе палачи, вооруженные клещами, ножами и пилами, в буквальном смысле рвали жертву на куски. Растерзанные тела под какофонию криков орошали каналы кровью.

Катерину все это мало интересовало. Жертвами часто были настоящие или подозреваемые содомиты, то есть личности отвратительные. Или же казнили заговорщиков, чаще подозреваемых, чем настоящих. В обоих случаях они не имели права на жалость — чувство, на которое Катерина была до чрезвычайности скупа.

— Понимаю, — ответила она, — Сластолюбие как реакция на террор. Но не это меня поражает, а тот факт, что подобные представления разыгрываются в доме священника.

Произнося эту тираду, Катерина заметила, что многие маски без зазрения совести целовались, мужчины на виду у всех ласкали женские груди. Дамы благосклонно принимали знаки внимания даже от вовсе незнакомых мужчин. Может, черные маски были призваны скрывать не столько лица, сколько румянец стыда? Сомнительно: ведь только в Венеции дамы всех возрастов носили декольте, которые, по существу, ничего не скрывали.

Бенвенуто Челлини рассмеялся.

— Клир во всем следует понтификам, а те отнюдь не подают примера целомудрия. Как минимум в течение двух веков. — Его острый взгляд сделался почти серьезным, — Впрочем, вы ведь тоже пользуетесь либеральностью монсиньора делла Каза. Не думаю, чтобы другой нунций принимал в своем доме женщину, отлученную от церкви.

Замечание могло бы прозвучать бестактно, но Катерина знала о необычайной дерзости Челлини и высоко ценила это качество.

— Меня пригласил не монсиньор, а венецианские послы, Пьер Филиппо Пандольфини и падре Пьетро Джелидо.

Челлини притворился, что вздрогнул.

— Персонажи мало сказать мрачные. Поглядите-ка, они держатся особняком. Нынче Папа и Козимо Медичи не больно-то друг друга жалуют.

¹⁶ Дзонта — венецианское произнесение слова «джунта». Джунтой в Италии назывался административный исполнительный орган. (Прим. перев.)

Катерина взглянула на венецианских дипломатов, застывших у самой сцены, где вытворял свои непристойные кульбиты Зуан Чимадор.

— Сказать по правде, возле Пандольфини выются две дамы. В одиночестве только Пьетро Джелидо. Наверное, благодаря своей репутации лютеранина.

— Что вы говорите, герцогиня? Я был уверен, что он убежденный противник Реформации. Разве не он несколько лет тому назад руководил во Франции истреблением вальденсов?

Катерина покачала головой.

— Он, но не стоит слишком удивляться. Это фанатик, готовый перейти в любую веру, которая поддержит его фанатизм. Этаким Савонарола на службе у Медичи. Сейчас он содрогается от зрелища падения нравов. Вы правы, мрачная личность.

Эти слова она произнесла, не скрывая восхищения. Правильные, суровые черты монаха и вправду поразили ее с первой встречи.

Тем временем к ним приблизился высокий бородатый толстяк, начавший уже лысеть с висков, одетый в пышный костюм, отделанный кружевом и золотым шитьем. За ним шел господин с тонким и умным лицом, одетый так же элегантно, но гораздо строже.

— Челлини! — крикнул первый, перекрывая музыку звучным, мягким голосом, — Ты всех знаешь. Сделай милость, представь меня вон той очаровательной курочке, что появилась без маски! Она покоряет с первого взгляда! На доне Мендосе чуть штаны не лопнули, так он разгорячился. — В голосе колосса появилась грусть: — Но девчонка больно робкая, она смущается и краснеет.

Челлини расхохотался.

— Пьетро, ты говоришь непристойности в присутствии дамы, — Он указал на Катерину, — Позволь представить тебе герцогиню Чибо-Варано, родственницу Риччарды, которую ты должен хорошо знать. Герцогиня, это Пьетро Аретино, знаменитый писатель и большая свинья.

Катерина улыбнулась.

— О, мне известно это имя, а также обе добродетели его владельца.

В этой чувственной атмосфере она была как рыба в воде. Ей казалось, что признаки старения, которые она с тоской все чаще у себя обнаруживала, растворяются в розовом свечении эроса.

Аретино уставился на нее так нагло, что она смутилась.

— Я пошутил. Речь шла о неоперившейся пичуге среди ласточек, можно сказать, о королеве срамных губ!

Словно не догадываясь, что сказал непристойность, он элегантно поклонился и указал на своего спутника.

— Герцогиня, позвольте представить вам дона Диего де Мендосу, посла его величества императора Карла Пятого в Венеции.

Катерина выждала, пока испанский гранд тоже поклонится, потом обменялась с ним чуть заметной улыбкой.

— Мы хорошо знакомы с доном Мендосой.

Посол промолчал, но по его глазам было видно, что так оно и есть. Пьетро Аретино не уловил этих знаков или сделал вид, что не уловил. Его заботило другое.

— Где же она? А, вон она! — Он указал на угол зала, где стайку девушек атаковала толпа молодых людей. — Герцогиня, видите вон ту девушку в зеленом бархатном платье? Она одна без маски. Вы, случайно, с ней не знакомы? Дон Диего дышать перестал, как ее увидел. Еще умрет от приступа страсти.

Имперский посол отпарировал:

— Вечно ты преувеличиваешь, Пьетро. Конечно, кобылка хороша...

— Но надо же, чтобы тебя кто-нибудь ей представил, и лучше, чтобы женщина. Вы когда-нибудь ее видели, герцогиня?

— Еще бы: это моя дочь.

Ответ Катерины прозвучал холодно, хотя она и улыбалась. Ее уязвило не то, что Джулия стала объектом вожделения, а то, что ее самое предпочли более юной особе. И она спросила себя, не совершила ли она ошибки, предложив Джулии одеться по венецианской моде. В таком наряде девушка излучала необыкновенное обаяние и становилась слишком сильной соперницей.

Реплика Катерины погасила улыбку на губах Бенвенуто Челлини и дона Диего де Мендосы. Аретино это ничуть не беспокоило.

— Ваша дочь? Тем лучше. Она чертовски хороша. Знакомство с таким красивым и знатным кавалером, как имперский посол, сделает ей честь. Почетно будет также разделить с ним одну из спален в доме монсиньора делла Каза, если, конечно, свободная найдется. Еще часок — и надо будет долго искать.

Катерина нахмурилась, но потом ее лицо разгладилось и озарилось искренней улыбкой.

— Вам просто цены нет, мессир Пьетро. Вас вообще не интересуют приличия.

— Если бы я их соблюдал, я бы не смог задрать ни одной женской юбки. Я, может, и стал бы святым, но несчастным. А в Венеции быть несчастным — единственный смертный грех.

Челлини и Мендоса выглядели все более смущенными. Испанец попытался сменить тему разговора.

— Поглядите-ка на цыганку, что беседует с Еленой Чентани. Как по-вашему, это женщина?

Пьетро Аретино распахнул круглые, слегка навывкате, глаза.

— Чентани? Да это самая красивая женщина в городе! Единственная натуральная блондинка!

— Нет, я говорил о цыганке.

Челлини ухмыльнулся.

— Вы хотите сказать, о цыгане. Вы не заметили, что это мужчина? И я, пожалуй, смог назвать его имя.

— Кто же это?

— Сейчас я вас удивлю: это Лоренцино Медичи, убийца великого герцога Александра.

Вместо того чтобы удивиться, дон Диего де Мендоса обменялся коротким взглядом с герцогиней. Мгновение спустя Катерина грациозно поднялась.

— Прошу прощения, синьоры, — сказала она, обращаясь главным образом к Аретино, — Я пойду спрошу дочь, не захочет ли она познакомиться с дворянами из вашего рода. Подождите немного, я ее приведу.

Удаляясь, она уловила обрывки комментария, которым обменялись трое приятелей.

— Вот сводня, — пробормотал Челлини, — даже дочерью торгует.

Аретино фыркнул.

— Да хоть бы и так, мне одно важно: пара грудей, которым нет равных на празднике. Представляю себе, каков зад... — И он вздохнул.

— Гляди, Пьетро, она не так молода, как кажется, — отозвался Мендоса.

— А мне-то что? Конечно, если уж матушка такая, то дочка...

Конец фразы Катерина не услышала, да ее и не интересовала эта болтовня. Между собой мужчины всегда соревнуются в показном цинизме, и это признак слабости. Так или иначе, а ее устраивало то, что она все еще пользуется успехом. Как раз в это утро она обнаружила на груди новые признаки дряблости и чуть не расплакалась.

Герцогиня быстро пересекла зал. В отличие от венецианок она не носила туфель на такой платформе, что ноги двигались как на ходулях. Зная, что за ней наблюдают, она сделала вид, что толпа увлекла ее за собой, и оказалась за плечами Пьетро Джелидо.

— Он переодет цыганкой, — шепнула она, — разговаривает с Еленой Чентани.

Монах не ответил и даже не пошевелился. Зато Пьер Филиппо Пандольфини, человек с грузным лицом и непроницаемым взглядом, тихо сказал:

— Надо выманить его наружу. Там у подъезда Чеккино да Биббона и еще наши.

— Об этом позабочусь я.

Катерина отошла от дипломатов, изобретая предлог, чтобы вывести Лоренцино на улицу, но ее опередил Зуан Чимадор. Закончив представление и отстегнув картонный фаллос, мим подошел к краю сцены, освещенному рядом факелов. Он жестом попросил тишины и сказал с поклоном:

— Синьоры, ночь прекрасна и полна звезд. Вся Венеция празднует карнавал. Призываю всех выйти на улицу и присоединиться к хороводу. Посмотрим, у кого из нас в эту ночь самая красивая маска и самое волнующее тело!

Приглашенные с энтузиазмом откликнулись на предложение и, образовав «змею» во главе с беспечным монсиньором делла Каза, начали двигаться к выходу. Катерину это обстоятельство разозлило. Она почувствовала, что кто-то тронул ее за руку, и резко обернулась: это был дон Диего де Мендоса.

— Лучше всего напасть сегодня, — шепнул ей посол, — Воспользуйтесь толпой.

— Я сделаю все, что от меня зависит, но гарантий дать не могу.

— Ну хотя бы попытайтесь. Вряд ли еще представится такая возможность.

Вельможа быстро отошел. Катерина надела черную полумаску с вуалью и стала проталкиваться сквозь толпу. Ей обязательно надо было оказаться у выхода раньше Лоренцино. Стараясь не попасть на глаза Пьетро Аретино, который пытался ее догнать, она пристроилась за монсиньором делла Каза. Возбужденно жестикулируя, прелат возглавлял вереницу придворных дам, и Катерина затерялась в облаке легких, прозрачных одежд. Несмотря на нервность ситуации, она с сарказмом подумала, что ее дед стал когда-то Папой под именем Иннокентия Восьмого. Нескрываемая связь между дамами во фривольных нарядах и церковными сановниками, которая существовала всегда, заставляла ее почувствовать себя в семейном кругу.

Но долго рассуждать было некогда. Она проследовала за нунцием вниз по лестнице к портику, освещенному луной. Канал возле дворца запрудили гондолы, полные развеселых масок, а на противоположном берегу переливалась светом факелов людская река. Над головами плыли мужские и женские фигуры огромных кукол с непомерными, гротескно выполненными признаками пола. Может, это были карикатуры на горожан.

Катерина уверенно направилась к двум субъектам, прятавшимся в тени колонны. Чтобы те могли узнать ее, она опустила маску.

— Момент настал, — шепнула она, — Он переодет цыганкой, вы узнаете его по красной юбке.

Тот из двоих, что был повыше ростом, выглянул из тени, и стало видно его грубое широкое лицо, обрамленное жидкой бородкой.

— Синьора, но здесь такая толпа... Убивать сейчас равно самоубийству. Бебо, ведь так?

— Да, настоящее безумие, — отозвался второй, приземистая фигура которого только угадывалась за колонной.

— Сейчас или никогда! — выкрикнула вне себя Катерина. — Или вы забыли об обещанном вознаграждении?

Бородач помотал головой.

— Я-то не забыл, но хочу получить его живым. Если нас схватят, даже сам Козимо Медичи не сможет нас выволить, как бы он того ни хотел.

— Ох уж эти мужчины! Ленивы, как всегда! — Голос Катерины наполнился презрением, — Какое при вас оружие, капитан Чеккино?

— Обоюдоострые пистойские кинжалы с отравленными лезвиями.

— Дайте один.

— Но вы же не хотите...

— Я знаю, чего хочу. Дайте сюда!

Катерина схватила длинный кинжал за рукоятку и спрятала его в складках манжеты. Прежде чем отойти, она прошипела:

— А другим кинжалом отрежьте себе яйца. Может, женское обличье придаст вам смелости.

Теперь все маски шумно и весело высыпали на улицу, ожидая прислугу, которая двигалась позади с факелами. Катерина увидела цыганку в красной юбке. Та направлялась к каналу, обнимая за талию ослепительно красивую блондинку — Елену Чентани.

Катерина поискала глазами дона Диего, который притворялся, что слушает болтовню монсиньора делла Каза, обменялась с ним понимающим взглядом и двинулась к парочке, застывшей у парапета.

Приблизившись к ним, она выпростала кинжал из манжеты и придержала левой рукой. Цыганка и Чентани целовались. Момент был подходящий, и Катерина подняла кинжал.

В руку больно впились чьи-то пальцы. Герцогиня выронила оружие, и кто-то сразу подхватил его, раньше чем клинок звякнул по камням. Она в ярости обернулась, и тут же полновесная пощечина обрушилась на нее. От второй оплеухи вспыхнула щека и потемнело в глазах. Катерина почувствовала, что ее куда-то тащат, и сквозь звон в ушах различила вежливый голос:

— Простите ее, синьоры. Мы не хотели нарушить ваше веселье. Это просто потаскушка, с которой мне надо свести кое-какие счета.

Она узнала голос, а несколько мгновений спустя, когда вернулось зрение, узнала и физиономию Пьетро Джелидо. Монах толкнул ее в самый темный угол галереи и злобно на нее уставился.

— Вы что, хотите все испортить? Или вы сошли с ума, или решили предать нас!

Катерина тоже взвилась от злости и с усилием проговорила:

— Да кто ты такой, прощелыга, чтобы поднимать на меня руку? Да ты хоть знаешь, что я могу...

Фразу оборвала очередная оплеуха, настолько увесистая, что голова Катерины мотнулась в сторону. Она ощутила вкус крови, побежавшей из разбитой губы, и безудержно разрыдалась.

Голос Пьетро Джелидо не выражал никаких эмоций:

— Успокойтесь, герцогиня. Я помог вам избежать глупости, которая повлекла бы за собой ваш арест и крах всего нашего дела.

Катерина попыталась ответить, но у нее вырвалось только какое-то бессвязное бормотание. Ей никак не удавалось сдержать слезы. В этом последнем унижении соединились тысячи предыдущих, и теперь они все всплыли в памяти. Прошло несколько минут, прежде чем ей удалось взять себя в руки. Она судорожно вздохнула.

В этот момент Пьетро Джелидо, холодно примерившись, ударил ее еще раз, с жестокой расчетливостью стараясь бить по губам: Кровавый ручеек потек гуще. Тогда он отчеканил:

— Хотите нам служить — научитесь подчиняться. Лорензаччо должен умереть в тот момент, который выгоден нам, и не раньше. Император и герцог Козимо желают, чтобы казнь прошла без свидетелей. Если отнесетесь к приказу с почтением, можете считать себя реабилитированной. В противном случае вся Венеция узнает, что вас раздели донага и высекли в Эксе за то, что вы распространяли чуму. И в гондоле городского палача появится еще одна жертва на растерзание.

Катерина была раздавлена. Слезы у нее постепенно высохли. Она вгляделась в лицо Пьетро Джелидо: правильное, отстраненное, красивое жесткой красотой отчаянной решимости. Ладно, при первом же случае она заставит его истекать кровью и страдать от боли. Это лицо она бы растерзала в клочья собственными ногтями. Но потом, а сначала ласкала бы его... Господи, что за мысли! Убраться бы отсюда поскорее!

Она закрыла лицо маской и, чуть прихрамывая, побрела прочь. В таком состоянии мысли не могли сосредоточиться ни на чем, кроме мести. Все гости монсиньора делла Каза, выйдя из дворца нунция, двигались по направлению к площади Санто-Спирито. Впереди шли слуги с факелами, завершали шествие музыканты. Машинально Катерина пошла за ними. Ей сейчас очень не хватало поддержки Джулии, но кто же знает, где теперь ее дочь.

— Синьора, у вас платье в крови, — неожиданно произнес чей-то голос рядом с ней. — Носовое кровотечение, не так ли?

Катерина резко отпрянула, словно кто-то коснулся ран, исполозовавших ей спину. Незнакомец настаивал:

— Не бойтесь, я врач. Дайте-ка взглянуть.

Незнакомец говорил с французским, пожалуй, даже с провансальским акцентом. Катерина впилась в него взглядом, захваченная новым чувством. Это не был незнакомец. Это был Мишель де Нотрдам.

Он порылся в кармане.

— Вам надо хотя бы вытереться. Подождите, я достану платок.

Однако поиски не увенчались успехом. Тогда он бросился к двум женским маскам, неспешно ехавшим вдвоем на белой кобылке.

— Синьоры, не могли бы вы одолжить мне платок? У моей подружки пошла носом кровь.

Увидев их, Катерина отшатнулась. Но маски, мельком взглянув, не обратили на нее внимания. Та, что сидела спереди, в костюме цыганки, рассмеялась явно мужским голосом.

— На самом деле я мужчина, — он приподнял край красной юбки, — и у меня нет платка. Но я могу одолжить кусочек юбки, если, конечно, оторву.

Прижавшаяся к нему женщина вмешалась:

— Что ты делаешь, Франческо? Ведь она новая!

— Да ладно, Елена. Подумаешь, больше не буду ее носить.

Он оторвал край юбки и бросил ее Мишелю.

— Это вам, приятель. Удачи!

И поскакал к площади Санто-Спирито.

Нотрдам застыл на месте, сраженный неожиданной мыслью.

— Красный, — прошептал он, перебирая лоскуток пальцами. — Красный венецианец.

Когда он обернулся, чтобы оказать помощь женщине, было уже поздно: Катерина бежала к мостику через канал. Герцогиня больше не плакала и не страдала. Она хладнокровно прикидывала, как извлечь выгоду из такого переплетения судеб.

КРОВЬ И САХАР

С тех пор как кончился карнавал, Мишель стал свободнее передвигаться по Венеции. Тени, омрачавшие его воспоминания, от встречи с Ульрихом из Майнца и смерти Магдалены и детей до открывшегося предательства Жюмель, только усилили природную мрачность его характера. Оказаться вдруг в гуще карнавала, в атмосфере развязности, царящей в самом беспечном городе Европы, стало для него настоящей пыткой.

— Какое нынче спокойное утро! — вскричал он, с необычной для себя безмятежностью вдыхая прозрачный и колкий февральский воздух. — Вот как раз в такие моменты Венеция более всего хороша.

Хранитель Fondaco de'Tedeschi, маленький старичок, похожий на гнома, его восторгов не разделял.

— Синьор, на улице мало народу, потому что нынче воскресенье и едва рассвело. Вы и сами не заметили, что просидели за работой до утра. И израсходовали много свечей, за которые не знаю, кто мне заплатит.

Мишель улыбнулся.

— Скажите лучше, что вы просто хотите спать.

Старичок в сильно поношенной рясе францисканца энергично помотал головой.

— Спать не хочу, но порядком замерз. Я впустил вас, послушавшись приказа магистрата здравоохранения, но надеюсь, вы не заставите меня провести еще одну ночь без сна.

— Нет-нет, не беспокойтесь, я завтра уезжаю в Феррару. Просто мне необходимо

срочно свериться с некоторыми медицинскими текстами.

— Не смею возражать, но я тоже умею читать, и мне показалось, что это были книги по астрологии.

— Какая разница? — Мишель, раздосадованный наблюдательностью монаха, пожал плечами. — Не знаю, как в Венеции, но во Франции врач, чтобы вылечить больного, обязан знать расположение звезд на небе по отношению к его телу. Это предписание содержится в книге Галена о состоянии здоровья в разное время суток.

— Я уже однажды слышал эту фразу от вашего соотечественника Гийома Постеля. Вероятно, вы с ним знакомы.

— Нет, никогда не слышал, — Но едва Мишель произнес эти слова, как в глубине сознания зашевелилось смутное воспоминание. — Хотя... Что я говорю? Конечно, слышал. Правда, очень давно... Кто-то мне о нем говорил как о мошеннике, но сам я с ним не знаком.

— Да и откуда вам его знать? Он является днем, в компании мегеры, которую неизвестно где подцепил и с которой обращается как с каким-то божеством. Я всегда себя спрашиваю, кто из этой парочки больше не в себе.

Мишель безразлично махнул рукой.

— Не помню, кто такой Постель, да мне это и неинтересно. Скажите-ка лучше, где канал Сан-Поло?

— Недалеко: надо пройти вдоль вот этого канала напротив до площади Сан-Поло, неподалеку от церкви Деи Фрари. Если у вас назначено свидание, то персона, которая будет вас ожидать, — ранняя пташка.

— Вас это не касается.

Мишель заспешил прочь, раздраженный надоедливим монахом, но вскоре замедлил шаг. В последнее время ему так редко удавалось побыть одному, и редко на душе было так хорошо и спокойно. Он уже избавился от кошмара десятидневной давности, когда случайная встреча с человеком в красном вызвала в памяти полузабытые строки, напечатанные Парпалусом: «Под новыми одеждами скрываются коварство, козни и интриги. Кто примерит эти одежды, умрет первым. Цвета Венеции таят в себе западню». О каких бы кознях ни шла речь, к нему это не может иметь отношения.

Он шел довольно долго и в конце концов обнаружил, что площадь Сан-Поло вовсе не так уж близко. Канал привел его к развалинам какого-то здания, перегородившим дорогу, и тогда он понял, что заблудился.

Мишель огляделся в поисках какого-нибудь прохожего и увидел, что прямо к нему из переулка вышли двое. Они были одеты в длинные балахоны из грубой ткани, небрежно выкрашенные в черный цвет. Оба они тоже озирались по сторонам, словно ища и не находя указанный дом. Мишель решил спросить у них дорогу.

— Добрый день, синьоры, — начал он на своем итальянском с провансальским выговором, — Я ищу площадь Сан-Поло, не поможете ли мне?

Фигуры в черном удивленно переглянулись, словно не ожидали, что к ним обратятся. Тот, что был постарше, плотный человек с редкими седыми волосами, нахмурил брови.

— Мессер, а вы знаете, с кем вы заговорили?

Его напарник, парень с худым лицом, пробормотал:

— Откуда ему знать? Ты что, не видишь, что он иностранец?

— В чем дело? Кто вы? — спросил Мишель.

— Мы могильщики, по-тоскански беккини. Обычно с нами никто не заговаривает, а если увидят, шепчут заговор от сглаза.

Мишель улыбнулся.

— Значит, мы занимаемся одинаковым ремеслом. Я врач, служу в магистратуре здравоохранения. Думаю, вы подчиняетесь тому же магистрату.

Лица могильщиков прояснились. Они собирались что-то сказать, но тут раздался грохот ставней. Кто-то с силой растворил окно на втором этаже небольшого двухэтажного дома, и ставни ударились о розовую от потеков соли стену. Из окна высунулась девушка; на

ее осунувшемся лице читалось отчаяние.

— Чего вы ждете, почему не входите? — закричала она на могильщиков, — Я уже больше часа, как за вами послала. Брат из-за вас может умереть!

— Как, он жив? — удивился молодой, — Но мы занимаемся только трупами.

Девушка застыла с разинутым ртом.

— Я вызывала врача с помощником, а не могильщиков! Мой муж дышит, с трудом, но дышит. Уходите, прошу вас. Видно, наш слуга решил, что он все равно умрет. Ну, он получит палок по заслугам.

Старший из могильщиков скорчил гримасу, вздохнул и слегка поклонился.

— Извините за беспокойство, мы сейчас уйдем, — сказал он и указал на Мишеля. — Этот человек — врач, может быть, он вам поможет.

— Тогда пусть он войдет, а вы оба уходите, откуда пришли.

Мишель прикинул, что еще очень рано, и вошел в дом. Ему пришлось подняться по шаткой узкой лестнице между стен, покрытых черной плесенью. Девушка в бесформенном балахоне из грубой льняной ткани ожидала его на площадке лестницы перед освещенной дверью.

— Беккини! Этого только не хватало! — в сердцах проворчала она. — Пойдемте, я провожу вас к отцу.

Мишель ожидал оказаться внутри лачуги, а вошел в удобное, даже элегантное помещение. Бархатные занавеси, фламандские штофные обои, серебряные канделябры, дорогая мебель, повсюду много книг и геометрических рисунков, которыми обычно астрологи изображают дома луны.

Мишель остановился посередине первой комнаты.

— Простите, кто мой пациент?

Девушка нетерпеливо на него взглянула.

— Я же сказала, мой отец. Ему действительно очень плохо. — В ее визгливом голосе прозвучала нотка истинной боли.

— А как его имя?

— Какая вам разница? Он известен под именем Пьеро Валериано, но его настоящее имя Джован Пьетро Больцони.

Мишель вздрогнул. Это имя было ему хорошо известно.

— Где он? — спросил он, стараясь не выдать волнения.

— Сейчас увидите, пойдемте.

Мишель вошел в скромно обставленную комнату. Воздух в комнате был спертый, и аромат свечей не мог пересилить зловония. На большой кровати под балдахином, укрытый множеством одеял, утонув головой в подушке, лежал истощенный старик. Он дышал ровно, но хрипло, и одеяло не шевелилось от дыхания. Желтоватые глаза глядели в пустоту. Осунувшееся лицо было бледнее подушки, и длинная белая борода только подчеркивала его смертельную бледность.

Девушка посторонилась, и Мишель в замешательстве подошел к больному.

— Ваша дочь сказала мне, что вы Пьеро Валериано. Меня зовут Нотрдам, Нотрдам из Сен-Реми, что в Провансе. Я хорошо знаю ваши труды.

Ответа он не получил, но глаза больного повернулись в его сторону.

— Я тоже, как и вы, изучал египетские иероглифы, — продолжал Мишель. — Я много занимался Гореполлоном и его комментаторами, но самые блестящие наблюдения — ваши.

Умирающий молчал, но в его мутных зрачках затеплилось понимание. Немного поколебавшись, Мишель решил затронуть самую щекотливую тему.

— Мне известно также, что это вы изобрели «Око», шифр, которым написан труд «Arbor Mirabilis».

Ни он, ни девушка не ожидали, что эти слова произведут такое впечатление. Старик рывком поднялся и попытался сесть. Он выпростал из-под одеяла высохшие руки и протянул их перед собой, словно царапая что-то крючковатыми пальцами.

— Пентадиус! — просипел он слабым, но полным ненависти голосом. — Пентадиус! Это он... Он... убил меня!

При звуке этого имени у Мишеля вырвался крик ужаса. Он обернулся к девушке.

— Человек, который называет себя Пентадиусом, был недавно здесь?

Девушка была потрясена, и, когда ей удалось ответить, голос с трудом прошел сквозь сдавленное горло.

— Да, несколько дней назад он приходил к отцу. Очень странный человек. Он... Я бы сказала, страшный...

Мишель обнял старика за костлявые плечи и силой заставил снова лечь. Потом натянул ему одеяло до самого горла.

— Послушайте, мессер Пьеро. Пентадиус — врач и специалист по травам. Он вам не прописывал какого-нибудь средства собственного изготовления?

— Да, да! — Умиравший раскрывал беззубый рот, но слова выходили с усилием, словно все мышцы лица отказали. Язык ворочался с трудом, — Пилозеллу... и белену. Но это лекарство не лечит, оно убивает!

— Господи боже! — воскликнул Мишель и быстро спросил у девушки: — Осталось у вас еще хоть немного этого отвара?

Она кивнула и взяла с конторки маленький пузырек, обернутый в пергамент. Мишелю было достаточно повертеть его в пальцах.

— Содержание белены сильно завышено. Это чистый яд, — передернувшись, прошептал он, — Пентадиус стремится избавиться от создателя «Ока». Но почему он не использовал что-нибудь попроще?

Он вернул флакон девушке и наклонился над стариком.

— Мессер Пьеро, вам, случайно, не снились странные сны, не было ли кошмаров или видений?

Рот старика наполнился слюной, которая рекой сбегала на подушку. Он закрыл глаза.

— Он вернулся, — пробормотал старик, и внутри у него что-то заклокотало.

— Кто вернулся?

— Ульрих... Ульрих из Майнца.

У Мишеля перехватило дыхание. Волна ужаса захлестнула его, по телу пошли мурашки.

— Откуда вы знаете? — спросил он, стараясь унять дрожь в прыгающих губах.

Старик, казалось, его не слышал и ответил невпопад:

— Берегитесь... котов, ходящих на задних лапах. Они предвещают... последнюю встречу... с Ульрихом.

— Но это не голос моего отца! — с тревогой вскричала девушка.

— И берегитесь, — продолжал Валериано, — лавки сапожника. Коварство, козни и интриги. Вам хотят причинить зло, чтобы добраться до Ульриха.

С Мишеля катился пот. К беспокойству примешался нарастающий страх.

— Лавка сапожника? Не понимаю вас!

— Спросите сахара, венецианского сахара. Дробленного в масляном прессе.

Бессвязные слова старика были прерваны таким приступом кашля, что по бороде у него побежала струйка крови. Девушка вскочила, чтобы поддержать ему голову, и враждебно взглянула на Мишеля.

— Вы сказали, что вы врач? Так сделайте что-нибудь или убирайтесь отсюда!

Мишель был в таком состоянии, что не сразу смог выдавить из себя хоть слово. Наконец сипло пробормотал:

— Не знаю, существует ли противоядие. Попробую белладонну. Есть поблизости аптекарь?

Девушка его не слышала. Она прижимала к груди голову отца, который продолжал харкать кровью. Мишель немного помедлил, потом, овладев собой, быстро выбежал из комнаты. Он бегом скатился по лестнице, рискуя споткнуться, и выскочил на улицу.

Улицы были еще пусты, хотя солнце уже поднялось высоко. Он побежал наугад в поисках аптеки, совсем забыв, что нынче воскресенье и многие лавки закрыты. Наконец он оказался на довольно просторной площади, с изящным фонтаном посередине. Навстречу ему стали попадаться прохожие, спешащие к мессе, и магазины начали открывать ставни. Он увидел вывеску с бронзовой змеей, обвинившейся вокруг креста, и устремился туда.

Душевная дрожь унялась, но он по-прежнему был сильно взволнован. Ульрих вернулся! Наверное, он привиделся Пьеро Валериано в бреду, который вызвали пилотелла и белена, смешанные в смертельной пропорции. Похоже, методы Пентадиуса и его наставника мало изменились за годы, прошедшие с проклятой ночи в Бордо. Рано или поздно, а эти двое начнут его искать.

Аптека и смежная с ней лавка сапожника были открыты. Мишель в нерешительности остановился возле подъезда какого-то богатого дома. Валериано говорил о сапожнике: не на эту ли лавочку он намекал?

У входа в лавку топтались двое. По манерам, нестриженным бородам и лихой военной одежде можно было догадаться, что это наемники. Они разговаривали на чистейшем тосканском диалекте, видимо, полагая, что венецианцы их не поймут. Порыв ветра донес до Мишеля обрывки диалога:

— Капитан, вон там Алессандро Содерини, и с ним наш клиент. А третий кто?

— Некто Мартелли, еще один из покровителей Лоренцино. По счастью, они уже с ним прощаются: троих было бы слишком много.

— Только бы не вышел Спаньолетто, а то он сразу нас узнает.

— Нет, Бебо. Это Спаньолетто сказал мне, что утром в воскресенье Лоренцино пойдет к мессе без охраны. Хотя я не знаю, где француз.

— Какая разница, капитан? Мы не можем упустить эту возможность. Платит нам герцог Козимо, а интриги герцогини нас не интересуют.

У Мишеля снова закружилась голова. Он почему-то был абсолютно уверен, что француз, о котором шла речь, это он сам. У него в кармане действительно лежал документ, который приводил именно сюда: вызов для медицинской консультации, подписанный Алессандро Содерини. Это всеми уважаемое имя и заставило его прийти, хотя письмо было написано явно женским почерком.

Венеция вдруг показалась ему городом кошмаров, где козни и интриги таились в каждом подъезде. По счастью, два подозрительных типа отвернулись, явно не заметив его. Он потихоньку отступил ко входу в аптеку. В висках бешено стучало.

— Что-нибудь желаете, синьор?

С ним заговорил аптекарь, молодой парень, который расставлял по полкам какие-то склянки. Растерявшись, Мишель выпалил первое, что пришло в голову:

— У вас есть венецианский сахар?

Губы парня сложились в улыбку.

— Что вы имеете в виду под венецианским сахаром?

— Сахар, размельченный в дробилке.

Губы аптекаря расплылись еще шире.

— А! Догадался, что вам нужно! Я так понимаю, что мы коллеги и вы, видимо, врач. Конечно, есть, сейчас приготовлю.

Мишель рассеянно следил, как аптекарь полез за стойку, и в это время с площади донеслись крики. Одним прыжком он оказался у порога. Возле мостика через канал тот, кого называли Бебо, обхватил сзади левой рукой шею какого-то аристократа, а длинным кинжалом, зажатым в правой, старался раскроить ему череп и вонзить клинок в мозг. Бедняга нечеловечески кричал.

В это время капитан Чеккино отбивался от старика, который безуспешно пытался вытащить шпагу из складок голубого плаща. Эта пантомима длилась недолго, потому что капитан вонзил стилет старику прямо в сердце, и тот бесшумно осел на мостовую.

Жертва Бебо изо всех сил пыталась сопротивляться. Громкие крики о помощи, однако,

все слабели. Лицо аристократа было все в крови, она стекала по бороде и капала на землю яркими каплями. С последним жестоким ударом на его воротник, и так уже весь красный, хлынуло мозговое вещество.

— Готово! — торжествующе крикнул Бебо.

Жертва, как кукла, рухнула на брусчатку, а убийца бегом бросился к мостику. Второй убийца ринулся в противоположном направлении. На пороге аптеки он увидел оторопевшего Мишеля и, похоже, узнал его.

— Возьми, куманек!

Он с ухмылкой швырнул стилет, которым только что заколол старика, к ногам Нотрдама и, подобрав полы плаща, исчез в ближайшем переулке.

Крики, должно быть, услышали в домах, потому что на площадь стали выбегать горожане, некоторые выскакивали в одних рубашках. Из углового палаццо выбежали трое вооруженных шпагами людей: мавр и двое белых. Они были очень возбуждены. Мавр и один из белых бросились к трупам и подняли их на руки. Третий быстро оглядел площадь и, увидев Мишеля, вне себя подлетел к нему и приставил к горлу обнаженную шпагу.

— Ты был в банде, которая убила моего хозяина! — побагровев от ярости, заорал он и указал на лежащий на земле стилет. — Отрицать бесполезно, вот доказательство. Я убью тебя своими руками, слово Спаньолетто Николини, но сначала хочу знать имена твоих сообщников. Дождемся стражи.

Мишель настолько оторопел, что не смог ничего ответить. Рядом с ним на пороге появился аптекарь и предостерегающе ткнул в беснующегося парня пальцем.

— Этот синьор не имеет к преступлению никакого отношения. Когда произошло убийство, он находился в аптеке. Я готовил для него порцию венецианского сахара.

Спаньолетто не опустил шпаги, но было видно, что он растерялся.

— А этот стилет? — спросил он, указывая на страшное оружие, валяющееся на мостовой.

— Стиллет бросил к его ногам один из тех, кто удирал. Наверное, хотел его скомпрометировать. Однако убийца не пойдет в аптеку и не спросит редкое и ценное вещество. И уж тем более не останется там дожидаться, пока его схватят. Ну подумайте сами, синьор.

Чуть поколебавшись, Спаньолетто опустил шпагу.

— Что мне, в сущности, за разница? — пробормотал он. — Лоренцино Медичи мертв, и убийцу зовут Козимо. Все остальные — просто орудия в его руках.

Он нахлобучил на голову шляпу с пером и пошел к товарищам. Площадь наполнилась возбужденной толпой.

Мишель стоял, не двигаясь, не зная, что сказать и как выразить свои мысли. К зрелищу, которое только что развернулось перед его глазами, примешивались образы чужого мира с чудовищными растениями.

Аптекарь тронул его за руку.

— Пойдемте, синьор, я приготовил сахар.

СТРАННЫЕ РАСТЕНИЯ

Панорама, расстилавшаяся за окном кареты, была однообразна и, несмотря на солнце, подернута туманом. Катерине она быстро наскучила. Еще больше ей надоела болтовня дона Диего де Мендосы, но отвлечься было невозможно. Пьетро Джелидо молчал, Джулия, как всегда, дремала.

Посол только и делал, что улыбался.

— Мне бы хотелось вас развеселить, герцогиня. Долги вот-вот будут оплачены, и ваши злключения кончатся.

Катерина пожала плечами.

— Мне уже столько раз это повторяли, — холодно заметила она, — что я перестала

верить.

— Препятствие к вашей реабилитации зовут Павел Третий, и могу заверить вас, что его смерть — вопрос недолгого времени. Как раз вчера я получил самые точные сведения о состоянии его здоровья.

— Это мне тоже повторяют уже в течение месяцев, если не лет. Несмотря на возраст, этот гнусный Папа пустил корни в свой престол, как сорная трава.

— Успокойтесь. Сейчас лето, и бесполезно требовать, чтобы наступила зима.

Дон Диего Мендоса чуть распустил широкий воротник черного шелкового костюма, словно только что заметил, как жарко на улице.

— И потом, ваше имя на устах всех сколько-нибудь значимых людей. Мой почти однофамилец Диего Уртадо де Мендоса, представитель императора в Риме, только о вас и говорит...

Катерина усмехнулась.

— Говорит, поневоле. При малейшей возможности он ныряет в альков к моей свояченице Риччарде. Он заменил моего брата, кардинала Иннокентия. Таким образом, как церковь, так и империя должны быть признательны семейству Чибо, и Риччарде персонально.

При этих явно далеких от морали словах, да еще сказанных самым что ни на есть циничным тоном, густые брови Пьетро Джелидо поползли вверх. Дон Диего де Мендоса, наоборот, звонко расхохотался.

— Вполне вероятно. Во всех случаях признательность императора адресуется вам, герцогиня. Его величеству Карлу Пятому известно ваше имя, и, едва прибыв в Милан, вы сможете оценить блага, которые сулит его симпатия.

Катерина кивнула, но без особой убежденности. Энтузиазм дона Диего имел позорную подоплеку. После убийства Лоренцино Медичи она больше года пряталась в испанском посольстве в Венеции. Ее не только подозревали в прямом участии в этом преступлении. Многие, от монсиньора делла Каза до шпионов великого герцога Козимо и наемных убийц Чеккино да Биббона и Бебо да Вольтерра, знали, что это она выдала новое обиталище Лоренцино неподалеку от дома его возлюбленной Елены Чентани. И знали также, что развалившийся от крошечной неточности план обвинить в убийстве неизвестного французского врача принадлежал ей. Известие это с минуты на минуту могло дойти до Совета десяти с его жестким правосудием.

В посольстве она находилась в безопасности, особенно после того, как Бебо и Чеккино, тоже обретавшиеся там какое-то время, уехали в Местре, а потом во Флоренцию. Но стены посольства не могли защитить ее от домогательств дона Диего. Посылать вперед Джулию было бесполезно. В первую же ночь нагое тело посла навалилось на нее, тиская живот и хватая за груди так, словно он хотел раздавить их, как дыни. Ей удалось его стряхнуть и вытолкать из комнаты, но атаки, хотя и не такие грубые, продолжались. Со временем аристократа утомили ее отказы, и он переключился на Джулию. Однако стойкое отвращение к нему осталось. Из соображений приличия и Катерина, и дипломат делали вид, что оба забыли эти ночи односторонней страсти.

Карета вдруг подпрыгнула и остановилась. Дон Диего крикнул кучеру:

— В чем дело? Мы уже в Милане?

— Нет, мы к северу от Павии. Посреди дороги стоит человек и машет руками, как сумасшедший.

— Оставайся на облучке, я сам выйду.

Единственное, в чем испанцу нельзя было отказать, так это в мужестве: он не колеблясь выпрыгнул из кареты. Катерина приоткрыла дверцу и увидела, что дон Диего, держа руку на эфесе шпаги, беседует с незнакомцем.

Несколько минут спустя он вернулся и просунул голову в карету.

— Он говорит, что его зовут Джироламо Кардано, и утверждает, что очень знаменит. К груди он прижимает пучок какой-то травы. По-моему, он сумасшедший. Кто-нибудь из вас о

нем слышал?

Катерина кивнула.

— Да, мне о нем говорил Гийом Постель... Кардано — врач и математик. И он, по моему, хорошо разбирается...

— В оккультных науках, — прервал ее Пьетро Джелидо, наконец нарушив молчание. — Кардано действительно очень знаменит как ученый, но еще более — как колдун. Чего он хочет? Чтобы его подвезли?

— Нет, — ответил дон Диего, — Он не в себе. Может, ему нужна помощь.

— Тогда с ним поговорю я.

Джелидо тоже вылез из кареты. Катерине стало интересно, и она отправилась вслед за мужчинами, пока Джулия продолжала дремать.

Вокруг простиралась выпцветшая равнина, и единственной растительностью были тополя, пробившиеся по берегам тонких ручейков. Ручейки эти питали обширные болотистые участки, поблескивавшие в тростниках. Оттуда и поднимался легкий туман, придававший местности призрачный вид. Живя в Северной Италии, Катерина привыкла к таким пейзажам, но в глубине души тосковала по ярким краскам Прованса, незамутненным испарениями и туманом. Хотя, если вдуматься, все это мало ее интересовало.

Кардано замахал пучком растений, зажатым в руках, и некоторые из них упали на землю.

— Смотрите, смотрите! — закричал он, адресуясь к новым слушателям, вылезшим из карсты. — Здесь вокруг скачет дьявол, и никому нет дела!

Дон Диего де Мендоса строго на него поглядел.

— Доктор Кардано, надеюсь, у вас была веская причина остановить нашу карету.

— Да смотрите же, вам говорят!

Катерина, вместо того чтобы осмотреть растения, внимательно разглядывала ученого. Ему было около пятидесяти, широкое лицо обрамляла прекрасно ухоженная, совершенно седая борода. Глубоко посаженные живые глаза, щеки, покрытые сетью морщин. Видимо, в жизни ему пришлось немало страдать. На нем была изорванная одежда и широкий берет с козырьком и назатыльником, который подобал скорее какому-нибудь маклеру, чем знаменитому на всю Европу математику.

Ее отвлек голос Пьетро Джелидо:

— О господи, где вы нашли эти растения? Я никогда не видел ничего подобного. Они выглядят еще непристойнее, чем корень мандрагоры!¹⁷

Кардано широким жестом обвел равнину.

— Они тут растут повсюду. Не знаю, что это за растения, но уверен, что они не из этого мира. Здесь готовится либо великое злодеяние, либо ужасная катастрофа! Когда в природе множатся монстры, зло готовит удар!

Катерина скептически оглядела растения, которые Кардано сжимал в руках, и у нее вырвался возглас удивления. Их мясистые, фантастических очертаний корни очень напоминали разросшиеся органы человеческого тела. И листья тоже были необычных, невиданных очертаний: то конические, то сердцевидные. О цветах и говорить нечего: огромные, они походили на едва намеченные, эскизные рисунки солнца, а количество пестиков в них просто ошеломяло.

— Но ведь эти растения были нарисованы в книге! — воскликнула она.

— В какой книге? — подозрительно спросил Пьетро Джелидо.

— Она называлась... кажется, «Arbor Mirabilis».

Кардано так отчаянно вздрогнул, что сразу все растения выпали у него из рук.

— Вы... вы знаете эту книгу? — прошептал он, — Да кто же вы?

¹⁷ Корень мандрагоры, как и женьшень, часто имеет вид человечка со всеми «неприличными» подробностями человеческого тела. Мандрагора считается растением колдовским, в частности приворотным. Существует предание, что, когда мандрагору вырывают из земли, она кричит. (*Прим. перев.*)

Катерина не нашлась что ответить. Дон Диего и Пьетро Джелидо тоже были в замешательстве.

— Ну да, я вас узнал, — продолжал Кардано, пристально глядя на герцогиню, — Я видел вас во сне. Вы присутствовали в мире архетипов при поисках этого демона...

Катерина обернулась к спутникам.

— Этот человек совсем сумасшедший, — презрительно бросила она.

Пьетро Джелидо не обратил внимания на ее реплику.

— О каком демоне вы говорите? — спросил он математика.

— Об Ульрихе! Ульрихе из Майнца! — прокричал Кардано, — Вот почему флора меняется: он прошел рядом! И потом, я точно знаю, что Пентадиус в Милане. Наверное, прокладывает хозяину дорогу.

Дон Диего нетерпеливо фыркнул.

— Друг мой, мы не знакомы ни с одним из этих персонажей. Вы уверены, что находитесь в добром здравии? Почему вы оказались один в чистом поле?

При упоминании об Ульрихе Катерина вздрогнула. Заметив, что это не укрылось от глаз Пьетро Джелидо, она быстро взяла себя в руки. Монах продолжал следить за ней. Она давно это заметила, но отнесла на счет мотивов гораздо более прозаических. Если бы он оказал ей знаки внимания, она бы не возражала: он был хорош собой, и в его чертах присутствовала та мужественность, которой так не хватало нескладному и плюговому дону Диего. Любой женщине польстил бы интерес такого красавца. Она уже начала подозревать, что священник кое-что заподозрил относительно ее симпатий, и надо было держать ухо востро.

Кардано поднял вверх палец с обгрызленным ногтем и ответил дону Диего совсем уж бессмысленной фразой:

— Я часто хожу на это поле, чтобы беседовать с трупами воинов, сражавшихся здесь. Они все еще здесь, вы знаете? Они скачут на конях и бьются, как тогда. Это их духи сказали мне, что трава стала меняться.

Пьетро Джелидо задумчиво объяснил спутникам:

— Думаю, он имеет в виду битву при Павии в тысяча пятьсот двадцать пятом году, когда Франциск Первый потерпел поражение. Кажется, бой шел именно здесь.

— Но это было двадцать четыре года назад! — заметил дон Диего.

Разум, казалось, и вовсе покинул Кардано. Он выкатил остановившиеся глаза. Сейчас никто не отважился бы сказать, что перед ним прославленный ученый, один из самых блестящих умов своего времени.

— Что значат годы? — шептал он в забытьи, — Простая «магия трех сосудов» позволяет даже черни шагать через барьеры времени. Ульрих, Пентадиус и остальные иллюминаты продвинулись далеко вперед. Слишком далеко. Поэтому их надо остановить.

Взгляд его задержался на герцогине.

— Вы попытаетесь это сделать, вы уже пытались. Ваш хозяин ведет вас и полностью вами завладел. Это плохо, но, может быть, так будет лучше для всех.

— Какой хозяин? — машинально спросила Катерина, которая мечтала о магии, способной остановить время.

— Вы сами прекрасно знаете: Диего Доминго Молинас, — Кардано нахмурился и четко акцентировал слова. — Подчас тела горят на костре, а души остаются, особенно если имеют доступ в мир духа.

Имя Молинаса, произнесенное незнакомым человеком, произвело эффект прикосновения раскаленным железом. Она не знала, что отвечать и как справиться с волнением. Пьетро Джелидо крепко взял ее за руку и сказал:

— Мы и так потеряли слишком много времени. Хорошо бы нам добраться до Милана прежде, чем стемнеет. Оставим этого юродивого беседовать с мертвыми воинами.

Дон Диего не заставил повторять просьбу дважды и отправился к карете. Катерина тоже повиновалась, но сначала подняла один из цветков, которые обронил Кардано, и

спрятала его на груди. Пьетро Джелидо, не выпуская ее руки, заметил это движение. Она невольно задержала пальцы на вырезе платья. Монах отвел глаза.

Кардано крикнул им вслед:

— Женщина, помни о Прете и Беллерофонте! Ты еще можешь восстать против своей судьбы!

Катерина в рассеянности выслушала эти слова, не вникнув в них.

Вскоре карета покатила по унылой равнине, где туман смешивался с закатными тенями. Джулия наконец проснулась и рассеянно, тихо кивая головой, слушала разговор, не понимая в нем ни слова.

— Я не знаю, откуда взялась эта книга, — объясняла Катерина. — Она была у меня только несколько дней. Единственное, что я знаю, так это то, что на первых страницах были нарисованы диковинные растения, очень странные на вид. Я вроде бы узнала нераспустившийся мак и один из тех цветков, завезенных из Нового Света, их еще называют подсолнухи.

Пьетро Джелидо согласно кивнул.

— Вы сказали, что теперь книга находится в руках какого-то провансальского врача. Как его имя?

Катерина прикинула, отвечать или нет, и не нашла причин скрывать правду.

— Его имя Мишель де Нотрдам, из Сен-Реми... Что с вами? Уж не знакомы ли вы с ним?

На лице Пьетро Джелидо отразилось невероятное удивление. Понадобилось несколько мгновений, чтобы оно вновь обрело привычное бесстрастное выражение.

— Да, я с ним знаком. Мы вместе занимались делами, в которых я теперь раскаиваюсь. Вам известно, где он теперь?

Катерина поняла, что совершила ошибку, сказав правду, и у нее вдруг возникло странное желание покарать себя за это. Однако это настолько было ей несвойственно, что она быстро отогнала искушение.

— Не знаю, — солгала она.

Джелидо нахмурился.

— И вы не знаете, кто такой Молинас, на которого намекал Кардано?

— Никогда не слышала такого имени.

Ответ Катерины прозвучал слишком поспешно, и за эту оплошность она тоже себя выругала. На этот раз лицо Джелидо сделалось жестким и враждебным, и она, рассудку вопреки, вдруг увидела, что таким лицо его стало еще прекраснее. Она представила себе, как ласкает его впалые щеки, прижимается губами к его тонким губам, раздвигает зубы и ищет языком язык священника...

Катерина вмиг поборолa все свои фантазии. Но что они означали? Наверное, они явились следствием долгого воздержания. Давно уже она не чувствовала этой сладостной влаги между ног...

Звонкий голос Джулии вывел всех из атмосферы двусмысленности.

— Мне показалось, что в окне виднеются очертания освещенных домов. Наверное, мы уже в Милане.

— Милан — город богатый и верный своему императору, — выйдя из сонного оцепенения, отозвался дон Диего, — Но, к сожалению, слишком целомудренный, не то что Флоренция или Венеция. В самый раз для этих мерзавцев реформаторов.

Пьетро Джелидо вскинулся:

— Я бы скорее назвал мерзавцами тех, кто превратил церковь в гнусную лавочку, где все продается, начиная от любовниц для кардиналов и кончая индульгенциями. Пока папство представляет собой такую отвратительную картину, всегда будут появляться лютеране и кальвинисты!

Спокойное, благодатное лицо дона Диего перекошилось.

— Вы меня поражаете, брат Пьетро. Нынче вы разве только не защищаете еретиков, а

четыре года назад вы были среди их палачей.

Катерина заметила, как по лицу брата Джелидо пробежала тень боли. Она знала, на что намекал дон Диего. По всей Европе прокатилось известие о процессе, возбужденном во Франции против убийц вальденсов на горе Люберон. Такова была воля Франциска Первого, который находился на смертном одре. Как говорили, у него обманом вырвали согласие на резню. Пьетро Джелидо не фигурировал среди обвиняемых, но в ходе следствия выяснилось, что при легате Алессандро Фарнезе и вице-легате Тривулько он играл роль подстрекателя. Катерина поняла, что он раскаивается в содеянном, и это отчасти объясняло его постоянную меланхолию. Ей могло оказаться полезным такое состояние души монаха.

— Понять, что лютеранство порождено пороками церкви, еще не означает его защищать, — спокойно парировал Джелидо. — К тому же, дон Диего, император, которому вы служите, ратует за католицизм, основанный на строгих правилах.

— Даже на слишком строгих, — вздохнул дипломат, — Но отложим эту тему до беседы с правителем Милана. Несмотря на мое ремесло, политика нагоняет на меня скуку. Надеюсь, меня скоро отпустят в Венецию, к тамошним очаровательным женщинам.

В этот момент кучер объявил:

— Синьоры, мы въезжаем в город!

Катерина отодвинула занавеску. Взошла луна, но звезд еще не было видно на светлом небе. У ворот Милана расположились лагеря имперских войск. Солдат в полном обмундировании окружала толпа жен, детей и любовниц. Голосов не было слышно, но, наверное, они говорили на всех диалектах Европы, кроме французских. Одни чистили оружие, другие готовили ужин на бивачном костре или возле своей палатки.

Солдаты, охранявшие ворота, говорили по-итальянски. Никаких формальностей не требовалось. Дону Диего достаточно было почтительно поклониться офицеру стражи, и карета въехала в узкие улочки, по краям которых высились двухэтажные дома.

Кучер замедлил движение.

— Куда вас везти, дон Диего? — громко спросил он, свесившись с облучка.

— В палаццо правителя Гонзаги. Знаешь, где это?

— Конечно.

Карета быстро покатила по темнеющим улицам, чтобы добраться засветло. Навстречу попался всего один экипаж, перед которым, задыхаясь от усталости, бежал слуга с факелом в руке. Этот варварский и жестокий обычай еще сохранился в семьях местной аристократии, причем зачастую слуга был уже стар и сед.

Внутри кареты наступила полная темнота. Неожиданно Катерина почувствовала, что чья-то рука пытается найти ее руку. Она решила, что это Джулия, и собралась уже раздраженно отпихнуться, но на ощупь кожа ладони оказалась слишком грубой, а запястье — волосатым, и она поняла, что рука мужская. Катерина вздрогнула, подумав, что это дон Диего. Но тот сидел напротив, а рука протянулась совсем с другой стороны. И тогда она догадалась, что это была рука Пьетро Джелидо.

Сердце ее замерло, и она погрузилась в непередаваемое ощущение, которого не испытывала уже многие годы. Ей вдруг стало ясно, что это венец давно вызревавшего в ней желания, в котором она и себе самой не осмеливалась сознаться. Она еле удержалась от искушения поднести эту руку к груди, открыть ей грудь для ласк. Но, сдержавшись, она только лишь нежно погладила ее и, ощутив исходящий от нее жар, крепко сжала.

Когда они подъехали к дворцу, величественный фасад которого тонул во тьме, рука быстро убралась. Слуги с факелами вышли им навстречу, и они сошли со ступенек кареты. Пьетро Джелидо снова обрел всю свою сдержанность. Катерина тоже попыталась хранить спокойствие, но у нее не очень получалось. Часть ее души захлестнула несвойственная ей нежность, а другая часть упрекала ее за слабость и требовала немедленного и жестокого покаяния.

Герцогиня машинально проследовала за остальными в освещенный канделябрами вестибюль. Молчаливая и слегка растерянная Джулия шла за ней. Дон Диего

отрекомендовался мажордому, тот поднялся наверх и спустился через несколько минут.

— Синьор правитель Ферранте Гонзага примет вас тотчас же. В настоящий момент с ним беседует знаменитый врач.

Пьетро Джелидо нахмурился.

— Можно узнать имя этого врача?

Мажордом наклонил голову.

— Не думаю, что это тайна, синьор. Он немец, и его называют доктор Пентадиус.

У всех троих путешественников вырвался крик удивления. Громче всех вскрикнула Катерина. Цветок, который она спрятала за корсаж, начал жечь ей грудь, как раскаленное железо. Она схватила его за стебель и отбросила далеко от себя. Мажордом, возмущенный тем, что в вестибюле насорили, нагнулся, чтобы его поднять. К величайшему своему удивлению, он не нашел на полу никакого цветка.

СОЛНЦЕ В ЗНАКЕ СТРЕЛЬЦА

Маркиз де Финат спускался вместе с Мишелем по лестнице своего палаццо у подножия выходившего на море холма.

— Жаль, что вы собираетесь уехать из Савоны, — деликатно сказал он. — Не знаю, бывали ли вы в Милане, но уверяю вас, этот перенаселенный город гораздо менее привлекателен, чем наш.

— Я прекрасно это знаю, синьор маркиз, — ответил Мишель, — Но в Италии я путешественник. В Милан я еду, потому что получил важное приглашение, иначе я бы уже давно вернулся домой.

Де Финат наморщил низкий лоб, хорошо гармонировавший с пухлым лицом, на котором читалась доброта, но никак не острота ума.

— Вы много теряете. Савона — город спокойный. Мы перестали быть яблоком раздора между европейскими королями, и, кажется, дож Генуи собирается предоставить нам независимость. Теперь здесь действительно хорошо живется.

Мишель удержался от искушения рассказать маркизу о видении, посетившем его накануне, когда ему снова «во сне наяву» явился Парпалус. Он, как обычно, повиновался импульсу записать расплывчатое послание стихами:

Le tyran Siene occupera Savone;
Le fort gaign?, tiendra classe marine;
Les deux armees par la Marque d'Ancone:
Par effraieur le chef s'en examine.

Тиран Сиенский заберет Савону,
Грозит отбить ту крепость флот морской.
Под знаменем Анконы оба войска.

Трусливый вождь все медлит, размышляя¹⁸.

Пророчество достаточно ясное. Сиенский тиран — это, без сомнения, честолюбивый дон Диего Уртадо де Мендоса, наместник Карла Пятого в Италии. Он уже заявлял о своих претензиях на создание государства, которое, базируясь в Центральной Италии, распространит свое влияние на Северную Италию, включая Парму, Пьяченцу, Геную, Сиену и Пьембино. При таком обороте событий Савона разделит участь Генуи, и ближайший укрепленный форт, Специя, примет флот, призванный блюсти прочность новых испанских владений. В это время центр Италии, Марка д'Анкона, поддержит продвижение наземных

¹⁸ Катрен LXXV, центурия I. Перевод Л. Здановича.

войск.

И все же Мишель не был уверен, что все произойдет именно так. В последней строке говорится, что дон Диего Уртадо устрасится размахов собственного замысла и не отважится осуществить его до конца. Катрен ограничивался описанием планов и возможностей.

Если бы Мишель все это поведал маркизу, тот счел бы его сумасшедшим, а потому он предпочел промолчать.

— В Савоне мне было очень хорошо, — нарочито беспечно ответил он. — Я охотно остался бы здесь, но правда не могу.

Они подошли к подножию лестницы. Маркиз вздохнул.

— Что ж, по крайней мере, останется память о тех чудесах, что вы совершили. У жены мессера Бернардо Грассо все лицо было усыпано веснушками, а ваши мази очистили кожу за одну ночь. То же самое — у невесты мессера Джованни Ферлино де Карманьола. Теперь у нее такие белые щечки, просто мраморные, и она снова красавица.

В памяти Мишеля всплыло прекрасное лицо Магдалены. Пока он своими притираниями не сделал ее кожу шершавой и прозрачной, его тоже покрывали веснушки. Острая боль пронзила его. Однако отогнать воспоминание на этот раз удалось довольно быстро.

— Идеей средства от веснушек я обязан вашему соотечественнику, Антонио Виджеркио. Он же изобрел прекрасное слабительное, которое благоухает розой. Только от этого средства ни у одного из моих пациентов, включая беременных женщин, не возникало рвоты.

— Виджеркио? Он ведь больше астролог и колдун, чем аптекарь.

— Да, но он изумительно правильно подбирает пропорции лекарства.

— Можете поприветствовать его лично: вот он идет к нам собственной персоной.

И точно, к калитке сада приближался лысый бородатый человек в элегантно облегающем черном костюме. Он был очень возбужден. Учтиво поклонившись маркизу, он обратился к Мишелю хриплым, астматическим голосом:

— Я слышал, вы собираетесь уезжать, синьор де Нотрдам.

— Да, друг мой. Меня вызывает в Милан его преосвященство кардинал Алессандро Фарнезе, папский легат. Я не знаю, почему он оказался в Милане, но он желает меня видеть.

Маркиз де Финат очень удивился.

— Вы ничего мне не говорили! Кардинал Фарнезе — правнук нашего Папы, могущественнейший человек. Вы с ним знакомы?

— Лично не знаком. Но я встречался с его уполномоченным в Авиньоне кардиналом Тривулько и с их помощником братом Пьетро Джелидо.

Произнося последнее имя, Мишель не смог удержаться от гримасы. Ужасы Люберона еще жили в его памяти.

Антонио Виджеркио тоненько присвистнул.

— Все они — высшие представители власти. Думаю, от приглашения кардинала Фарнезе отказываться нельзя. Я бы хотел переговорить с вами с глазу на глаз. Вы разрешите, синьор маркиз?

Аристократ кивнул:

— Конечно. Уже почти время обеда, и меня ждет блюдо из засахаренных побегов сосны, приготовленное по рецепту синьора де Нотрдама. Моя сестра Бенедетта равнодушна к этому блюду. — Он улыбнулся врачу. — Дорогой Мишель, вас будут помнить не только как выдающегося ученого, но и как прекрасного гастронома. Обещайте еще приехать к нам.

— При первой же возможности, синьор маркиз, — ответил тот, поклонившись.

Откланявшись, Мишель вместе с Виджеркио направился к калитке. Аптекарь какое-то время молчал, потом порывисто сказал:

— Мишель, вам не надо бы ехать в Милан.

— Но почему? Вы же знаете, что я не могу отказаться.

— Вы уже говорили. Но мне известно, что там беспокойно. Я давно имею контакты с вашим коллегой, врачом Джироламо Кардано...

Мишель удивленно вскрикнул.

— Кардано? Да кто же его не знает? Один из лучших математиков! Ведь это он нашел решение кубических уравнений, над которым столько ученых бились десятки лет!

Они вышли на улицу, покрытую колеями от каретных колес. Виджеркио понизил голос:

— Все это так, но Джироламо, кроме всего прочего, еще и занимается естественной магией. Он написал мне, что в долинах Ломбардии стали расти доселе невиданные цветы, а в доме правителя появились подозрительные люди. Кардано их называет иллюминатами, но у них есть еще одно название: «Церковь».

Мишель так вздрогнул, что вынужден был схватиться за ветку бука, чтобы не упасть.

— Как вы сказали? — выдохнул он.

— «Церковь». Во главе стоит некто Пентадиус, сейчас он гостит у кардинала Фарнезе. Кажется, он весьма преуспел в борьбе против Лютера. Однако истинного Мастера никто в лицо не видел. Он недавно вернулся с Востока и теперь скрывается в окрестностях Милана, под крылом у ордена миноритов, который целиком во власти его чар. Говорят, он великий маг.

Лоб Мишеля вдруг вспыхнул в неожиданной лихорадке. Он раскрыл рот, но оттуда вылетели какие-то сильные, неясные звуки. Лишь через несколько секунд он взял себя в руки и смог спросить:

— Кто вам об этом сообщил? Кардано?

— Не только. Меня предупредил еще один друг, доктор Гийом Постель. Он уже два месяца как вернулся из Константинополя и написал мне.

— Вы знаете, как зовут мага, о котором рассказали?

— Знаю, но только имя. Ульрих из... а дальше не помню. Какое-то место в Германии. Адепты «Церкви» узнают друг друга по специфическому знаку.

— Что за знак?

— Маленький крест, вырезанный на плече.

Все, что Мишель гнал из памяти двадцать лет, всплыло в мозгу с прежней яркостью. Он увидел нож, крестом надрезающий плечо, и мышиную кровь, капля за каплей падающую в рану. А потом обожгла страшная боль, а братья по «Церкви» пели за пределами пентакля старинное заклинание:

Азараказа Амафкратитаф

Йо Йо Йо

Амен Амен

Иаоф Иаоф Иаоф

Фаоф Фаоф Фаоф

— Вам плохо? — в тревоге воскликнул Виджеркио.

Мишель сразу вернулся к реальности.

— Нет-нет, ничего, — неумело солгал он и выпрямился, пытаясь справиться с нервным напряжением. — Послушайте, друг мой. Вы говорили о странных растениях, которые заполнили долины Ломбардии. Кардано вам их описал?

— Нет, в своем письме он их только упомянул. Похоже, он этим сильно обеспокоен.

— У него есть на то веские основания.

Мишель вспомнил будоражащие и пугающие, при всей своей примитивности, иллюстрации на первых страницах «Arbor Mirabilis». Появление чудовищных растений служило первым сигналом того, что один мир вторгся в другой и земному времени близится конец. Начал ли Ульрих осуществление апокалиптического проекта иллюминатов? Вряд ли. Скорее всего, хотел испытать свое могущество, которое, судя по всему, действительно

потрясало.

— Послушайте, Антонио, — продолжил он, вглядываясь в лицо друга. — Вы и сами не знаете, что, возможно, спасли мне жизнь. Я не поеду в Милан. Я вернусь в Прованс, потому что не нашел никаких следов того, что искал в Италии.

— Я думал, что вы приехали сюда по научным соображениям.

— Нет. Я шел по следам мертвеца, который продолжает преследовать меня даже из могилы.

Мишель снова перебрал все свои бесплодные шаги в поиске Диего Доминго Молинаса или того, кто встал на его место, и понял, что попал в западню. Этого было более чем достаточно, чтобы держаться от Милана как можно дальше.

— Окажите мне последнюю услугу, Антонио. Добудьте мне карету, двуколку или просто лошадь. Я не рискну просить об этой милости синьора де Фината, он и так много для меня сделал.

Аптекарь развел руками.

— Я ничем таким не располагаю. Если хотите, я могу поговорить с синьором Маганьоли: у него есть конюшни и большой выбор экипажей.

— Конечно, прошу вас.

— Пойдемте со мной в город.

Савона от жилища де Фината располагалась довольно далеко и раскинулась гораздо ниже, в долине, за лесистыми холмами. Погода стояла чудесная, с моря дул прохладный ветерок, и двухэтажные домики, прилепившиеся друг к другу, смотрелись очаровательно. Однако более внимательный взгляд легко заметил бы признаки все той же нищеты, которая отличала окраины всех европейских городков. По счастью, низший клир заботился о том, чтобы накормить голодных.

Поэтому погруженный в свои невеселые мысли Мишель не удивился, заметив, что к ним по тропинке приближается молодой священник, и на руке у него висит корзина с едой. Бедняки смущенно высовывались из домов, протягивали руки к корзинке, которую тот пустил по кругу, и снова ныряли в сырость своих лачуг.

Когда Мишель поравнялся со священником, какая-то таинственная сила заставила его взглянуть ему в лицо, и увидел он совсем не того человека, что шел ему навстречу. Сам не зная почему, Мишель упал на колени и склонил голову.

— Благословите меня, ваше святейшество! — сказал он и сам удивился.

Священник засмеялся.

— Ваше святейшество? Вы что, шутите?

Виджеркио тоже удивился.

— Мишель, что это на вас нашло? Вы спутали его с новым Папой? — Он взял друга за плечо и заставил подняться. — Это Феличе Педретти, анконский священник, известный своим милосердием. Как поживаете, дон Феличе?

— Прекрасно, а вот этот синьор с вами, кажется, нездоров, у него, наверное, лихорадка.

Мишель проклял себя за потерю самоконтроля, а заодно и те сущности, которые шаг за шагом помрачали его разум.

— Простите, падре, — пробормотал он, — я принял вас... за Папу Сикста... короче, совсем за другого!

Священник еще больше удивился.

— За Папу Сикста? Но Сикст Четвертый уже шестьдесят лет как умер! Нашего понтифика зовут Юлий Третий, — Он улыбнулся, — Занятно, что вы спутали меня с Папой. Если бы я был Папой, я бы не носил такой дырявой рясы, как вы думаете?

Мишель совсем смутился, еще и оттого, что его охватывал все больший и больший страх. Он боялся находиться на людях, боялся галлюцинаций, смещения навязчивых видений с реальностью.

— Простите меня, ваше свят... святой отец. Мне действительно нехорошо, и мне надо поскорее уйти отсюда!

Он схватил под руку Виджеркио и потащил его дальше, не обращая внимания на то, что к башмакам липнет грязь. Когда он пришел в себя, то прежде всего оглянулся. Маленького священника не было видно. С облегчением он нащупал руку друга.

— Я повредился в уме, — сказал он со слезами на глазах, — и разучился отличать сон от реальности. Несомненно, это продолжают действовать травяные настои, которые я в изобилии принимал в юности. Право, лучше уж умереть.

Виджеркио, вместо того чтобы его уговаривать и разубеждать, медленно покивал головой.

— Я не только понимаю вас, Мишель, — я знаю. Знаю вещи, вам неизвестные. Скажите мне, когда вы родились?

— Тринадцатого декабря тысяча пятьсот третьего года.

— В какой час?

— В полдень.

— Значит, у вас должно быть Солнце в Стрельце, а Луна, скорее всего, в Близнецах. Поэтому вы все время в движении и в беспокойстве. Не забывайте, что Стрелец тоже все время в движении. Ваш знак указывает также на стремление к более высоким небесным сферам и на дар пророчества. Не отрицайте этого дара: звезды говорят за вас.

— Не знаю, ничего не знаю, — Мишель затряс головой, — Я не знаю, кто я и что делаю. Если бы я не верил в Бога, я подумал бы о самоубийстве.

Виджеркио с досадой махнул рукой.

— Это потому, что вы либо не сознаете своего могущества, либо не научились держать его под контролем. Тут поневоле придешь в замешательство. Вы смолodu изучали язык звезд, ведь так?

— Да, но потом от этого отсекся. Я сжег Птолемея и другие книги.

— Почему?

— Потому что я добрый христианин.

Мишель произнес эти слова с такой решимостью, словно сразу хотел отместить все возражения.

— И нашими судьбами, и звездами управляет Бог. Верить в противоположное означает поддаться дьявольскому искушению.

— Да неужели? — Виджеркио улыбнулся. — Тогда почему Иисус сказал: *«И будут знамения в солнце и луне и звездах»*?¹⁹ Или вы забыли Евангелие от Луки? Это Сын Божий велел нам изучать космос, чтобы узнать свою судьбу. Так вы и должны поступать, Мишель, и вы вернетесь к согласию с самим собой.

Мишель не нашелся что сказать. Он брел к центру городка, и улицы становились все чище, лавок и харчевен все больше, чаще стали попадаться пешеходы: женщины, моряки, торговцы, стража в ярких мундирах. Нищих было тоже много, но меньше, чем в пригородах. Несмотря на то что на каждом углу были свалены мусор и нечистоты, скверного запаха континентальных городов здесь не ощущалось.

Виджеркио немного помолчал, потом продолжал:

— Луна в Близнецах обычно означает два брака. Вы никогда не рассказывали мне о своей жизни.

Мишель вдруг резко остановился, так что встречная карета вильнула в сторону, чтобы на него не наехать.

— Луна в Близнецах действительно означает два брака?

— Да. Разве вы никогда не интересовались своим гороскопом, когда занимались астрологией?

— Нет, я всегда избегал этого.

— Это-то и плохо. Если бы вы его знали, это прибавило бы вам сил.

¹⁹ От Луки, 21,25.

Мишель снова впал в проstration. Он вспомнил горячие объятия Жюмель и влажную расселину внизу ее живота. Два года абсолютного воздержания не тяготили его, но теперь он испытывал острую потребность в нежности и близости. Он впервые отдал себе отчет, что все провинности жены на расстоянии как-то потускнели, померкли. Он ощутил, как внезапная эрекция вздыбила его изящные, облегающие панталоны, и властное желание захлестнуло его. Он желал не просто женщину, он желал темноволосую красавицу Жюмель.

Виджеркио, видимо, почувствовал какой-то сдвиг в душевном настрое друга, и его улыбка стала еще шире.

— Палаццо Маганьоли находится в двух шагах. Пойдемте, через пару дней вы будете дома.

Ближе к вечеру, выйдя за стены города, Мишель поглаживал взятого в кредит пегого коня. Ловким движением он вскочил в седло. Конь затанцевал под ним и поднял голову, словно ожидая команды. Свежий ветерок шевелил ему гриву.

Виджеркио протянул другу сверток со сменой белья и помог прикрепить его к седлу.

— Помните, о чем я вам говорил, Мишель: возобновите занятия астрологией. Знание себя самого и своего положения в космосе придаст вам уверенности и поможет понять ваше истинное призвание. Даже если вам суждено быть врачом, вы не хуже меня знаете, как важно соразмерять положение звезд с ощущениями тела. Но я не уверен, что ваше призвание — в медицине.

— В чем же оно?

— Появление на свет под знаком Стрельца говорит ясно: надо нацелить стрелу к небосклону и достичь восьмого неба, откуда можно обозреть целиком все время. Иными словами, пророчествовать.

В обычных условиях Мишель ничего бы не ответил. Но он был настолько выбит из колеи, что прошептал еле слышно:

— Но ведь именно от этого я столько страдал!

Виджеркио кивнул.

— Только потому, что не достигли полной власти над вашим природным даром. Повторяю, совершенствуйтесь в астрологии: в ней кроется и тайна вашего расцвета, и конец ваших метаний.

Он легонько хлопнул коня по крупу, и тот, сначала медленно, а потом все быстрее поскакал по дороге к морю. Мишель сердечно помахал другу рукой.

ПРОРОЧЕСТВА

Катерина начинала терять терпение. Она большими шагами мерила комнату, ведущую в покои кардинала Алессандро Фарнезе в Авиньоне. Когда-то огромное здание было папской резиденцией, и о былом блеске и величии напоминали настенные фрески XIV века. Комната на третьем этаже, в которой она находилась, в эпоху особой строгости нравов служила авиньонским папам кабинетом. Нынче в замок от случая к случаю навещался легат. Но он так любил путешествовать, что редко оставался надолго. Не было никакой уверенности, что кардинал Фарнезе сохранит свою должность, после того как в феврале 1550 года конклав объявил Папой Юлием Третьим. Профранцузски настроенному высшему духовенству, во главе которого стоял кардинал Фарнезе, такой выбор пришелся не по вкусу.

Катерина уселась на каменную скамью рядом с окном, в котором виднелось ясное и прозрачное ноябрьское небо. Когда наконец на пороге спальни появилась ее дочь, герцогиня встала ей навстречу, критически оглядывая ее наряд, находившийся в некотором беспорядке.

— В следующий раз, раздеваясь, складывай платье поаккуратнее, — проворчала она, помогая Джулии зашнуровать полуоткрытый лиф.

— Алессандро был так нетерпелив, что не дал мне времени опомниться, — ответила Джулия, на губах которой еще играла улыбка.

— Он хороший любовник?

— О, великолепный! Сразу чувствуется, что ему всего тридцать: он в самой силе и такой нежный... Он, должно быть, хорошо знает женщин: не помню, чтобы он ошибся взглядом или жестом.

Катерина почувствовала легкий укол зависти и резко рванула шнурок.

— Девочка моя, мужчины по-настоящему постигают искусство любить, только достигнув приблизительно сорокалетнего возраста. Кардинал делла Ровере был слишком стар и язвителен, потому у него как следует и не получалось. Но вообще мужская зрелость приходит позже и длится короче нашей.

Джулия скорчила недоверчивую гримаску.

— Бертран де Нотрдам был ровесник кардинала и прекрасно справлялся. И вообще, старикашки мне не нравятся.

— Ты просто дурочка, вот что. Те, кому между сорока и пятьюдесятью, вовсе не старики.

Не эта тема волновала ее больше всего, но она все равно раздраженно потянула последнюю петлю шнуровки, так что Джулия застонала. Сама того не замечая, Катерина перевела разговор с мужской зрелости на женскую.

— Диана де Пуатье гораздо старше короля Франции Генриха Второго, однако он и не смотрит в сторону молодой и недалекой Екатерины Медичи и почти каждую ночь проводит в постели у любовницы. Это должно бы тебя кое-чему научить.

— Может быть, он ищет в женщине мать, — заметила Джулия, не сознавая всей чудовищности своих слов.

Катерина побледнела. Она с трудом удержалась, чтобы не дать дочери пощечину, но сдержалась и только прошипела:

— Я уже сказала, что ты дура, но ошиблась в определении: ты полная кретинка.

Джулия наконец была одета. Расправив складки на юбке дочери, Катерина взяла ее за руку и повела к лестнице на первый этаж.

— Пойдем, его преосвященство не должен видеть нас здесь, когда выйдет.

Когда они спускались по ступенькам, выбитым ногами поколений французских пап, Джулия спросила:

— А где сейчас Бертран? Все еще в тюрьме?

— Нет, он провел там всего три недели, а потом его выпустил граф де Танде.

— И чем он занимается?

— Думаю, состоит на военной службе у графа. Вот уж кто меня абсолютно не волнует.

Катерина остановилась, опершись о перила, придававшие лестнице благородный вид.

— И тебя он тоже интересоваться не должен. Джулия, забудь об этом юноше. И что только тебя в нем привлекло, кроме того, что мы обе знаем?

— Он был очень страстен.

— Ну, теперь он страстен со своей супругой. Оставь его, он нам был нужен, только чтобы добраться до его брата Мишеля.

— Вы уже несколько месяцев не вспоминали о Мишеле, мама. Вам все еще так хочется его уничтожить?

С ответом Катерина подождала до последней ступеньки.

— С Мишелем де Нотрдамом у меня свои счеты, но я не спешу их свести. Новый Папа может снять с меня отлучение и вернуть мне доброе имя, не требуя сдачи еретика взамен. Юлий Третий держит притворный нейтралитет, а на самом деле поддерживает Карла Пятого и разрушает все интриги его предшественника. Я уже давно выбрала империю. И то, что я продолжаю оставаться вне церкви, — это абсурд.

— И тайны Ульриха из Майнца вас больше не волнуют?

— Напротив, чем больше проходит времени, тем больше они меня волнуют.

Этой фразой Катерина выдала глубоко скрытый мотив своего настойчивого желания познакомиться с автором «Arbor Mirabilis», но она знала, что Джулия не поняла намека.

— Этот тип, с которым мы встречались в Милане, доктор Пентадиус, сказал, что

Ульрих собирается вернуться во Францию, помнишь?

— Но он ни разу не упомянул Ульриха, — поежившись, ответила Джулия.

Было видно, что и на нее произвела впечатление мрачная фигура Пентадиуса.

— Он сказал, что собирается ехать в Прованс, где его будет ожидать учитель. Для посвященных все достаточно ясно.

Они спустились в просторный внутренний двор, который называли Большим двором. Было обеденное время, и по двору туда-сюда пробежали слуги, пританцовывая от холода. Катерина нетерпеливо огляделась:

— Его еще нет.

— Придет. — Похоже, Джулии не терпелось продолжить прерванный разговор, — Вы еще не отказались от мысли отомстить за Молинаса?

— Отказалась? Ты шутишь?

Катерина машинально провела рукой по предплечью, которое она жгла над свечой в прошлом году, в наказание за то, что не смогла впутать Нотрдама в убийство Лоренцино Медичи. Это странное движение она сделала помимо воли и тут же о нем пожалела.

— Вовсе не отказалась. Я знаю, где находится Мишель, и схвачу его при первой же возможности.

— Его жена вам пишет?

— Да, и очень регулярно. Пока он считает ее неграмотной, она может ни о чем не беспокоиться, — Лицо Катерины неожиданно озарилось, — А вот и Пьетро! Пойдем скорее!

Они прошли через двор, направляясь к башне, именуемой Белым Кардиналом. Там появился Пьетро Джелидо в своей аккуратной сутане. Руки сложены, на лице застыло выражение торжественной скорби, которое делало его просто неотразимым.

Приблизившись, Катерина в который уже раз поборолась в себе желание поцеловать тонкие, бескровные губы. После беглого рукопожатия в карете она безрезультатно ждала от священника хоть какого-то стремления к близости. Но тот держался особняком и ни разу не намекнул на дорожный эпизод. Казалось, он ждет, чтобы герцогиня сама сделала первый шаг. Но она не находила в себе сил: ее пугала мысль об очередном унижении.

Брат Джелидо даже не поздоровался с дамами.

— Вы добыли информацию, о которой я просил?

Катерина вопросительно посмотрела на дочь, и та кивнула.

— Хорошо, — сказал монах, — следуйте за мной, здесь мы говорить не можем.

Он вывел дам из палаццо на широкую лестницу, ведущую на улицу. Навстречу им попадались духовные лица всяческого звания, окоченевшие от холода нищие, нотариусы с бумагами в руках. Аристократы сомнительного происхождения толпились на лестнице в надежде перехватить какого-нибудь прелата со звучным именем. Крестьяне в полотняных рубахах сгрудились вокруг такого же оборванного священника. Скорее всего, они дожидались, когда в палаццо закончится обед, чтобы вручить старательно составленное письмо с жалобой на налеты дорожных разбойников.

В этот час тепло горящих очагов и запах жареного мяса, доносившийся из дверей, привлекал множество народа к многочисленным тавернам. К одной из таких харчевен Пьетро Джелидо и повел своих спутниц. Поняв, куда они направляются, Катерина отшатнулась:

— Я надеюсь, вы не в остерию нас ведете? Дамам не пристало посещать такие заведения.

Джелидо пожал плечами.

— Какая разница? В остерии вы встретите тех же людей, что и в палаццо. Никто не обратит на нас внимания.

И в самом деле, там, куда они вошли, сутаны явно преобладали над военной формой солдат и нарядными платьями проституток. В общей сутолоке им не сразу удалось найти место. По счастью, в этот момент из-за стола поднялись двое священников и какая-то бледная и худая девица. Джелидо бросил на них недобрый взгляд и поспешил занять

освободившееся место у торца огромного стола. Дамы уселись напротив.

Катерина чувствовала себя здесь довольно скверно, у нее слезились глаза от дыма. Подавив кашель, она пробормотала:

— Вот уж никогда не думала, что мне придется сидеть в таверне среди пьянчужек и проституток.

Во всеобщем гаме Джелидо услышал ее слова и нахмурился.

— Зато вы поняли, в каких условиях оказалась Римская церковь. Папство — как эта таверна: везде торгуют телами и душами.

Он обернулся направо, поглядев на мужчин на другом торце стола. Они были одеты в черное и производили впечатление людей ученых, может адвокатов или врачей, и все как один не сводили глаз с Катерины и Джулии, особенно с последней. Один из них, улыбаясь, что-то прошептал на ухо соседу, человеку лет шестидесяти, в низко надвинутом на лоб квадратном берете. Тот сложил трубочкой чувственные губы. Остальные хитро и удивленно изучали женщин исподтишка: видимо, их смутил элегантный вид обеих дам.

Джелидо был явно раздосадован, но сдержался. Он жестом подозвал служанку, совсем еще девочку, согнувшуюся под тяжестью двух кувшинов с вином.

— Когда сможешь, подойди к нам, — сказал он ей и прибавил, понизив голос: — И надеюсь, это воронье перестанет за нами шпионить.

Тут же, как по волшебству, в таверне появился чумазый мальчишка с пачкой каких-то тоненьких брошюр в руке. Одной из них он отчаянно размахивал, выкрикивая слишком хриплым для своего возраста голосом:

— Пророчества! Пророчества на следующий, тысяча пятьсот пятьдесят первый год! С предсказаниями на каждый день, записанными мудрецом, который знает будущее!

Горожане на правом фланге стола перестали разглядывать дам и начали рыться в карманах в поисках мелочи. Довольный мальчишка сунул деньги в карман и подошел к монаху и двум дамам.

— Самый достоверный сборник! — снова закричал он. — С пророчествами всех несчастий и катастроф!

Пьетро Джелидо бросил ему монету, и его как ветром сдуло. Монах взял брошюру и положил ее на стол. Воспользовавшись тем, что соседи по столу отвлеклись, он наклонился к Джулии.

— Итак, что вы узнали от Алессандро Фарнезе? Если можете, говорите, не двигая губами.

Девушка повиновалась.

— Кардинал сказал не так уж много. Кажется, он обеспокоен той симпатией, которую новый Папа выказывает к императору Карлу Пятому. Но он также выразил надежду, что тот будет вести себя нейтрально, учитывая, что за него проголосовали прелаты, поддерживающие короля Франции.

Катерина вздрогнула. В очередной раз Джулия оказалась недопустимо умнее, чем она считала. Свежая красота дочери была просто обязана соседствовать со слабостью ума, иначе и быть не могло.

— Он так тебе и сказал? — резко спросила она.

— Да.

— Лжешь! Папский легат не мог доверить такие вещи первой же девчонке, попавшей к нему в постель.

Джулия слегка покраснела и продолжила:

— Я следовала вашим наставлениям, мама. Вы сами говорили, что мужчины, находясь с женщиной, доверяют ей такие вещи, которые никогда не доверили бы другому мужчине. Мне было достаточно шепнуть кардиналу, что он кажется грустным и озабоченным. А дальше говорил только он.

Катерина закусила губы. Между тем подошла служанка, и Пьетро Джелидо угостил ее вином, хлебом из миндальной муки и козым мясом со специями. Потом повернулся к

Джулии:

— Он что-нибудь говорил о Тоскане?

— Только мимоходом. Он сказал, что Козимо Медичи коварен. Он не любит сторонников империи, но знает, что королева поддерживает заговорщиков, которых он отправил в изгнание, таких как, к примеру, убитый в Венеции Лоренцино. Когда разразится война, Козимо почти наверняка примкнет к испанцам.

Обычно бесстрастное лицо Пьетро Джелидо выразило неподдельное удивление.

— Война? Какая война?

— Кардинал уверен в том, что король Франции Генрих Второй снова собирается вступить в войну с императором, чтобы отбить Милан и другие итальянские земли, которые потерял. Его преосвященство думает, что это вопрос месяцев.

Катерина была удивлена ничуть не меньше Пьетро Джелидо. С ее дочерью разговаривали как с опытной шпионкой. Кроме того, ее беспокоило то, что монах буквально впился в Джулию и совсем не обращал внимания на нее. Этого она позволить не могла.

Она уже собиралась вмешаться, как услышала реплику, донесшуюся с другого конца стола:

— Я только сейчас это заметил! Этот альманах подписан моим другом! Нострадамус — несомненно, латинская транскрипция имени Мишеля де Нотрдама, с которым мы вместе учились в Монпелье!

Это произнес уса́тый человек в квадратном берете. Один из его сотрапезников рассмеялся.

— Я его хорошо помню! Гляди-ка, Мишель занялся пророчествами... Это он подражает тебе, Франсуа. Должно быть, прочел твои «Пантагрюэлевые пророчества» тысяча пятьсот тридцать третьего года или «Великое и Благое предсказание» тысяча пятьсот сорок четвертого.

— Нет, Антуан, это написано всерьез. Тут предсказаны наводнения, войны и напасти. Впрочем, Мишель никогда не обладал большим чувством юмора.

Человек, которого называли Антуаном, взял из рук друга альманах и внимательно прочел титульный лист.

— Гляди-ка, Франсуа, здесь написано: Мишель де Нотрдам из Салона-де-Кро. Может, он там живет. А не навестить ли его? Кто знает, помнит ли он еще Франсуа Рабле и Антуана Сапорту?

Рабле грустно покачал головой.

— Было бы здорово, но мне надо в Париж с моим кардиналом дю Беллеем, а ты должен вернуться в Монпелье читать лекции. Мы уже не так свободны, как прежде. От тех золотых времен осталась всего одна страсть. — Он покосился на Катерину и Джулию. — Да и та становится по большей части платонической. К сожалению.

Катерина не обратила внимания на эти взгляды. Она взяла со стола альманах, брошенный Пьетро Джелидо, и стала его листать. Служанку, которая поставила на стол графин, несколько бокалов и три дымящиеся тарелки, она даже не заметила.

— Все верно, — прошептала она, — это он. И он вернулся к своему старому увлечению, к астрологии.

Пьетро Джелидо произнес так же тихо:

— Вы имеете в виду Мишеля де Нотрдама? Если он на самом деле автор этой брошюры, то живется ему несладко. Эти альманахи набиты глупостями, которые подобраны так, чтобы выколлотить побольше денег. Этим, как правило, занимаются бедняки.

— Вы правы, но этот альманах, похоже, совсем другой. На каждый день месяца расписано положение звезд и дано короткое предсказание, почти всегда катастрофического характера. От этих предсказаний дрожь пробирает.

— Предоставьте дрожать глупцам, — Голос Пьетро Джелидо звучал так язвительно, что Катерина закрыла брошюру, — Лучше всего было бы забыть об этом Нотрдаме. Когда-то

он причинил вам зло, но теперь ему плохо живется, и доказательство тому — составленный им календарь.

— Не только месть занимает меня. Помните Кардано? Странные растения в окрестностях Павии? Не говоря уже о возвращении Ульриха. Я видела «Arbor Mirabilis» и представляю себе, насколько извращен должен быть ее автор.

Губы Пьетро Джелидо сложились в невеселую улыбку.

— Маги, колдуны и астрологи думают пересилить историю. Послушать их, так все мы пленники случая и живем в постоянном кошмаре.

Он жестом поторопил служанку, и она согласно кивнула.

— К неудовольствию адептов оккультной философии, все обстоит совсем не так. Когда Генрих Второй задумает снова пойти войной на императора, все решать будет он. Он и обстоятельства. Когда мой патрон Козимо Медичи решит держать нейтралитет, он сделает это из соображений выгоды. Ни один зачинщик в любую эпоху не позволит песчинке всколыхнуться, если эта песчинка встанет ему поперек дороги. А это означает, что все их воображаемые силы...

Пьетро Джелидо не закончил фразы. Пущенный кем-то шарик из хлебного мякиша, прежде чем упасть на пол, отскочил от плеча Катерины. Монах обернулся в сторону, откуда был сделан бросок, и его помутившийся от гнева взгляд встретился со взглядом изрядно пьяного молодого горожанина.

Уставившись на монаха слегка косящими глазами, тот пробормотал:

— Простите, брат. У дамы, что находится с вами, такой широкий балкон, что я подумал, не кинуть ли туда хлебушка воробьям.

Рабле сурово взял его за руку.

— Ты что, Оноре? Стыдись! Дамам за корсаж положено запускать руки, а не кидать корки!

Юноша был слишком пьян, чтобы его услышать. Свободной рукой он бросил корку хлеба. На этот раз она попала как раз в складку между грудей герцогини и там застряла.

Катерина, которую это ничуть не обидело, увидела, что Пьетро Джелидо переменялся в лице и вспыхнул. Это доставило ей огромное удовольствие, которое тут же померкло: монах вскочил на ноги, выхватил из-под сутаны короткую тонкую шпагу и нацелил ее в наглеца.

— Вооружайтесь, мессер, иначе я перережу вам горло, как разбойнику!

Со всех концов зала послышались восклицания и грохот отодвигаемых скамеек. Люди не столько испугались, сколько очень удивились. Штатским лицам запрещаюсь носить оружие в городе, но вооруженный монах — это было уж совсем немыслимо.

Горожанин, бледный как смерть, тоже вскочил и проворчал несколько слов, которых никто не понял. Рабле поднялся со скамьи и подошел к Пьетро Джелидо. Пристально глядя на монаха, он не спеша отвел шпагу в сторону.

— Прошу прощения, синьор, — сказал он спокойно, — и прежде всего прошу прощения у ваших дам. Мой приятель очень пьян, но, когда он в здравом уме, он вполне уважаемый человек. Его имя Оноре дю Шастель, он регент медицинского факультета в Монпелье. Что до меня, то меня зовут Франсуа Рабле, и я, как и вы, служитель церкви.

С минуту колебавшись, Джелидо спрятал шпагу в ножны.

— Церковь и вправду низко пала, если ее служители и люди науки позволяют себе такую распущенность, — пробормотал он.

Рабле улыбнулся и подмигнул.

— Хотите дружеский совет? — сказал он тихо — Держите при себе подобные фразы. Здесь мы не в Женеве и не в Майнце. Вооруженные монахи вызывают подозрение. — И быстро добавил: — Но это не умаляет вашей правоты.

Последняя фраза, казалось, смирила гнев Пьетро Джелидо. Он расправил сутану, порывшись в кошельке и бросил на стол несколько мнет. Потом обернулся к Джулии и Катерине:

— Пойдемте отсюда.

Не обращая внимания на реплики присутствующих, они прошли через зал. Когда они вышли, Катерина тронула его за руку.

— Почему вы это сделали? — спросила она с тревогой, — Это было чистое безумие!

— Потому что я люблю вас, — резко бросил Джелидо.

АСТРОНОМ ИЗ САЛОНА

Крик удивления вырвался у толпы, собравшейся перед собором Сен Лоран. Уже больше часа люди вглядывались в переулки, ведущие к новой городской стене и в предместья за стеной. Долгожданное зрелище всех, однако, разочаровало. Человек пятьдесят туземцев тупиамбас в ярких легких рубашках и изодранных плащах на тощих плечах, прихрамывая, нестройными рядами плелись по улице. На их смуглых лицах читалось страдание, отекие ноги кровоточили.

Они шли из Руана, где в начале октября прошлого 1550 года должны были изображать на празднестве по случаю въезда в город короля Генриха Второго свирепую битву двух племен. А после представления им пришлось пять месяцев тащиться через всю Францию, невзирая на зимние холода. Их хозяева-торговцы надеялись таким образом привлечь внимание населения к Вест-Индии, и особенно к Бразилии, которую только-только начали завоевывать. Неважно, что холода повыбили каждого десятого из отряда полуголых рабов. Но и оставшихся в живых вполне хватало для демонстрации того, какими человеческими ресурсами для вывоза может обладать новый континент, если монархия финансирует создание достойного флота.

— Странные существа, — заметил барон де ла Гард, водружая на голову шляпу с пером, чтобы укрыться от ледяного ветра, дувшего вдоль улиц, — Кто знает, есть ли у них душа.

— Может, это установит Тридентский собор, — рассеянно ответил Мишель, которого раздражала толпа, — Говорят, он продолжится, несмотря на войну.

— Да, Юлий Третий решил продолжить заседания. Но, полагаю, не в Болонье. Последние новости из Италии гласят, что Парма и Пьяченца, отстоящие на несколько миль от Болоньи, уже взяты французами. Оттавио Фарнезе снова владеет герцогством, которое у него отнял Папа.

— Победа вашего друга, кардинала Алессандро.

Пулен де ла Гард пожал плечами.

— Да, в некотором смысле. Однако эта итальянская авантюра... — Он осекся. — А вот и тот, кого мы ждали. Вон он, внизу, недалеко от церкви.

Он указал на здоровяка, одетого в желтый с золотом костюм, который пробирался сквозь толпу возле портала. Он тоже их заметил и направился в их сторону. Несколько секунд спустя, когда толпа устремилась с площади вслед отряду дикарей, они встретились.

— Черт побери, как холодно! — проворчал здоровяк. — Я думал, в Провансе зимы помягче.

— Этот год особенный, — ответил Пулен. — Господин Боном, позвольте представить вам Мишеля де Нотрдама, выпускника университета в Монпелье.

Здоровяк поклонился.

— Весьма польщен. Массе Боном, типограф из Лиона. Пойдем поговорим в церкви?

Мишель выгнул бровь.

— Разве вам неизвестно, что теперь это невозможно? С января парламент запретил обсуждение дел в церквях.

Боном свернул губы трубочкой.

— В самом деле? Что за глупости? Они что, хотят, чтобы больше никто не ходил к мессе?

— Очередная уступка гугенотам, — с горькой улыбкой ответил Пулен, — Церковь соревнуется в строгости с гугенотами и лютеранами, чтобы сомкнуть ряды, но это пустая

трата времени. Рано или поздно придется свести счеты с этими канальями с помощью шпаги.

Мишелю претило упоминание о религиозных конфликтах, которые начинали раздражать Францию. Слишком часто в его мозгу всплывали кровавые видения. Он быстро сказал:

— Мой дом недалеко, в квартале Ферейру. Там и можно все спокойно обсудить.

Все трое отправились туда, но спокойствие оказалось относительным. В городе продолжалось строительство новой городской стены, и грохот стоял оглушительный. Квартал, где жил Мишель, населяли в основном буржуа, и дома были солидные, с украшениями. Нищие и плебс селились в других районах.

Хотя семейная жизнь Мишеля наладилась с тех пор, как он вернулся, его немного смущала мысль, как представить Жюмель иностранцу высокого ранга. Ему не потребовалось извиняться за то, что вместо двух месяцев он исчез на два года. Он не стал пороть жену за грехи прошлые, настоящие или предполагаемые, как сделал бы любой мужчина, чувствующий свою ответственность за благополучие семьи. Она, в свою очередь, не стала спрашивать его о путешествиях и встречах. В первую же ночь по возвращении мужа она без возражений, но и без энтузиазма позволила себя обрюхатить. Она просто дала Мишелю возможность делать что хочет, словно компенсируя зло, которое ему причинила.

У Жюмель всегда были проблемы с дикцией: она говорила очень быстро, слова сплошным потоком лились из ее уст, особенно в моменты интимной близости. Может, в этом выражалась ее бесконечная любовь к жизни. Мишеля же постоянно мучили угрызения совести по отношению к Магдалене и детям. Он ни разу с тех пор не унизил и не ударил женщину. Впрочем, Жюмель, даже с ее манерами прачки, уважали в городе за доставшееся ей богатое наследство, и ни один дом не закрывал перед ней дверей. Их репутация в обществе не пострадала, и это превосходило все надежды Мишеля.

Жюмель сама встретила их на пороге.

— Добрый день, капитан Пулен. Полагаю, господин, что с вами и есть книжный агент, о котором говорил Мишель.

На ней было зеленое бархатное платье в талию, подчеркивавшее полную грудь, едва прикрытую тонкой шелковой косынкой.

— Я не умею читать, но написанные слова производят на меня огромное впечатление.

Боном улыбнулся, поклонился и ответил:

— Я больше чем агент, я типограф. Я придаю форму тем самым написанным словам, что вас так поражают, и заставляю других выкладывать за них деньги.

— Важно то, что вы хорошо зарабатываете. Располагайтесь, пожалуйста.

Жюмель проводила мужчин в скромную гостиную. Вокруг заваленного бумагами стола стояли разномастные кресла, по большей части запыленные. Из окна на бумаги падал луч света, и солнечный зайчик танцевал, повинаясь игре облаков. Камин погас, и в комнате было прохладно, но не холодно.

Мишель уселся за письменный стол, остальные разместились напротив, только Жюмель задержалась на пороге.

— Я принесу вам вина из Кро. По-моему, вкус у него отвратительный, но Мишелю очень нравится, и зачастую он пьет его слишком много.

— Мне налейте чуть-чуть, Анна, — сказал барон, сведя большой и указательный пальцы.

Жюмель вышла. Мишель взял со стола пачку листков и протянул типографу:

— Вот астрологический альманах, который я подготовил на текущий год. Как видите, он напечатан скверно, со множеством опечаток. Когда я узнал от моего друга де ла Гарда, что вы родом из этих мест, я подумал, а не согласитесь ли вы печатать мои альманахи в Лионе. Я слышал, там типографии лучше и более оснащены.

— Так-то оно так, да только без конца приходится сталкиваться с брожением в товариществах и с непомерными претензиями наших рабочих, — невесело ответил типограф. — Многие опечатки происходят от их небрежности. Они не могут не выйти на работу, потому что закон это запрещает. Вот они и вымещают свое недовольство на тексте.

И так — пока их требования не будут удовлетворены.

Он принялся листать брошюру и целиком погрузился в одну из страниц.

На несколько минут воцарилось молчание, потом типограф поднял голову и посмотрел на Мишеля.

— Вы ведь довольно известный врач. Как вам пришло в голову составлять календари?

— Медицина и астрология дополняют друг друга. Вторая, как мне кажется, приносит больше дохода. Я пишу все это ради денег.

— Мишель обосновался в Салоне недавно, — пояснил де ла Гард. — Как врач он пока не имеет клиентуры, способной обеспечить приличный доход, а жить на деньги жены не хочет.

— Понятно.

Боном снова углубился в чтение. Несколько минут спустя он закрыл альманах и бросил его на стол.

— Все это не то, совсем не то, — резко сказал он.

Мишель силился скрыть разочарование. Он надеялся, что более престижная типография сможет способствовать лучшему распространению его календарей.

— Вам не нравится? Может, мои предсказания слишком пессимистичны...

— Дело не в этом. Вместе с астрологическими выкладками вы даете короткий прогноз на каждый день. Это хорошо пойдет на рынках и в тавернах. Но я не занимаюсь листовками, я печатаю серьезные книги. — Боном пошарил в кармане, но ничего не нашел. — Жаль, что я не взял с собой экземпляр. На тысячу пятьсот пятьдесят второй год я готовлю к печати книгу Гийома де Перрьера «Размышления о четырех мирах». Текст разделен на четыре центурии²⁰ с десятисложными катренами с перекрестными рифмами. От вас мне хотелось бы чего-то подобного. Облеките ваши пророчества в стихи. Успех будет обеспечен, и мы с вами сможем неплохо заработать.

Мишель вздрогнул. В десятисложник обычно сами собой облекались впечатления от тревожных видений, которые время от времени ему внушал Парпалус. Взгляд его остановился на пачке листков, сложенных на углу стола, и он сделал движение, чтобы их спрятать.

Боном, следивший за ним глазами, быстрым движением выдернул из пачки один листок и тут же воскликнул:

— Да у вас уже есть нечто подобное! И не вздумайте возражать!

— Это так, глупости, я пишу их, чтобы скоротать время. Ничего интересного.

— Для вас — может быть, но не для меня. Это как раз то, что мне нужно.

И, не отдавая себе отчета в собственной бесцеремонности, типограф прочел вслух:

Sous l'opposite climat Babylonique
Grande sera de sang effusion
Que terre et mer, air, ciel sera inique:
Sectes, faim, regnes pestes, confusion.

Грядет кровопролитие большое
В болезненных условиях Вавилона.
Тем причинен ущерб земле и небу.
Смешенье царств, сект, голод и болезни²¹.

Потом задумался и прокомментировал:

²⁰ То есть на разделы по сто стихотворений каждый. (Прим. перев.)

²¹ Катрен LV, центурия I. Перевод Л. Здановича.

— Очень красиво и пугающе, но, черт возьми, что вы хотели этим сказать?

Мишель не особенно стремился доискиваться до смысла этих машинально записанных слов и на ходу попытался придумать им объяснение.

— Словом «climat» я хотел указать, как это принято, высоту местности в Вавилонии, выраженную в градусах. Вавилону противоположна Бразилия. Я написал стихи вчерашней ночью, раздумывая о дикарях, которых должны были провести через город нынче утром. И я предвижу кровопролитие, голод и болезни в бразильских землях.

В комнату вошла Жюмель с бутылкой вина и тремя бокалами на серебряном подносе.

— Мишель пишет эти строки по ночам, в маленькой каморке под крышей, которую он зовет «мастерской». Иногда он мне их читает, но я не понимаю ни слова.

Мишель сделал нетерпеливое движение.

— Оставь, Анна, это тебя не касается.

Но она его не слушала. Не обращая внимания на бумаги, она поставила поднос на стол и разлила вино по бокалам.

— Когда моему мужу приходят в голову эти стихи, он делается как безумный, — с невинным видом продолжала она, — Он сует ноги в ванну с водой и держит в руке какую-то ветку. Уж не знаю, сколько раз я находила его как эпилептика, со слюной, бегущей изо рта.

— Анна, прошу тебя!

— Но я правду говорю! Так вот, значит, опускает ноги в воду и катает по столу кольцо с голубым камнем. Тут и начинается бред. А потом часами записывает то, что пришло ему в голову. Он даже все это описал: «Estant assis de nuit secret estude...»²² Дальше не помню, но так оно и бывает, как я говорю.

Мишеля так и подмывало дать жене затрещину, чтобы заставить замолчать. Но она уже стояла на пороге и выскользнула прочь. Он смущенно взглянул на своих гостей.

— Надеюсь, вы не поверили бредням этой... моей супруги.

Типограф, казалось, был не особенно удивлен.

— В наше время публикуют все, что угодно, лишь бы инквизиция разрешила, — заметил он. — Один мой коллега в Лионе готовит к печати труд Корнелия Агриппы «De occulta philosophia»²³, а потом выйдут Марсилиус Фицин, Пселл и другие авторы, возвеличившие понятие естественной магии. Если вы сокомпонуete книгу из ваших стихов, думаю, вы разбогатеете, и я вместе с вами.

Барон дела Гард энергично закивал головой.

— Я всегда советовал Мишелю развивать свою склонность к оккультным наукам, естественно, в тех границах, которые позволяет католическая вера. Это я убедил его писать альманахи. Но он может сделать еще больше.

Мишель, которого отвлекла неожиданная мысль, слабо улыбнулся.

— Я подумаю.

— Хорошо, подумайте, — заключил Боном. Он взял бокал, залпом осушил его и поднялся. — Я должен вас покинуть. Если решите последовать моим советам и советам вашего друга, вы знаете, где меня найти. Я не занимаюсь календарями, но книги, которые я печатаю, читает вся Франция. При дворе они тоже хорошо известны.

Де ла Гард тоже осушил свой бокал и поднялся. Мишель, охваченный неожиданной тревогой, проводил гостей до двери и сразу же вернулся в гостиную. Дрожащими пальцами он взял оставшийся полный бокал и поднес его к губам. Потом снова его наполнил и влил в себя, запрокинув голову. Закашлявшись, он слегка пошатнулся и сжал переносицу большим и указательным пальцами. Вдохнув, он налил себе третий бокал и выпил его уже медленно, мелкими глотками. Немного успокоившись, он вышел из гостиной и отправился на кухню.

²² «Ночью в тайном кабинете...». Катрен I, центурия I. (Прим. перев.)

²³ «Об оккультной философии» (лат.).

Жюмель наблюдала, как на каменной печке кипело в медном котле ароматное варенье. С тех пор как они поженились, она часто варила варенье, зная, что Мишель его очень любит. Ей помогала худенькая и бледная пятнадцатилетняя служанка. Личико ее, с огромными зелеными глазами, было намазано вонючим кремом от веснушек, который ей прописал хозяин дома.

Мишель резким жестом отослал ее:

— Выйди!

Подождав, пока девушка вышла, он подошел к жене.

Жюмель была в веселом расположении духа.

— Здорово получается, — заявила она. — Никогда не думала, что из амарены²⁴, как ее называют итальянцы, выйдет такое отличное варенье. Так что твое путешествие в Италию было не без пользы. У нас этот сорт вишен в дело не идет.

Мишель постарался пересилить поднимающийся в нем гнев.

— Ты отдаешь себе отчет в своем недавнем поведении? — угрожающе спросил он осипшим голосом, — Отдаешь?

— Я отдаю себе отчет в том, что ты выпил лишнего. От тебя несет на всю кухню. Шел бы ты лучше спать.

Гнев нарастал, но Мишелю все еще удавалось себя контролировать.

— Ты далеко не дура. Так ты в самом деле не понимаешь, что говорила?

От такого натиска радостная улыбка Жюмель слегка померкла.

— Я не должна говорить о твоих сумасшедших привычках? А я назло сказала: я тебя в постели вижу, только когда просыпаюсь. И ты прекрасно знаешь, что беременность моя не так велика, чтобы нельзя было... сам знаешь что.

Мишель пробормотал в замешательстве:

— Я не чувствую в этом необходимости.

— А я чувствую — и не стыжусь! И мне хочется, чтобы мой муж время от времени устраивал мне праздник. А поскольку у тебя там, под крышей, не бывают другие женщины, я волей-неволей ревную к сладчайшей из любовниц у вас, у мужиков, — к правой ручке!

Намек был настолько скандален, что Мишель задохнулся. А потом, когда он вспомнил главную причину своего беспокойства, его захлестнула ледяная волна ненависти.

— Ты только что выставила на посмеище написанные мной стихи. «Estant assis...» Помнишь?

— Помню, но я и не думала над тобой насмехаться.

— Дело не в этом. Дело в том, что я никогда не читал тебе этого катрена. Откуда ты его знаешь?

— Но это так просто. Я увидела его у тебя на столе и...

Жюмель вдруг осеклась, слишком поздно поняв, в какую западню себя загнала.

Мишель недобро рассмеялся.

— Вот я тебя и поймал. Ты всегда говорила, что не умеешь читать. Как же ты могла узнать, что написано на листках, лежащих у меня на столе?

На сей раз Жюмель действительно смутилась и слова выговаривала с явным трудом:

— Ну... я понимаю слово здесь, слово там... И потом, ты сам мне говорил... Мог и позабыть...

И тут гнев Мишеля наконец выплеснулся наружу со всей силой.

— Врунья! Потаскушка! С первого дня ты мне врал! Но теперь я тебе покажу...

И он бросился к ней, занеся руку.

Реакция Жюмель оказалась прямо противоположной той, что можно было ожидать. Вместо того чтобы отшатнуться, она двинулась вперед, уперев кулаки в бока, и выгнула спину, выставив тяжелые груди как оружие.

²⁴ Один из сортов вишни, буквально: «горькушка». (Прим. перев.)

— Мишель, не забывай, что ты живешь на мои средства и своих у тебя ни гроша, — ледяным тоном заявила она. Следи за тем, что ты говоришь и как себя ведешь. Ты — врач без клиентуры, астролог, которому не на что жить. Как муж ты живешь на то, что даю тебе я, а как мужчина ты вообще сплошное недоразумение. А ты уверен, что действительно хочешь отказаться от надежной крыши над головой?

Для Мишеля эти слова прозвучали как проклятие, но он все же опустил руку. Он чувствовал себя сконфуженным и очень несчастным.

Жюмель глядела на него с ласковой иронией.

— Да ладно, не дуйся. Ну подумаешь, твоя жена умеет читать. Ну и что? Еще несколько месяцев — и у нас будет первый ребенок, и эти груди нальются молоком. — Она подмигнула. — Если ты очухался, я бы не прочь насладиться теми денечками, что еще остались.

Потерянный, несчастный, Мишель позволил поднести свои руки к розовой, пышной плоти, венчавшей глубокий вырез платья Жюмель. Он потерпел поражение, но какое сладостное! И, пока руки высвобождали из платья тугие соски, он сдался окончательно и принялся покрывать страстными поцелуями неприятельский лагерь.

ДРУГАЯ ТРОИЦА

Катерина Чибо-Варано полными слез глазами гляделась в зеркало и не могла отвести взгляд. Она уже не в первый раз замечала на лице признаки старения, но никогда они не проявлялись так ясно.

Может, это свет ясного парижского утра проникал в распахнутое окно и подчеркивал светотени на ее лице. Сетка морщин вокруг глаз походила на висящую паутину и гасила яркую голубизну радужек. Пухлые губы теперь были очерчены глубокими продольными складками, что придавало им жесткое и злобное выражение. Из-под челки все еще золотистых (надолго ли?) волос выглядывал, тоже весь в морщинах, лоб.

Она яростно потеряла кожу пальцами, пытаясь отогнать ужасную картину. В результате лицо превратилось и вовсе в уродливую маску. Тогда давно сдерживаемая влага наконец вырвалась на свободу и хлынула из глаз, затекая во все морщины.

И как раз в этот неподходящий момент вошел Пьетро Джелидо. Может, он и заметил, что герцогиня плачет, но виду не подал.

— Я вижу, вы одеваетесь, но это не важно, — резко бросил он, — Мне надо с вами поговорить.

Катерина решила, что он не заметил ее состояния. Быстрым движением она положила на место зеркало и подошла к окну, сделав вид, что разглядывает палатки рынка, раскинувшегося напротив аббатства Сен Жермен де Пре. Она едва заметила толпу вооруженных людей с распятиями и королевской лилией на знаменах, которая собиралась вокруг палаток.

— Думаю, что... — Голос ее дрогнул, и она начала снова, стараясь говорить как можно звонче: — Думаю, вы прочли письмо, которое мне прислала Жюмель.

— И не только письмо, но и приложенный к нему листок.

Пьетро Джелидо вытащил из кармана сложенный листок, развернул его и прочел:

Estant assis de nuit secret estude,
Seul repous? sur la selle d'aerain,
Flame exigue sortant de solitude
Fait proferer qui n'est ? croire vain.

La verge en main mise au milieu de Branches,
De l'onde il mouille et le limbe et le pied.
Vapeur et voix fremissent par les manches:

Splendeur divine. Le divine pr?s s'assied.

Ночью, в тайном кабинете, я один, и предо мною
Пламя слабое трепещет на треножнике из бронзы.
Исходя из одинокой жизни этой, он приносит
Счастье тому, кто верит в этой жизни не напрасно.

Он из сонмов ответвлений выбирает то, что станет
Моим Жезлом путеводным, омывая звезд границы,
И его безмолвный голос по-над реками трепещет:
Благодать к нему нисходит и божественная благодать²⁵.

Пока он читал, Катерина украдкой быстро вытерла слезы и снова заговорила, стараясь, чтобы голос звучал бесстрастно:

— Я дала вам прочесть это письмо Жюмель только потому, что вы об этом попросили. Как письмо, так и стихи, написанные ее мужем Нотрдамом, касаются той секретной миссии, которую я пытаюсь завершить. Я согласилась служить вам, а через вас Козимо Медичи и Диего де Мендосе, только при условии, что мне предоставят возможность вести свои собственные расследования.

Пьетро Джелидо кивнул.

— Вам никто и не запрещает, хотя при знакомстве с Нотрдамом у меня сложилось впечатление, что он добрый христианин. Мне захотелось прочесть письмо из чистого любопытства, но эти строки меня поразили.

— Почему?

Катерина уже почти овладела собой и наконец повернулась к монаху.

— Мне они показались наивными и примитивными. Жюмель уже писала, что помимо постоянных забот о продаже своих альманахов муж увлекается поэзией.

— Да, катрены грубоваты, но обладают особой, только им присущей силой. Мне они показались очень тревожными. Знаете, что они описывают?

— Жюмель мне объяснила. Мишель почти каждую ночь проделывает то, о чем написано в стихах. Он отправляется в каморку под крышей, садится на бронзовый стул и ставит ноги в тазик с водой, окунув туда же и края платья, берет в руку лавровую ветку и ждет, когда ему явится божественное озарение. Жена считает, что он совершенно спятил.

Пьетро Джелидо покачал головой.

— Дело гораздо сложнее. Видимо, Нотрдам хорошо знает книгу Петра Кринита «De honesta disciplina»²⁶. Оба катрена, которые я только что прочел, представляют собой почти дословный парафраз одного из разделов книги. Он вовсе не сумасшедший.

— В самом деле? Тот, кто сидит с ногами в воде среди каких-то веток и ждет, когда появится пламя и испарения, не сумасшедший?

— Branches — это не ответвления. Он не случайно написал это слово с большой буквы. Здесь намек на оракула в Милете, все жрецы которого происходили из рода Бранхидов. Оракул был посвящен Аполлону, иначе говоря, Богу-Солнцу.

— И это вас тревожит?

— В некотором смысле. В этих катренах есть реминисценции не только из Петра Кринита, но и из Ямвлиха, Корнелия Агриппы и Марсилия Фицина. Все эти авторы подозреваются в язычестве, к которому каждый, кто посвятил себя Христу, должен относиться с пренебрежением.

²⁵ Катрены I и II, центурия I. Перевод Л. Здановича.

²⁶ «О возвышенном учении» (лат.).

Пьетро Джелидо подошел к Катерине и положил ей руки на плечи.

— Скажите правду. Мне известно, что вы хотите свести какие-то свои счета с Нотрдамом, за что-то ему отомстить. Ладно, я не буду допытываться до причин. Но у меня есть подозрение, что этот человек вам интересен еще и по другой причине, которая лежит в области магии. Это так?

Катерина обернулась к нему, и лицо ее исказила злобная гримаса.

— Это вас не касается. Мы достаточно ясно договорились, и вы не имеете права задавать подобные вопросы.

— И все же я их задаю.

— Вот как? Чего ради?

— Ради нашей любви.

Агрессивность Катерины сразу как рукой сняло. Этот строптивый человек так редко намекал на чувства, которые питал к ней. До сего момента их отношения ограничивались случайными поцелуями в драматических ситуациях и несколькими нежными словами, напечатанными в ситуациях доверительных.

Однако Катерина продолжала надеяться на большее. Она видела, как на короткие мгновения смягчалось худое лицо Пьетро под ее ласками, и это было восхитительно. Больше того, ей страстно хотелось прижать к себе это нервное существо и ощутить, как погружается в теплое, влажное влагище его напряженный детородный член. Годы вынужденного целомудрия начинали ее тяготить, тем более что месячные становились все менее регулярны и, похоже, постепенно угасали.

— Вы правда меня любите? — прошептала она, сознавая всю банальность вопроса.

Он не ответил. Напротив, отвернулся и сменил тему разговора:

— Я задал вам вопрос: Нотрдам интересуется вас как человек или как маг? Отвечайте.

— Как человек он причинил мне много зла, и я хочу за себя отомстить, — ответила герцогиня, подбирая наиболее убедительные слова.

Ей потребовалось некоторое усилие, чтобы закончить фразу.

— А как мага я хочу его разоблачить. Он колдун, астролог и некромант, теперь я это знаю наверняка. Доказательство тому — его стихи. Я хочу добраться до секты, к которой он принадлежит.

Пьетро Джелидо пожат плечами.

— Чтобы выдать его инквизиции и таким образом добиться снятия отлучения? Это имело бы смысл несколько лет тому назад, но Папа, который вас отлучил, уже умер. Юлий Третий ничего о вас не знает и не проявляет к вам никакой враждебности. Он бы мог снять с вас обвинение, если бы узнал, что вы работаете на его друга Карла Пятого.

Катерина грустно улыбнулась.

— Обещание вновь вернуть меня в лоно церкви и вынудило меня служить вам и вашим предшественникам. Во имя этого я заключила бесчисленное множество соглашений, но теперь поняла, что все вы использовали меня как марионетку. И какой бы Папа ни был на престоле, Камерино мне не видать.

Видимо, Пьетро Джелидо оценил эти слова, потому что возражать не стал, а только кивнул в ответ.

— Боюсь, что отчасти это верно. К тому же естественное предназначение женщины — служить, даже когда она возомнит, что сама себе хозяйка. На этом многократно настаивает Библия.

Катерина почти задохнулась от удивления.

— То есть вы признаете, что обманули меня! — прошептала она, изо всех сил стараясь не выдать снова навернувшихся слез.

— Да ведь и вы мне лгали: до политики вам не было никакого дела, да и снятие отлучения вас уже не волнует. Единственное, чего вы сейчас хотите, — это уничтожить Нотрдама.

Молчание Катерины означало согласие.

— И по этому поводу вы тоже рассказывали небылицы, — продолжал Пьетро Джелидо. — Вами движет не месть... может, когда-то так оно и было, но со временем сгладилось. Желание отомстить не может длиться вечно.

Ответом ему снова было молчание, прерываемое тихим, еле сдерживаемым рыданием.

— Вас интересуют только тайны, которыми владеет Нотрдам. Я верно говорю?

Теперь Катерина плакала уже в голос и смотрела на него почти с испугом.

— Вы-то что об этом знаете? — прошептала она, ощутив на губах противный и скользкий соленый привкус.

— Ничего. Однако бьюсь об заклад, что одна из тайн Нотрдама особенно для вас привлекательна. Разве не так?

Монах подождал ответа, которого не последовало.

— Я сам убедился в Любероне, что этот человек порой не признает барьеров времени и заглядывает сквозь них с удивительной свободой. Вас тревожит проблема времени. Я имею в виду, вашего времени. Или я ошибаюсь?

Катерина не знала, что отвечать. Слезы бежали по щекам, горло сжалось. Даже шесть лет назад, когда ее бичевали, ей не было так больно.

— Дело в том, что вы начинаете стареть, — небрежно продолжил Пьетро Джелидо, словно речь шла о простой констатации факта, — Ваше лицо покрылось морщинами, а грудь, которой вы так гордились, обвисла. Я видел на ваших ногах отвратительные голубоватые вены. И вы хватаетесь за любую возможность избежать распада, хотя при этом впадаете в грех гордыни.

Катерина вскрикнула и согнулась пополам, словно получив резкий удар под ложечку. Ее громкий плач разнесся по всей комнате. В ушах стоял звон, из-за которого она не слышала собственного голоса. Сознание помутилось, и она выдала себя громким криком:

— Я не старуха! Я не старуха!

Когда же она поняла, что сказала, ей стало совсем плохо, и к горлу подступила тошнота. И, словно венчая ее порыв, с площади донеслись гневные выкрики огромной толпы, собравшейся возле рынка. Но Катерина была не в том состоянии, чтобы что-нибудь воспринимать.

Голос Пьетро Джелидо вдруг сделался нежнее нежного:

— Нет, вы не стары. У вас самые прекрасные глаза, какие мне довелось видеть, и волосы, которые хочется ласкать все время, — Он поддержал Катерину и обнял ее, — Не плачьте, любовь моя, — прошептал он еле слышно, — Я был груб и прошу за это прощения. Чтобы заставить лошадь слушаться, иногда нужен кнут. А вы еще совсем молодая, необъезженная кобылка. Доверьтесь мне целиком, слушайтесь моей руки. Вы будете счастливы, и я тоже.

Катерина не понимала смысла его слов, но было достаточно смены тона, чтобы ее боль растаяла, а слезы хлынули рекой. Она изо всей силы прижалась к груди монаха.

— Вы мне нужны! Я люблю, люблю, люблю вас! Делайте со мной, что хотите, я не буду сопротивляться!

Краешком сознания Катерина с ужасом вслушивалась в слова, слетавшие с ее уст. А другая часть помутившегося разума властно отбрасывала все остатки щепетильности, насильно устанавливая абсурдную равнозначность страдания, унижения и счастья. Душа ее словно требовала наказания за какую-то скрытую вину.

Тем временем крики, доносившиеся с улицы, становились все громче. Слышался нервный цокот копыт и церковные гимны, которые распевались с откровенно угрожающими интонациями.

Пьетро Джелидо вдруг отпрянул и скрестил руки на груди.

— Моя вера не позволяет мне легкомысленных плотских нежностей. Греховные искушения и без того разъедают церковь изнутри. Но нам до этого нет дела. Вы действительно согласны во всем меня слушаться?

— О да! — воскликнула Катерина с восторгом, о котором мгновение спустя

пожалела. — Да, только бы вы любили меня!

— Я люблю вас, но положение не позволяет мне высказывать свои чувства. Это вы понимаете?

Катерина опустила покрасневшие от слез глаза.

— Не понимаю, но обещаю слушаться. Вы именно этого хотите?

— Совершенно верно. Слушайте внимательно: вся шпионская сеть, которой располагает империя во Франции, в вашем распоряжении, чтобы уничтожить Мишеля де Нотрдама. Вы сами выберете место и время для удара: исполнитель найдется. Между тем...

— Между тем?

Катерину покинули последние остатки здравого смысла. В сознании все перепуталось, ей было хорошо и страшно.

— Необходимо остановить войну, которую Генрих Второй хочет развязать в Италии. Войска французского короля подтягиваются к границам герцогства Тосканского. Это прямая угроза Козимо Медичи, верного императору. Нам жизненно необходимо компромиссное решение, которое гарантирует Флоренции спокойствие и в то же время не заставит ее поссориться с Карлом Пятым.

Катерина удивленно глядела на него.

— И что должна сделать я?

— То, чего не сможет сделать ни один из наших агентов-мужчин. Вам надлежит заручиться поддержкой кардинала Франсуа де Турнона, как вы уже проделали с Алессандро Фарнезе. Кстати, они близкие друзья. Король Генрих доверил де Турнону руководить политикой в отношении Тосканы. Вы должны получить у Фарнезе рекомендательное письмо, войти в доверие к Турнону и убедить его заключить с Флоренцией пакт о ненападении.

— Полагаю, что взамен...

— Правильно полагаете: я сделаю так, что Мишель де Нотрдам окажется у вас в руках. И вы сможете вызнать у него любые секреты, хоть под пыткой. Кроме того, вы сполна сможете насладиться моим чувством. — Темные глаза Пьетро Джелидо потеплели и сверкнули. — Я уже сказал, что люблю вас, и, если вы повинуетесь, обещаю, что любовь моя будет более конкретной.

— О да! — Катерина протянула к монаху руки, но тут же опустила, увидев, что тот отступил, — Я готова служить вам и разумом, и преданностью...

Пьетро Джелидо поморщился.

— Мне достаточно преданности, разум — не женское дело. Вы посягнули на порядок вещей, угодный Богу, пытались воспользоваться добродетелью, которая вам не свойственна от природы. Только попробуйте еще раз — и я отлуплю вас, как скверную девчонку.

Катерина так никогда и не узнала, откуда взялась фраза, вдруг слетевшая с ее губ:

— Да! Побейте меня! Немедленно побейте, если хотите!

Воспоминание о бичевании в Эксе затмило отчаянное желание испытать боль. Герцогиня была сейчас как надутый воздушный шар и жаждала, чтобы кто-нибудь проколол оболочку и выпустил наконец нестерпимо распиравший воздух.

— Мама!

На пороге комнаты стояла Джулия. Ее обычно тусклые глаза сверкали негодованием.

— Придите в себя! Вы что, не понимаете, что находитесь во власти чудовища? Куда девалась ваша женская гордость?

Катерина, потрясенная то ли такими словами, то ли собственным поведением, наклонилась и приложила ладонь ко лбу, словно стараясь овладеть собой и стряхнуть наваждение. Пьетро Джелидо тоже смущенно отступил.

Джулия шла на него, уставив палец ему в грудь.

— Вы холодный и мерзкий тип. Господин Постель считает, что существует другая Троица: Адам, Ева и змей. И он прав. Только мы думали, что змей — это Молинас, а оказывается — это вы!

Пьетро Джелидо попытался возразить, но потом быстро вышел из комнаты, несвязно что-то бормоча. Джулия подбежала к матери, которая снова горько расплакалась, обхватила ее голову и прижала к себе.

— Джулия, помоги мне, — прошептала Катерина, — я сама не знаю, что со мной... Что там за крики?

Она только сейчас расслышала, что со стороны рынка напротив Сен Жермен де Пре доносятся резкие голоса. Джулии так хотелось продлить неожиданную нежность между нею и матерью, что она не сразу ответила.

— Это галликанцы, католики, которые требуют создания единой национальной церкви с патриархом-французом. Они утверждают, что их поддерживает король Генрих. Однако Папа о них знать не желает.

— И почему они так громко кричат?

— Собираются штурмовать Сен Жермен де Пре. Кардинал де Турнон, аббат Сен Жермен де Пре, и слышать не хочет ни о какой галликанской церкви. Даже если эти безумцы будут настаивать на своем, король на его стороне.

Ясные и логичные слова Джулии сразу вернули Катерину к действительности. Она оторвалась от груди дочери и в замешательстве вгляделась в ее лицо.

— С каких это пор ты интересуешься политикой? — спросила она. Потом, словно боясь услышать ответ, прибавила: — Конечно, галликанцы не так сильны, как гугеноты. Если король их по-настоящему не поддержит, они так и останутся церковью-однодневкой.

— Слышите цокот копыт? Думаю, конные жандармы готовятся к атаке, — Джулия пожала плечами, — Боюсь, что это только начало гораздо более кровавых конфликтов. Галликанцы стремятся порвать отношения с Ватиканом по тем же причинам, что и кальвинисты. И тем и другим опротивела коррупция церкви...

Анализ оборвали крики, стоны и ржание лошадей. Катерина подбежала к окну.

Милиция королевского наместника, двигаясь частью верхом, частью пешим ходом, атаковала сторонников галликанской партии, и те бросились врассыпную.

— Ну и мятежники! Мужчинам никогда нельзя доверяться! Они непривычны к боли, а потому понятия не имеют, что такое мужество.

Лицо Джулии озарилось.

— Вот такую я вас люблю, мама! Гордую и агрессивную! Забудьте Пьетро Джелидо. Такие, как он, причиняют женщинам только зло.

— Пожалуй, ты права, девочка, — ответила растроганная Катерина.

Она не отважилась заглянуть в тот темный уголок разума, который внушал ей, что боль и наслаждение могут объединиться и что Пьетро Джелидо слишком красив, чтобы от него отказаться.

С площади донесся шум атаки жандармов. Крики и проклятия галликанцев внезапно стихли.

НАПОЛЗАЮЩАЯ ТЕНЬ

— Вдумайтесь хорошенько! — горячился Постель, — В человеческой жизни наблюдается константа: мужчина, женщина и искуситель. Иными словами, Адам, Ева и змей. В любую эпоху, когда дело доходит до серьезных событий, эта триада так или иначе себя проявляет.

Мишелю было скучно, и он вяло кивнул.

— Может быть, может быть. Из Венеции мне прислали вашу книгу «Первые новости из иного мира». Интересно, я ничего не говорю. Но мои интересы, господин Постель, отличаются от ваших.

Чтобы быстрее свернуть разговор, Мишель поднялся с кресла в самой просторной гостиной своего дома и подошел к камину, сделав вид, что подкладывает дрова. Зима в Салоне была по обыкновению мягкая, особенно в этот год. Стоял уже декабрь 1551 года, но

на дворе не наблюдалось и следов снега. Люди надевали плащи скорее по привычке, чем по необходимости.

Гийом Постель, казалось, не заметил равнодушия хозяина дома.

— Господин де Нотрдам, по воле рока наши пути переплелись, а это говорит о том, что дело тут не в простой прихоти судьбы, — заявил он с чувством, — В Венеции мы едва познакомились, а мне уже пришлось иметь дело с негодяем, который выдавал себя за вас. Кроме того, многие мысли, которые я поддерживаю, высказаны нашим общим другом, Жюлем Сезаром Скалигером. Он также настаивает на превосходстве женщин над мужчинами и презирает Эразма Роттердамского, который утверждает обратное.

Мишель улыбнулся.

— Если бы вы, как и я, лично знали мадам Скалигер, вы бы заметили, что ее супруг не применяет на практике теорий, изложенных в его трактатах.

Постель проигнорировал это возражение.

— Помимо Скалигера мне говорил о вас один молодой британец, бывший недавно у меня в гостях. Его имя Джон Ди.

— Джон Ди? Не знаю такого.

— А он вас знает. Он прочел один из ваших альманахов и остался под большим впечатлением.

Мишелю изменило терпение, и он резко поднялся, уронив полено в камин и подняв тучу искр.

— Послушайте, господин Постель. Признаюсь, мне непонятен мотив вашего визита. Я рад высокой оценке Джона Ди, и что дальше? Я врач, и у меня мало времени. Да, я издаю альманахи, но делаю это только из соображений увеличения дохода. Меня не интересует оккультная философия, которую вы и ваши друзья развиваете вопреки запретам церкви.

В мутных глазах Гийома Постеля сверкнула искра понимания.

— Видимо, вы не знаете, каким уважением пользуетесь в определенных кругах. Я говорю о философах, которые интересуются каббалой и гносисом²⁷. Чтобы вы лучше меня поняли, скажу, что у юного Джона Ди имеется на правом плече маленький крестообразный шрам.

Это известие настолько потрясло Мишеля, что кочерга выпала у него из рук и громко звякнула об пол. Лицо свела непроизвольная судорога.

— Значит, вы тоже принадлежите... — прошептал он, но закончить фразу так и не смог.

— Нет-нет, — перебил его Постель, насупившись. — Майнцские иллюминаты не признают мессианского начала в великой венецианской святой Иоанне, умершей несколько месяцев назад. Узнав о ее кончине, я много дней не прикасался к пище. Потом, к счастью, в силу той связи между мертвыми и живыми, которую каббалисты называют Жигул, она получила реинкарнацию во мне. Так что теперь, господин Нотрдам, я женщина.

Мишель застыл, приоткрыв рот от изумления, которое и помогло пересилить охватившее его волнение.

— Мессер Постель, — спокойно сказал он, — я не понял ни слова из вашего повествования. Однако очень хотелось бы знать, кто вас ко мне направил и с какой целью. Скалигер?

— Нет-нет! Скалигер к вам очень хорошо относится, но считает вас гнусным евреем, на котором лежит печать всех бед вашего племени.

Постель, видимо не отдавая себе отчета, что такая дефиниция может обидеть собеседника, хихикнул и продолжал:

— Возвращаясь из Венеции, я встретил в Марселе вместе с Джоном Ди еще одного

²⁷ Гносис — по-древнегречески «знание». Философы-гностики утверждали, что существует тайное знание, овладев которым человек может приблизиться к Богу. (Прим. перев.)

вашего знакомого, доктора Пентадиуса. Это он попросил меня съездить в Салон.

Пентадиус! При мысли об этой дьявольской фигуре Мишель содрогнулся и нетерпеливо спросил:

— Он велел мне что-то передать? Говорите же!

Только что ярко блестящие глаза Постеля снова потухли, он опять хихикнул и ответил:

— Да, и вот что он велел передать: мастер вернулся и собирается приехать с вами повидаться. Чтобы узнать о его прибытии, наблюдайте за цветами. И будьте готовы отдать ему книгу. Инквизиция предусмотрительно сожгла весь тираж, и ваша копия — одна из немногих оставшихся.

— О какой книге вы говорите? — в ужасе прошептал Мишель.

Он знал ответ, но ему надо было понять, до каких пределов безумец, сидящий перед ним, информирован о тайнах, которые он пытался вычеркнуть из памяти.

Постель развел руками.

— Я не знаю, какую книгу он имел в виду. Инквизиция их столько сожгла... и моих в том числе. — Он на миг опечалился, — Вы в курсе, что меня тоже судила инквизиция? Трибунал признал меня сумасшедшим. Думаю, судей сбilo с толку то, что я назвался женщиной. Доминиканцы всегда плохо относились к дамам.

Мишель почувствовал, что больше не в силах продолжать разговор. Тут под окнами весьма кстати заколыхались пышные плюмажи прибывших гостей, и он с облегчением свернул беседу:

— Прошу прощения, я вижу, что ко мне прибыли двое гостей: первый консул Марк Паламед и барон де ла Гард. Я вынужден вас оставить. Желаю доброго пути.

На худом бородатом лице Постеля отразилось разочарование.

— Но я хотел рассказать вам об Иоанне, о Еве нашего века! Я счастлив, что принял ее в себя, и она могла бы моими устами открыть вам множество истин!

— Разве вы не слышите, что стучат? Расскажите в другой раз.

Мишель бесцеремонно взял гостя под локоть и повел к выходу. Жюмель уже открывала дверь вновь прибывшим.

Выталкивая Постеля из дома, Мишель немного не рассчитал силу, и ученый в буквальном смысле вылетел на улицу, затормозив только на другой стороне, как раз напротив мельницы. Первый консул и капитан Пулен с удивлением проводили его глазами и поспешили войти.

— Надоедливый посетитель? — поинтересовался Пулен.

— В некотором смысле — да, — мрачно ответил Мишель. И тут же, спохватившись, вежливо обратился к гостям: — Проходите, пожалуйста, располагайтесь. Вы пришли вместе, и, я думаю, на это есть достаточно веские причины. Верно, Пулен?

Барон сиял.

— Вы попали в точку. Нынче знаменательный день. Парижская магистратура, под влиянием его величества Генриха Второго, объявила, что следствие по делу преступлений в Любероне закрыто. Прошло три года, и все мы, бывшие добровольцы, признаны невиновными. Процесс, конечно, состоится, поскольку его назначил отец нашего суверена, но он будет чисто формальным: с этой минуты мы можем считать себя оправданными. Думаю, что на решение сильно повлияло то, что Папа даровал Мейнье д'Оппеду титул графа.

Мишель вздрогнул. Существовало много вещей, которые он старался вычеркнуть из памяти, и среди них резня вальденсов в Любероне. Он заставил себя улыбнуться, но вместо улыбки получилась гримаса.

— Это событие стоит отметить стаканчиком доброго вина. Анна, принеси бутылку.

— Ты забыл, что на столе уже есть бутылка? — ответила Жюмель, выпятив грудь и уперев руки в бока. — Максимум, что я сделаю, так это принесу чистые бокалы. А ты не пей слишком много. Я устала дышать по ночам винным перегаром и слушать, как ты храпишь под боком.

Мишель почувствовал, что краснеет. По счастью, Пулен со смехом пришел ему на помощь:

— Будьте уверены, мадам: тот, кто имеет ночью под боком такую красавицу, как вы, просто обязан быть трезвым. Это в его интересах.

— Вот и объясните ему это, — ответила Жюмель, тряхнув головой, — С тех пор как родилась дочка, он все время откладывает момент снова сделать меня матерью, ссылаясь на то, что пьян. Можно подумать, что бывают счастливые семьи без кучи детишек.

У Мишеля вспыхнули уши.

— Прошу вас, господа, — резко сказал он, входя в гостиную. Подождав, пока знатные гости усядутся в кресла, он приказал Жюмель: — Выйди! Принеси бокалы моим друзьям и исчезни. Каждое твое слово — оскорбление в мой адрес.

Жюмель вытаращила глаза:

— Чего ты так обижаешься? Они сами видят, что я не беременна. И прекрасно знают, что, когда ты не пьян, ночи ты проводишь, наблюдая за звездами.

И она удалилась с оскорбленным видом.

Мишель давно уже перестал сердиться на жену. Каждый раз, когда он пытался ее упрекнуть, она тут же отвечала, что роскошную жизнь они ведут на ее деньги. Это была горькая, но правда: как врач он зарабатывал мало, альманахи приносили весьма скромный доход. К счастью, ему удавалось заработать немного на составлении гороскопов, которые вошли в моду в высшем обществе Салона.

Однако на этот раз он почувствовал себя униженным.

— Прошу вас, извините ее. Вы должны понять: у нее с головой не все в порядке.

Первый консул, крепкий молодой человек с добродушным лицом в обрамлении высокого складчатого воротника, беспечно рассмеялся.

— О, не тревожьтесь, мы знаем женщин. Вы ученый, а слабый пол философию не жалует. Ваша супруга не в состоянии постичь тех высоких материй, которыми вы занимаетесь. Женщины — изящные животные, способные только на самые примитивные мысли.

Мишель подумал, что Жюмель, несмотря на свою врожденную вульгарность, умеет читать и ей с успехом удастся держать его в узде.

— То, что я напиваюсь, — неправда, — заявил он, чтобы отвести самое позорное обвинение, — Анна принимает за опьянение определенные состояния, в которые я погружаюсь все чаще и чаще. Иногда мне удается их контролировать, иногда нет. Мне случается предвидеть восстания, катастрофы, конфликты... но, боюсь, вам будет трудно понять меня.

— Напротив, я вас понимаю, — заметил Пулен. — И склонен думать, что астрология, которой вы усиленно занимаетесь, призвана, по существу, завуалировать ваше истинное предназначение. Вы сами говорили, что происходите из еврейского рода, где был силен дар пророчества.

— Да, из колена Иссахарова.

Всего несколько лет назад Мишель изо всех сил добивался бы мало-мальски почтительного отношения к своему еврейскому происхождению. Теперь же главной проблемой Франции стали гугеноты. Евреи перестали быть козлами отпущения и даже за пределами графства Венессенского переживали период относительного спокойствия. Все ветви инквизиции, кроме испанской, казалось, переключились на другие дела.

Марка Паламеда эти разговоры мало интересовали.

— Став матерью еще раз, ваша жена станет послушнее. Но в одном она права: вы должны уделять ей больше внимания, господин де Нотрдам, — Он подмигнул, — Я знаю, у вас прелестная служанка... представляю, как славно вы проводили бы с ней время.

— О, что вы! Она совсем ребенок, и, потом, она худая как былинка.

— Если вы будете ждать, чтобы служанка оказала вам благосклонность, то точно попадете в переплет. Я, к примеру, их обрюхатил не один десяток, и почти всех силой.

Поначалу они визжат, а потом вспоминают, что вы их хозяин, и сдаются.

Вся эта пошлая болтовня вызывала у Мишеля острую неприязнь. Он нахмурился.

— Вы продолжали их держать и после родов?

— Конечно нет. До сих пор я их убеждал... не рожать вовсе. Но к сожалению, нынче король постановил обнародовать каждую беременность. При всем моем уважении к его величеству, это кажется мне явным превышением власти. Теперь мы имеем множество вздутых животов, но лишены возможности все улаживать тайно. А кому нужна беременная служанка? Мне уж точно нет.

Барон де ла Гард фыркнул.

— Думаю, это очередная уступка гугенотам. Эдиктом Шатобриана король Генрих обязал их присутствовать на мессе, а потом удовлетворил их моралистические фантазии. И все по вине Папы...

Он осекся, потому что вошла Жюмель с бокалами и разлила всем вино, опустошив бутылку. Мишель надеялся, что она сразу же выйдет из комнаты, но она, презрев все приличия, уселась на скамью.

— Надо минутку передохнуть, — пояснила она, видимо, поймав на себе растерянные взгляды гостей, — Дом у нас большой, и держать его в порядке стоит немалых усилий. Да к тому же Мишель уговорил меня купить еще один, в Мурье, возле Марсея.

Пулен, потягивавший вино, оторвался от бокала.

— В самом деле? Вы мне об этом не говорили, Мишель.

— О, я не собираюсь там жить, а только сдавать дом внаем. Жена может не беспокоиться.

Жюмель покачала головой.

— Ну да? А почему ты велел выбить на архитраве SOLI SOLI SOLI? Дом, предназначенный для чужих, так не украшают.

Не зная, что ответить, Мишель сгорбился в кресле.

Паламед был поражен.

— SOLI SOLI SOLI. Это похоже на SOLI DEO, девиз, который вы, господин де Нотрдам, выбили на этом доме. Фраза легко читается под эмблемой вашего рода: кругом с восемью лучами, который прерывается от одного луча к другому.

Капитан Пулен сделал протестующий жест.

— Нет, здесь значение совсем другое. SOLI SOLI SOLI означает: ЕДИНОМУ СОЛНЦУ ЗЕМЛИ. То есть почести воздаются не трем разным солнцам, а трижды — одному. Что вы скажете по этому поводу, Мишель?

Тот вздрогнул, подумав, насколько близка к истине первая интерпретация. Три солнца в ряд на небе были навязчивой галлюцинацией, которая преследовала его даже днем. Он хорошо знал, что они символизировали троих убитых им людей: Магдалену и детей. Надпись, выбитая на архитраве нового дома, была данью их памяти, все еще мучившей его, и он надеялся, что это останется тайной.

— Ничего не скажу, — бросил он резко. — Поклонение солнцу — прадедовское суеверие, сохранившееся со времен древних египтян, если не раньше.

Пулен согласно кивнул.

— Верно. Я читал вашу книгу о Гораполлоне и интерпретацию египетских иероглифов. Вы все время упоминаете поклонение солнцу и даже описываете город Гелиополис. Это была воистину примитивная религия.

Паламеда, казалось, осенило:

— А разорванный круг вашего герба, случайно, не намекает на солнечный? Ведь солнечный диск часто изображают с восемью лучами.

Прежде чем Мишель смог ответить, Жюмель развязно расхохоталась.

— Не там ищите, господин первый консул! Когда-то евреи были обязаны носить похожий знак из желтой ткани, нашитый на одежду. Семья моего мужа мудро сообразила, сделав этот знак своим гербом и разорвав его контуры, чтобы подчеркнуть свою

независимость. Только солнце тут ни при чем!

Мишель сделался почти нечувствителен к теме своего происхождения, но это было уж слишком. Покраснев от гнева, он вскочил на ноги и обратился к гостям дрожащим от ярости голосом:

— Господа, я полагаю, что оторвал вас от важных дел. Не смею больше отнимать у вас время. Ваш визит доставил мне огромное удовольствие. Надеюсь увидеть вас снова.

Гости, понимая его состояние, поставили бокалы, поклонились Жюмель и направились к выходу. Мишель пошел их проводить. На пороге барон де ла Гард взял друга под руку и шепнул ему на ухо:

— Мишель, вы не обидитесь, если я скажу, что у вашей супруги очаровательный задок? И сдается мне, что неплохо было бы время от времени придавать ему пунцовый оттенок плеткой. От этого ваша семейная жизнь очень бы выиграла.

Выйдя на улицу вместе с первым консулом, он надвинул на лоб шляпу с плюмажем.

Мишель постоял на крыльце, обдумывая последние слова барона, но тут же отверг его намек. Он никогда не ударит Жюмель, даже если она того заслужит. Бесчисленные провокации на эту тему он расценивал как искупление бесчисленных ударов, которые он раздавал другой женщине, отняв у нее всякую возможность счастья. И жизнь тоже.

Погрузившись в свои мысли, он не сразу увидел, что к нему с той стороны улицы приближается Этьен Лассаль, хозяин мельницы, что находилась напротив его дома. Пузатый, вечно перемазанный мукой мельник был очень возбужден.

— Доктор де Нотрдам, — начал мельник, ставив берет с лысой головы, — мне надо с вами посоветоваться.

Мишель с трудом оторвался от своих мыслей.

— Что случилось? Кто-нибудь из мальчиков заболел?

— Нет, это я не в порядке, очень волнуюсь.

— А в чем дело?

— Дело в странных цветах. — Лассаль сглотнул, — Видите ли, я сам развожу кукурузу на муку. Так вот, уже с месяц среди початков, которые хранятся в амбаре, я нахожу какие-то невиданные цветы. Нет, бывает, что попадаются всякие сорняки или побеги винограда, но цветы, которые я нахожу в последнее время, меня пугают.

Мишеля передернуло, когда он представил себе, что сейчас увидит. Но, пересилив дрожь, он протянул руку:

— У вас есть с собой хоть один? Покажите-ка.

Мельник положил ему на ладонь пригоршню цветков. Они чуть завяли, но не засохли. Мясистые, складчатые лепестки были липкими на ощупь и склонялись к дрожащим пестикам. Они были похожи на маленькие желтые глаза с выкаченными глазными яблоками и внушали ужас.

Мишель прекрасно понял, что это означает.

— Он уже здесь, — неосторожно прошептал он, — может быть, совсем близко.

— Вы о ком? — спросил Лассаль.

— Да так, ничего. А скажите, вы, случайно, не слышали разговоров о каких-нибудь необычных событиях? О двойных звездах на небе, о рождении уродцев или о дождях из вязкой красной грязи?

Мельник перекрестился.

— Вы меня пугаете, доктор. Раньше я слышал что-то подобное, но вот уже годы, как никто...

— А может, о двойных красноватых кругах вокруг луны, о рождении двухголовых телят, о появлении двойных кругов вокруг солнца? Как будто к нам заглядывает иной мир?

— О господи, нет! — Мельник побледнел. — Вы на самом деле меня напугали. Единственное, что необычно, так это дымка, которой в Провансе отродясь не было.

Мишель поднял глаза.

— Дымка? Что за дымка? Облачка случаются, но небо ясное.

— Она обозначилась к югу отсюда и быстро распространяется, — Лассаль обвел рукой вокруг себя. — Путешественники говорят, что от Марселя до Экса горизонт стал не таким прозрачным, как обычно, он словно затянут дымкой. Солнце днем не греет, а ночью так темно, что даже звезд не видно. Люди говорят, что дело в фокусах зимы.

Мишель выронил цветки и поднес руку к плечу, ощутив странный запах.

— Значит, дымка распространяется?

— Да, последний путник, который о ней говорил, был из Авиньона. А что, здесь есть какая-то опасность?

— Нет, успокойтесь. Боюсь, это касается только меня, по крайней мере пока. Забудьте о цветах и дымке, господин Лассаль, тем более что все равно ничего не поймете.

Он кивнул мельнику и, не обращая внимания на его удивление, вошел в дом. Маленький шрам на плече невыносимо разболелся. Закрыв дверь, он опрометью бросился по лестнице на верхний этаж, лихорадочно стараясь вспомнить точную дозировку белены и ястребиной травы для зелья.

НЕНАВИСТЬ

Катерина Чибо-Варано пылко сжала руки Жюмель.

— Вы хорошо сделали, что пришли, друг мой, — радостно начала она, — Муж не возражал против вашей поездки? Салон и Париж порядком далеки друг от друга.

— Он думает, что я в Лионе, у кузины. Даже дал мне с собой рукописи, которые я должна отдать в типографию, — Жюмель огляделась с легким недоверием, — А где господин Молинас? Я думала, что встречу его здесь.

Катерина, заставив себя излучать доброжелательность, тряхнула головой.

— Он живет в другом квартале Парижа. Чтобы добраться до Сен-Жермен-де-Пре, ему понадобится по крайней мере час. Но я уже послала слугу известить о вашем приезде.

— Я так давно его не видела, — задумчиво сказала Жюмель, — Но должно быть, он в курсе всех событий моей жизни. В последнем письме он поздравлял с рождением Магдалены.

— Вашей дочери?

— Да. Ужасное имя, правда? Но Мишель настоял, чтобы ее так назвали, и у меня не было сил ему возразить.

— Имя Магдалена вовсе не кажется мне таким ужасным.

— Это потому, что оно красиво звучит, а в Евангелии так звали раскаявшуюся грешницу.

Катерина приподняла брови.

— Вы ошибаетесь. Это имя происходит от Марии Магдалины, благочестивой женщины. Но даже если оно происходит от имени грешницы, то ведь она свои грехи искупила.

Жюмель обиженно тряхнула головой.

— Вот это-то мне и не нравится. Что она должна была искупать? Если она отдавалась многим, мотивов могло быть два: либо нужда заставляла, либо ей это нравилось. Ни один из этих мотивов не кажется мне таким уж страшным грехом.

Катерина вдруг почувствовала неожиданную симпатию к сидевшей напротив молодой бесстыднице. Она улыбнулась.

— Надеюсь, вы пошутили. Подобные идеи аморальны. Не думаю, чтобы ваш муж их одобрил, и не думаю также, что вы решились бы их высказать при нем.

Жюмель собралась ответить, но тут в комнату вошел Пьетро Джелидо, отвесив дамам поклон.

— Я только что от Диего Доминго Молинаса. Он просил предупредить вас, что должен уладить некоторые дела и запоздает надолго.

Жюмель скорчила гримаску.

— Он вынуждает меня ехать через всю Францию, бросив ребенка на няню, а сам заставляет ждать. Вот возьму и уеду.

— Анна Понсард, если не ошибаюсь? — повернулся он с поклоном, на этот раз персонально к ней, — Молинас предоставил меня в ваше распоряжение, мадам. У вас есть неотложные дела?

— Да, в Лионе. Я должна найти типографа, который мог бы напечатать некоторые работы Мишеля.

— В Париже полно прекрасных типографов. Рукопись у вас с собой?

— Да, подождите.

Жюмель оттянула рукой юбку и достала из-под пояса объемистый сверток.

— Вот она.

Завладев свертком, Пьетро Джелидо поспешил его развернуть.

— Простите мне мою бестактность, но я должен знать, о чем там речь.

Он поднес рукопись к свету вечернего солнца, падавшему из окна. Потом задумчиво сказал:

— Я думал, это один из обычных альманахов вашего мужа, которые продаются во всех лавках. Но вижу, что это стихи, хотя по стилю... скажем так, это не Ронсар.

Жюмель фыркнула.

— Это не настоящие стихи. Он называет их пророчествами, а я — глупостями. Он годами строчит их листок за листком.

Катерина слушала очень внимательно. Пьетро Джелидо, напротив, изобразил полнейшее равнодушие.

— Вы говорите, пророчества? Предсказания будущего?

— Он считает, что обладает этим даром, — ответила Жюмель, пожав плечами. — Он происходит из племени Израиля, которое... но это очень скучная история.

— Напротив, напротив, — Пьетро Джелидо перебирал листки, — Почерк почти не читаемый, и вряд ли кто-нибудь из типографов возьмется это печатать. Что же до текстов, то смысл их темен... — Он пробежал несколько строк, — Вы говорите о пророчествах, но я здесь вижу намек скорее на события из прошлого, чем из будущего.

— Что вы имеете в виду?

Пьетро Джелидо прочел вслух:

Enfant sans mains, jamais veu si grand foudre:
L'enfant royal au jeu d'oesteuf bless?:
Au puy bris? fulgures allant muldre,
Trois sous les chaines par les milieu truss?s.

Дети безрукие, дивная молния с громом,
Ранен наследник престола во время игры.
Ветром жестоким с холма сметено будет все.
Трое пребудут в цепях, прикованные друг к другу²⁸.

— Но тут ничего не понятно! — воскликнула Катерина.

— Ну почему же? — подумав, ответил Пьетро Джелидо. — Чтобы понять, что к чему, надо всего лишь немного разбираться в латыни. Здесь сказано, что, когда родится безрукий ребенок и случится невиданная гроза, наследник трона будет ранен во время игры в метание ядра. В то же время трое людей с мельницы, в которую попала молния, будут размолоты жерновами.

— Откуда же вылетит ядро?

²⁸ Катрен LXV, центурия I. Перевод Л. Здановича.

— Ядро в этой игре называется oesteuf. Помните, в тысяча пятьсот тридцать шестом году дофин Франции был убит во время игры? Так что пророчество запоздало на шестнадцать лет.

— А другой эпизод...

— Когда погиб дофин, как раз было в разгаре вторжение в Прованс Карла Пятого. Событие, описанное здесь, очень легко проверить, можно даже установить, на какой мельнице засели осажденные или осаждавшие. Повторяю, это пророчество ничего не стоит.

Катерина заметила, как вспыхнула Жюмель, словно насмешка в адрес мужа задела ее лично. Гнев ее нарастал буквально на глазах и нашел выход в отчаянной попытке защитить Нотрдама.

— Я же вам сказала, что Мишель все это писал десятилетиями! Вы не поверите, но эти строки он написал еще до гибели дофина. Предсказание его смерти он услышал от жены одного из друзей, некоего Скалигера, и ее рассказ вдохновил эти образы.

Катерине пришло в голову, что женщина эта любит Мишеля гораздо сильнее, чем хочет показать. Она улыбнулась про себя и прежним тоном произнесла:

— Значит, ваш муж говорит с вами о своей работе?

Гнев Жюмель растаял в одно мгновение.

— Конечно, всякий раз. Ведь мы живем под одной крышей.

Пьетро Джелидо продолжал листать рукопись.

— Если уж вы в курсе его поэтической деятельности, может, попытаете объяснить, отчего многие его стихи слово в слово скопированы с одного латинского автора, Юлия Почтительного. Например, безрукий ребенок. И здесь я тоже нашел пример обыкновенного плагиата.

В голосе Жюмель зазвенела нотка тревоги.

— Не понимаю, о чем вы.

— Слушайте. — Пьетро Джелидо взял один из листков и прочел:

La grand'estoile par sept jours bruslera,
Nuee fera deux soleils apparoir,
Le gros mastin toute nuit hurlera,
Quand grand pontife changera de terroir.

Звезда большая на семь дней явится.
Заставит туча запылать два солнца,
Хитрюга будет выть ночь напролет,
А Папа Римский сменит резиденцию²⁹.

Священник зло усмехнулся.

— Это парафраз на чудеса, которые, согласно Юлию Почтительному, сопровождали смерть Цезаря. Правда, солнц было три, а не два, но в остальном все совпадает: и звезда, что горит семь дней, и собаки, что воют всю ночь. И Лепид, сменивший Цезаря на месте великого правителя, был вынужден «сменить место», то есть перебраться в другое жилище. Ваш Мишель — плагиатор.

Катерина заметила, как загорелись глаза Жюмель. Супруга Нотрдама возмущенно выставила грудь вперед и двинулась в атаку.

— Вы считаете себя очень умным, — набросилась она на Пьетро Джелидо, — а надо бы вам знать, что двойные солнца были видны везде на юге в конце прошлого года. Мишель ни с кого не списывал, хотя и пользовался примерами из прошлого, чтобы растолковать

²⁹ Катрен XLI, центурия II. Перевод Л. Здановича. Перевод неточен. Старофранцузское mastin, а французское matin означает и «плут, хитрец», и «сторожевой пес». А grand pontife означает скорее «великий правитель». (Прим. перев.)

трудные вещи.

— Ах, вот оно что! И что же это за великий правитель поменял местопребывание совсем недавно?

— Простите, господин аббат, но вы мне кажется просто недоумком. Разве вы не слышали, что наш король Генрих Второй отбыл сражаться в Германию и правление взяла на себя Екатерина Медичи?

Как он ни старался казаться равнодушным, Пьетро Джелидо был поражен, и ироническое выражение быстро слетело с его лица. Чтобы сохранить достоинство, он продолжил важно листать рукопись, но Жюмель вскочила с места и вырвала листки у него из рук, бросив на него полный ярости взгляд.

— У Мишеля много недостатков, но он не мошенник: он записывает свои видения так, как их видит. И понять их может только тот, кто так же честен, как он. А вам уж точно не понять.

Выпалив все это, Жюмель кинулась к двери. После секундного замешательства Катерина тоже встала и догнала ее.

— Куда же вы? Молинас будет здесь с минуты на минуту.

— Тем хуже для него. Я проделала путь в многие мили, чтобы услышать, как хулят моего мужа! Если Диего вызвал меня сюда только для того, чтобы полюбоваться на мои женские прелести, то вы, сударыня, с тем же успехом сможете его удовлетворить. А от меня передайте, чтобы он мне больше не писал. Теперь у меня есть положение в обществе, и мне начхать на его вымогательства и шантаж.

И Жюмель бросилась прочь из дома, быстро минуя многочисленные комнаты, так что пламя факелов колебалось там, где она прошла. Потом хлопнула входная дверь.

У Катерины перехватило дыхание. Придя в себя, она ядовито фыркнула:

— Ну что за мерзкая шлюха! Она воображает, что может все себе позволить, потому что еще молода! Ладно, я ее укорочу. Клянусь, ни она, ни Нотрдам больше не будут счастливы!

— Нет уж, хватит! — раскатился по комнате металлический голос Пьетро Джелидо. — Я содействовал вам, потому что таков был уговор. Теперь ваша очередь выполнять обязательства. Не забывайте, что вы на службе у Козимо Медичи и ваша задача — убедить кардинала де Турнона подписать с Венецией договор о ненападении. Вы же до сих пор не предприняли ничего конкретного!

— Неправда! — запротестовала Катерина, — Если мы сейчас находимся в его доме, так только благодаря тому, что мне удалось расположить его к себе. Рекомендация Алессандро Фарнезе сыграла важную роль. Теперь де Турнон принимает меня часто и весьма сердечно. К сожалению, он редко бывает в Париже, но всякий раз, как он здесь...

— Вы более или менее долго беседуете с ним. Расположение, которым вы хвастаете, не идет дальше обычной вежливости по отношению к даме, представленной другом. Сколько раз вы говорили с кардиналом о политике? Ну? Говорите правду!

Катерина поняла, что солгать не получится.

— Довольно редко. Видите ли, Турнон — политик очень осторожный и никогда не позволяет себе говорить о том, о чем следует молчать.

— Я полагал, что вам удастся установить с ним более интимные контакты. Когда-то вам это удавалось...

В глубине души Катерина растерялась, поскольку речь зашла о том, что она старалась скрыть даже от себя самой.

— Турнон занят только политикой, женщины его не интересуют, — пробормотала она смущенно.

— Чепуха! — Пьетро Джелидо был взвинчен, и в каждом его жесте сквозил гнев, — Или его не волнуют женщины определенного возраста. Тогда вы должны послать ему Джулию, как поступили с Фарнезе.

Монах нанес удар настолько неожиданно, что Катерина потеряла контроль над своими

чувствами и разрыдалась. Тяжко всхлипывая, она попыталась непослушными губами что-то сказать в свое оправдание:

— Джулия меня больше не слушается... Она вас ненавидит и не хочет слышать о...

Пьетро Джелидо нахмурился.

— Говорите яснее, а то вы как заика. Я не понял ни слова.

— Я... я...

Катерина задохнулась слезами и, скорчившись, закрыла лицо руками. В голове сверкнула мысль подбежать к окну и броситься вниз, но не хватило сил подняться. В невыносимой тоске, душившей ее, была одна надежда: что сердце само остановится.

Пьетро Джелидо подошел и приподнял ей лицо. Катерине захотелось, чтобы этот человек, которого она любила, ударил ее и тем самым дал выход ее муке. И еще она надеялась, что он скажет ей какие-нибудь ласковые слова. Но он не сделал ни того ни другого. Несколько мгновений он вглядывался в измученное лицо герцогини, держа ее за подбородок. Потом разжат пальцы, и голова Катерины безвольно упала.

Герцогиня осталась один на один со своим отчаянием. Она снова увидела Молинаса, привязанного к горящей повозке, и услышала его крик, словно передававший ей силу. Этот страшный человек умел находить наслаждение в боли, но ее страдания были моральными, не физическими. Потому она так страстно и жаждала страданий физических, что моральные были непереносимы.

Пьетро Джелидо дал ей поплакать вволю, потом принял свою обычную позу, сложив руки на груди. Его точные, холодные слова достигали ее ушей сквозь темную дымку, что заволочла сознание.

— Я, наверное, покажусь вам жестоким, но это не так. Я служу Господу и ненавижу плотскую тщету. Вы же — раба момента, как, к сожалению, многие жертвы католической церкви. Вы хотите пленять, быть красивой, словно тело — ваша истинная сущность. Вас ужасает старение тела. И вы не понимаете, что все это тяжкий грех.

До Катерины дошел только укоризненный тон монаха. Это ее чуть-чуть утешило: она почувствовала себя девочкой. И тоненьким голоском она проговорила:

— Но вы ведь любите меня, правда? Вы мне это говорили, даже поцеловали меня.

— Любовь — закон, данный Богом, и я не вправе вам в нем отказать. Но не ждите, что я поддамся плотскому искушению. Единственный путь заслужить мою любовь — это послушание. А потому подчинитесь и ревностно мне служите. Только так вы сможете заслужить мою любовь, всегда, когда я захочу ее выказать. Таковы отношения между мною и Господом. Таковы же должны быть и отношения между людьми.

— Я буду вас слушаться, я буду служить вам, как раба! — вскричала Катерина, которая из всей тирады поняла только слово «любовь» и условия ее добиться. — Я добьюсь от Турнона всего, что нужно, я заставлю Джулию пойти к нему в постель, сделаю все, что захотите. Только любите меня, прошу вас! Другого вознаграждения мне не надо!

— Вы должны доказать, что этого достойны, — нежно шепнул ей Пьетро Джелидо.

В своем бредовом состоянии Катерина по-своему истолковала эти слова. Она рванула на себе лиф платья и блузку, обнажив грудь.

— Глядите! Разве это грудь старухи? Взгляните, какая она круглая и полная! Трогайте, сжимайте, кусайте, если хотите! Она ваша!

Обескураженный Пьетро Джелидо попятился.

— Значит, вы так ничего и не поняли... — прошептал он с горечью.

В этот момент послышались удары дверного молотка и тяжелые шаги.

— Ого, какая пикантная сцена!

Эта веселая реплика принадлежала сержанту Королевского дозора, одной из двух полиций Парижа. За ним стоял отряд профессиональных гвардейцев, которых называли лучниками, хотя они не носили ни луков, ни стрел. Просунув головы в комнату, они от души хохотали, а те, что стояли за их спинами, поднимались на цыпочки.

После секундного замешательства Катерина вновь обрела ясность рассудка и, дрожа от

стыда, быстро привела себя в порядок. Обида от собственной слабости была еще велика. Она наклонила голову и, придерживая руками края блузки, повернулась к вошедшим спиной и отбежала к окну.

Пьетро Джелидо сурово взглянул на сержанта.

— Что вам угодно? Разве вы не знаете, что этот дом принадлежит кардиналу?

Иронический взгляд военного оторвался от спины герцогини и остановился на священнике.

— Вы брат Пьетро Джелидо из Сан-Миньято, не так ли?

— Моя личность вас не касается. Я дипломат, и допрашивать меня может только прево.

— Это он, вот он, змей! — раздался серебристый голос.

Джулия протолкнулась сквозь ряд лучников и направила палец прямо на монаха.

— Ты ответишь за все зло, что ты причинил моей матери, грязный шпион!

Услышав этот голос, Катерина возмущенно обернулась, позабыв о том двусмысленном положении, в котором оказалась.

— Джулия, вот дуручка! Ты что, свихнулась?

Дочь, не обращая на нее внимания, повернулась к сержанту:

— Говорю вам, это Пьетро Джелидо. Думаю, у вас есть приказ, который надо выполнять.

Военный повиновался.

— Пьетро Джелидо, — отчеканил он, — именем его величества короля Франции вы арестованы.

— Но почему? — изумился священник, — В чем меня обвиняют?

— Эта девушка доказала прево, что вы поддерживаете переписку с Женевой и пропагандируете гугенотскую веру, запрещенную в королевстве.

Пьетро Джелидо побледнел.

— И вы доверяете свидетельству этой слабоумной? Вот ее мать! Допросите ее! С каких это пор инквизиция...

— Инквизиция здесь ни при чем, — прервал его сержант.

Тем временем дюжина его людей уже расположилась полукругом за спиной монаха.

— Эдикт Шатобриана запрещает богохульство. Извольте следовать за мной без препирательств.

Сдавленный крик Катерины был явно обращен к дочери. Пьетро Джелидо, опустив голову, подошел к сержанту. Потом молниеносным жестом выхватил из-под сутаны короткую шпагу и вонзил острое в плечо военного. Тот вскрикнул скорее от удивления, чем от боли. Солдаты в замешательстве упустили момент, и Джелидо метнулся к окну, вскочил на подоконник и спрыгнул вниз со второго этажа.

Солдаты бросились за ним, но натолкнулись на широко разведенные руки Катерины, которая из последних сил стремилась защитить возлюбленного. При этом движении грудь ее обнажилась, в голубых глазах зажглась решимость оскорбленного зверя. Она была на диво хороша, и гвардейцы на миг ослабили натиск. Потом ее грубо толкнули, и она упала. Первый из солдат, высунувшись в окно, закричал товарищам:

— Он поднялся, но хромает! Поймать его — пара пустяков!

Он бросился к двери, остальные за ним. Двое солдат поддерживали сержанта, перевязывая ему рану платком.

Лежа на полу, Катерина застонала, когда чей-то кованый сапог наступил ей на руку. И сразу же почувствовала на лице ласковые пальцы. Она бросила на дочь полный ярости взгляд.

— Уходи! Я ненавижу тебя.

Джулия не отдернула руки и продолжала гладить ее по лицу.

— Не говорите так! Я действовала для вашего же блага. Это чудовище вас поработило!

Катерина смогла только прошептать вне себя:

— Ненавижу, ненавижу, ненавижу! — и, совсем ослабев, потеряла сознание.

ВОЗВРАЩЕНИЕ УЛЬРИХА

Мишель радостно показал Жюмель рукопись, которую закончил часом раньше.

— Смотри и запомни этот миг! Вот книга, которая сделает меня знаменитым и, может быть, богатым!

Жюмель, сидя с маленькой Магдаленой на диване в гостиной первого этажа, улыбнулась мужу.

— Я рада за тебя. Думаю только, что название надо изменить.

— Ну уж нет. Она будет называться «Отменная и весьма полезная брошюра для всех, кто пожелает познакомиться с изысканными рецептами».

Все так же улыбаясь, Жюмель покачала головой.

— Слишком длинно и непонятно. Продавцам будет трудно это выговорить.

Мишель нахмурился.

— Она не будет продаваться на рынках и в тавернах, как мои альманахи... Но наверное, ты права. Можно напечатать объяснение субтитром и назвать брошюру просто «Трактат о косметике и вареньях». Посмотрим, что скажут печатники.

— Вот увидишь, они примут мою сторону, — Жюмель положила девочку рядом с собой и поманила Мишеля, — Иди сюда, ты заслужил поцелуй.

Он не заставил себя просить. Поцелуй был невинным, но крепким. Мишель почувствовал себя счастливым. После возвращения Жюмель из Парижа (хотя Мишель продолжал думать, что она была в Лионе) их отношения стали близкими и нежными. Он не пренебрегал ею больше, напротив, если позволяла дочка, по крайней мере два-три раза в неделю он воздавал почести красоте жены. А она, мало того что с неподдельной страстью отвечала на его объятия, обещала больше никогда его не обманывать и показала ему письма за подписью Молинаса, которые время от времени получала. Оба они порядком сомневались, что их действительно написал тот, кого сожгли живым в Эксе. Однако догадывались, кто был их автором, вернее, авторшей. И впервые вместе смеялись над ней.

Мишель оторвался от губ жены и провел рукой по волосам дочурки. Он осторожно поднял ее и положил на колени к матери. Потом взглянул в окно.

— Уже вечерет, пора зажечь свечи, — И прибавил: — Сегодня мне надо поработать наверху. Как освобожусь, сразу приду к тебе.

— Не беспокойся. Гороскопы?

— Да. На них такой спрос, что за последний я запросил десять золотых, и покупатель их выложил не моргнув глазом.

Жюмель рассмеялась.

— Можно подумать, что все жители Салона разом стали беспокоиться о своем будущем. Хотя жизнь у нас относительно спокойная. Война далеко, чумных эпидемий нет. — Она тихонько ухватила за носик Магдалену, и та весело пискнула, — Вот и сегодня, пока тебя не было, приходил клиент. Сказал, что еще вернется.

— Имени не помнишь?

— Нет, но кажется, какое-то латинское. И на голове у него была квадратная шапочка, как у тебя.

— Тогда это был врач. Странно, что он хотел заказать мне гороскоп. Случайно, не аптекарь Франсуа Берар?

— Нет, этого человека я никогда не видела. Он высокий, тощий и чуть косит, на вид лет пятидесяти. И с ним был старик с запавшими глазами и длинной бородой до самой фуди. Он держался поодаль, опирался на палку и весь дрожал, словно от холода.

У Мишеля возникло подозрение, которое он тут же отогнал прочь: было бы несправедливо омрачать счастливую минуту. Он только теперь понял, какое это счастье: иметь рядом любящую и умную женщину. Жюмель и вправду начала понимать его и оказалась вовсе не глупой, как он считал поначалу. Несмотря на свои непредсказуемые

выходки и зачастую непристойные словечки, она была женщиной восприимчивой и проницательной. Он слишком долго оставался в плену у предрассудков своей эпохи, над которыми вволю поиздевался Франсуа Рабле: женщина либо может мыслить только примитивно, либо она носительница непристойной хвори. Но в последнее время до него дошло, что мирное сосуществование полов — источник взаимного тепла, и ему не хотелось, чтобы в это тепло врывался ледяной сквозняк.

И тут, словно назло его надеждам, налетел внезапный ветер и захлопали створки входной двери. Магдалена заплакала и прижалась к матери. Встревоженная Жюмель спросила:

— В чем дело? Еще минуту назад на улице было ни облачка.

— Сам не понимаю.

Мишель, пользуясь еще брезжившим дневным светом, спустился, чтобы закрыть входную дверь. Внезапная вспышка молнии, за которой не последовало грома, настигла его посередине коридора. Сердце забило тяжелым и, неровными ударами. Но он нашел в себе силы добраться до входной двери. В свете второй беззвучной вспышки он разглядел на пороге две неподвижные фигуры. Это были Пентадиус и Ульрих из Майнца. Такого поворота событий следовало ожидать. Дрожа от ужаса, Мишель склонился в поклоне.

— Вот сюрприз! — пробормотал он. — Столько лет прошло!

— Ну что же ты! Подойди и обними меня! — воскликнул Пентадиус.

Нос на его длинном лице косил чуть налево, но, даже учитывая эту легкую аномалию, лицо никак нельзя было назвать уродливым. Станным — да, но не уродливым. Яркие зеленые глаза смотрели необыкновенно умно, а рот под длинными усами добродушно улыбался. И все же при взгляде на это лицо всех охватывала беспричинная неловкость.

Мишель сумел ее преодолеть и обнял друга, расцеловав его в щеки, и вздрогнул только, когда острая бородка Пентадиуса уколола его в подбородок. Однако более тяжелое испытание ждало его впереди, и он медлил высвободиться из объятий, чтобы оттянуть момент.

Тихий и кроткий голос призвал его исполнить долг. Бородатый старик грациозно и несколько по-женски склонил голову набок.

— Мишель, что же ты со мной не здороваешься? — Голос Ульриха звучал хрипло, но не злобно, а даже деликатно.

Чуть помедлив, Мишель подошел к старику. Тот прижал его к себе и тоже расцеловал. Его губы и хрупкое, высохшее тело дрожали. Высвободившись из объятий, Мишель спрятал глаза с набежавшими слезами. Когда-то он относился к этому человеку, как к родному отцу, пока...

— Ураган уже близко. Так и будешь держать нас на пороге? — спросил Пентадиус с улыбкой. На самом деле небо было чисто, и отдельные сполохи можно было объяснить разве что отражениями далекой бури.

Мишель оторвался от тревожных мыслей.

— О, извините меня. Входите, конечно, входите. Здесь немного темно, я как раз собирался зажечь свечи.

Но Жюмель уже позаботилась об этом, потому что все свечи в гостиной горели. Она встретила гостей с Магдаленой на руках, и губы ее сложились в несвойственную ей испуганную улыбку.

— Добрый вечер, господа. Я пойду, пожалуй, не буду мешать вашей беседе.

— Какая красавица! Ты просто везунчик, Мишель! — произнес Пентадиус, и в тоне его почувствовалась жадность лакомки, — Счастливцев, у тебя есть дом и семья!

Жюмель в замешательстве выскользнула из комнаты, а Мишель указал гостям места на стульях и диване.

— Располагайтесь, я сейчас принесу выпить. Предпочитаете вино или ликер?

— Спасибо, не надо.

Формально-вежливый отказ Ульриха прозвучал сухо, как приказ.

Мишель с отчаянно бьющимся сердцем опустил на стул, гости уселись на диване.

Ульрих устроил папку между колен.

Пентадиус с алчным видом оглядел комнату, и его ярко-зеленые глаза сверкнули.

— У тебя меньше книг, чем было раньше, — заметил он, окинув взглядом шкафы. — Наверное, остальные ты держишь в кабинете...

— Некоторые держу. Но ты прав: книг у меня стало меньше.

— Боишься инквизиции?

— Нет, дело в том, что... — Мишель почувствовал в собственном голосе нотку неуверенности, — Я изменил свою жизнь.

Ульрих звонко, по-детски, расхохотался.

— Я сам столько раз менял свою жизнь. А через несколько лет сменю навсегда и перейду в иную.

— Кажется, вы в добром здравии, Учитель.

— На данный момент — да, но я умру от болезни седьмого апреля тысяча пятьсот пятьдесят восьмого года. Так что мне остались шесть лет земной жизни, — Острый взгляд Ульриха слегка затуманился, — Истина, однако, в том, что принадлежащий к «Церкви» не меняет жизнь никогда. Ты вот назвал меня Учителем, значит, не отрекся от моих наставлений, как мне про тебя донесли.

Голос старика оставался доброжелательным, но Мишель уловил в его звуке скрытую угрозу. Наступал самый трудный момент разговора. Он сглотнул и прошептал:

— Я ни от чего не отрекся, ибо то, чему вы меня учили, есть истина. Но я остался и хочу дальше оставаться добрым католиком.

Пентадиус сделал нетерпеливое движение, но Ульрих остановил его тонкой крючковатой рукой.

— Мишель, — сказал он деликатно, — ты прекрасно знаешь, что разницы нет, даже в глазах самых фанатичных инквизиторов. То, что исповедуем мы, и есть христианство, истинное и более древнее, чем христианство католиков или гугенотов. Так или не так?

У Мишеля свело губы.

— Так.

— Тогда назови числа, если помнишь.

подавив волнение, Мишель прошептал:

— Один, два, сто, один, двести, один, шестьдесят. Абразакс.

Ульрих одобрительно кивнул.

— Какова их сумма?

— Триста шестьдесят пять.

— Прекрасно. Назови истинные числа.

У Мишеля закружилась голова, но он сумел преодолеть слабость.

— Сорок, пять, десять, девять, сто, один, двести.

— Сумма?

— Снова триста шестьдесят пять.

— Каким буквам соответствуют?

— Митра, солнечный бог. — Мишель начал успокаиваться, и страхи сменились раздражением, — Желаете испытать мою память, Учитель? Я помню все ваши уроки. Мне известно, что каждое число соответствует определенному состоянию сознания, и я на себе испытал все стадии ментального восхождения: как с ястребиной травой и вашим кольцом, так и без них. Почти каждую ночь я перехожу границу Абразакса и вижу, что делается на восьмом небе. Но я устал и хочу нормальной жизни.

— Он хочет нормальной жизни, — пропел Пентадиус, покачивая головой из стороны в сторону, — Он хочет нормальной жизни! Он хочет нормальной жизни! Он...

Песню внезапно прервал крик боли: но колену Пентадиуса с силой ударила палка Ульриха.

— Повेशливее с Мишелем! — закричал старик. — Не забывайте, что он будет моим преемником во главе нашей «Церкви»!

Пентадиус весь подобрался, как червяк, что свивается в узел, едва к нему прикоснешься. Лицо его еще больше перекосилось.

Мишель еще раз нервно сглотнул.

— Учитель, — начал он осторожно, — вы знаете, с каким почтением я к вам отношусь. Но я не уверен, что гожусь...

Ульрих его даже не слушал:

— Итак, ты достигаешь восьмого неба без усилий, не прибегая к наркотическим веществам... Но это означает, что ты действительно мой лучший ученик. Как зовут твоего демона-проводника?

— Парпалус.

— Парпалус... пухлый новорожденный, огромный, как звезда... Как он с тобой общается? Думаю, стихами.

— Не совсем. Он внушает мне видения, а я уже перевожу их в стихи.

— Ну-ну...

Ульрих бросил презрительный взгляд на Пентадиуса, с губ которого слетел хриплый звук, похожий на собачий вой. Потом снова пристально поглядел на Мишеля, и глаза его потеплели.

— Послушай, Мишель, ты, наверное, обижаешься на меня за ту ночь...

— Какую ночь?

— Ты прекрасно понял, о какой ночи я говорю: о ночи в Бордо.

Он поставил палку рядом с собой и сложил руки.

— Верь мне. Я испытал ту же боль, но это было абсолютно необходимо. Наша инициация требует пройти через самую острую боль и самый сильный страх. Наверное, плечо у тебя все еще болит...

— Нет, это случается все реже. Конечно, ранка до конца не заживает, и иногда в ней появляется гной.

— Это все из-за мышинной крови. Но я поступил для твоего же блага. Я привил чуму тебе и другим, чтобы организм научился ей противостоять. Это все равно что принимать яд малыми дозами, и тогда сделаешься к нему нечувствителен.

— Учитель, там действительно была только мышинная кровь?

Ульрих в первый раз рассердился. Он побагровел и закричал:

— Кто тебе наболтал? Парпалус? Так я и знал!

Теперь Мишель совсем успокоился, и взгляд его не предвещал ничего хорошего.

— Да, Парпалус. Слушайте, — Он погладил бороду и проговорил тихо, но уверенно:

Le dix Kalendes d'Avril le faict Gnostique
Resuscite encor par gens malins:
Le feu estainct, assemblée diabolique,
Cherchant les ords Adamant et Pselyn.

В десятый день календ апрельских
Злодеи возродят дело гностиков:
Дьявольское сборище, погасив огонь,
Станет доискиваться Адаманта и Пселина³⁰.

Мишель взглянул Ульриху прямо в глаза, на этот раз без всякой робости.

— Поначалу, Учитель, я понял только первые строки катрена. В десятый день апрельских календ, то есть двадцать третьего марта, некие злодеи возродят гностицизм.

³⁰ Этого катрена нет среди известных мне переводов Нострадамуса. Смеею предположить, что автор сочинил его с целью подтвердить дьявольскую сущность Ульриха и его компании. Кровь младенцев — это уже пахнет «черной мессой». (Прим. перев.)

Ясно, что речь идет о нас: двадцать третьего марта тысяча пятьсот двадцать третьего года состоялась церемония в крипте в Бордо. И вера в Абразакс восходит к гностикам, последователям Василида. Так?

Ульрих мрачно на него посмотрел.

— Дальше.

— Темным остались для меня только последние строки. Что искала, погасив огни, наша дьявольская ассамблея? Кто такие Адамант и Пселин? Я долго над этим размышлял и в конце концов понял.

— Объяснись!

Ульрих пытался сохранить бесстрастное выражение лица, но с трудом сдерживаемый гнев сводил судорогой морщинистую кожу. Пентадиус перестал дрожать и жадно следил за разговором.

Мишель вздохнул.

— Я заметил, что некоторые из видений, которые внушал мне Парпалус, описаны в книге Петра Кринита «*De honesta disciplina*». Внимательно изучив рукопись, я нашел объяснение, которое искал. Адамант — это Адамантиус, то есть Алмаз, прозвище Оригена, одного из отцов церкви, которого считали «твердым как алмаз». А Пселин — это византиец Пселл, автор трактата «*Le opere dei demoni*»³¹.

— Ну и что?

— И Ориген, и Пселл приписывали гностикам чудовищные обычаи: кровосмесительные соития, а потом пожирание младенцев, которые рождаются в результате.

И Пентадиус, и Ульрих расхохотались: первый — смущенно хихикая, а второй — короткими, лающими звуками, похожими на кашель. Наконец лицо старика разгладилось, и он обратился к Мишелю с прежней добротой:

— Мишель, сын мой, ты меня знаешь. Неужели ты и вправду думаешь, что я способен на такое изуверство? Ведь для тебя не секрет, что жизнь моя всегда была честна.

Мишель опустил голову.

— Мне ни разу не пришло в голову приписывать вам все эти жестокости, Учитель. Но после Бордо в мой ум закралось подозрение: а что, если инфицированная кровь, которой вы орошали крестообразный разрез на плече, была не только мышшиной, но и детской? Дети одни из первых умирали в эпидемию, и вы пускали им кровь, я сам видел.

Ульрих выпятил грудь, которую распирало от гнева, лицо его исказилось.

— А если даже и так? — выкрикнул он, — Кто ты такой, чтобы судить меня? Чтобы судить науку? Самонадеянный щенок, да плевал я на твою запоздалую щепетильность!

Краем глаза Мишель заметил, как за дверью в коридоре метнулось белое платье: значит, Жюмель пряталась там и все слышала. Это придало ему мужества.

— Послушайте, Учитель, — сказал он спокойно, — я не питаю к вам никакой вражды, хотя между нами и нет тех теплых отношений, что были прежде. Я благодарен вам за то, что вы научили меня постигать те уровни познания, которые большая часть человечества постичь не в силах. Однако я намерен употребить эти знания во благо, а не во зло. Пускать кровь умирающим детям — это не благо, это преступление, грех.

Пентадиус широко улыбнулся, сощулив зеленые глаза.

— Убить его, Учитель?

Ульрих вдруг устало сник и досадливо махнул рукой.

— Нет, сиди спокойно. — Потом снова обернулся к Мишелю и мягко заговорил: — Я назначил тебя своим преемником, ничего не поделаешь. Я оставляю тебя в покое, но прежде возьму с тебя три клятвы.

— Какие?

— Первая. Ты знаешь, что ставит себе целью «Церковь»: уничтожить дистанцию

³¹ «Деяния демонов» (лат.).

между небесами и барьеры времени и дать возможность существам с восьмого неба, то есть из царства Абразакса, смешаться с земными жителями, чтобы поднять уровень знаний землян. Ты должен поклясться, что не станешь вмешиваться в этот план.

— Клятва ко многому обязывает.

— Ничего подобного: до события осталось четыре с половиной века. Парпалус сказал тебе, что это будет в тысяча девятьсот девяносто девятом году. К этому времени я умру и ты тоже. Я имею в виду, умрем для земли. Если будешь как я, мы сможем вернуться вместе.

— Дальше, Учитель. Вторая клятва?

— Ты должен поклясться, что не станешь распространять откровения Парпалуса, которые ты переводишь в стихи. Я знаю, ты издаешь альманахи, и тебе может прийти в голову опубликовать пророчества. Не делай этого. «Церковь» этого не одобрит. Я понятно говорю?

— Да.

— Тогда клянись.

— Прежде назовите третью клятву. Я поклянусь сразу за все три.

Глаза Ульриха блеснули злобой, но тут же снова успокоились.

— Ты владеешь копией «Arbor Mirabilis», одной из первых, зашифрованных шифром, который мы называем «Око», — вздохнул старик. — Она гуляла по рукам мирян, но мне известно, что теперь она снова у тебя. Поклянись, что сожжешь ее. Более того: сожжешь у меня на глазах.

Мишель пожал плечами.

— Почему она вас так тревожит, Учитель? Ни один профан все равно не сможет в ней разобраться.

— Да, но появился один молодой священник, который сможет разгадать шифр и прочесть книгу от начала до конца. Это еще пока лежит в области неясных возможностей, но единственная копия, до которой он сможет добраться, — твоя. По этой причине сегодня же ночью она должна исчезнуть.

— Что еще?

— Ты перевел тексты Горapolлона. Не отпирайся, я виделся с Денисом Захарией. Ты должен сжечь также и эту книгу и уничтожить медаль, отчеканенную другим адептом, Жаном Фернелем. На одной из ее сторон изображен Абразакс. Она была у Захарии, но теперь, думаю, у тебя. — Голос Ульриха еще больше смягчился. — Это все, о чем я прошу тебя, Мишель, сын мой. Согласись, это не так уж много. Взамен я предлагаю тебе полное спокойствие в течение всей отмеренной тебе земной жизни.

Воцарилось долгое молчание, потом Мишель, необычно спокойный, отрицательно покачал головой.

— Нет, Учитель. Я не стану клясться, жечь книги и уничтожать медали. Помимо воли я научился не доверять вам.

Пентадиус хрюкнул, а Ульрих отреагировал совершенно неожиданно. Глаза его зажглись счастьем, к которому примешивалась немалая доля гордости.

— Bravo, Мишель! Ты прошел испытание! Теперь ты — глава иллюминатов! Мой единственный наследник!

Мишель изумленно раскрыл глаза:

— Наверное, я не понял...

— А чего тут понимать! — Лицо старика засветилось радостью. — Если бы ты поклялся, я бы проклял тебя навсегда! «Церкви» нужны верные люди, а не былинки, которые гнутся от малейшего ветерка! Подойди, Мишель, поцелуй меня!

Забывшее чувство к этому хитрому и могущественному магу согрело грудь Мишеля, глаза заволочило слезами. Он подбежал к Ульриху, и тот прижал его к себе. Казалось, их сердца бились в унисон.

Но в тот же миг Мишель почувствовал у себя на затылке палку старика и оказался пленником с открытой удару спиной. Старик же закричал:

— Вот теперь время, Пентадиус! Убей его, убей!

Задыхаясь, Мишель увидел, как сверкнуло тонкое лезвие. Он попытался высвободиться, но Ульрих держал его крепко. Блеск лезвия приближался. Но тут вдруг клинок выпал из рук Пентадиуса, и звонкий, грубоватый женский голос крикнул:

— Вот так-то лучше! И не вздумай снова его поднять! А ты, мерзкий старикашка, отпусти сейчас же Мишеля, иначе я разможжу твою совиную башку!

Когда хватка разжалась, Мишель потерял болевшую шею и увидел такую сцену: Жюмель стояла в дверях и держала в руках заряженный арбалет, самое смертоносное оружие того времени. Черные волосы разметались по плечам, на губах играла насмешливая и угрожающая улыбка. Приготовившись стрелять, она выгнула спину, и тяжелые груди, едва прикрытые блузкой, гордо торчали, как символы неодолимой силы.

— Мишель, — сказала она, слегка задыхаясь, — этой штукой я могу уложить только одного. Выбирай которого!

Мишелю было трудно ответить, потому что его смутила неожиданная эрекция. Никогда он так не желал своей жены.

— Пощади обоих, — тихо прошептал он. — Они больше не смогут причинить нам зло. Она немного поколебалась, потом сказала:

— Слышали? По мне, так Мишель даже слишком христианин, но я подчиняюсь его воле. Ну-ка, ноги в руки, и быстро! И если попробуете вернуться, ни Абразакс, ни Сатана не помешают мне вспороть вам брюхо!

Пентадиус и Ульрих окаменели. Но ни один из них, казалось, не испугался. Они были просто сражены тем, что им угрожала женщина.

Наконец Ульрих подобрал свою палку.

— Пошли! — скомандовал он.

Напоследок маг обернулся к Мишелю, его умное лицо снова задергалось и задрожало, но на нем не отразилось никаких чувств.

— Ты, наверное, ждешь какой-нибудь угрозы или обета мести, — произнес он без выражения. — Ничего такого ты не услышишь. Я не театральный актер. Скажу только, что, если не случится другой оказии, увидимся после смерти. В тех краях, где такие, как я и ты, не умирают.

Ульрих двинулся к выходу, толкая Пентадиуса перед собой, и Мишель проводил их до самых дверей, чтобы убедиться, что они действительно покинули дом. Прежде чем закрыть дверь, Мишель взглянул на небо. Оно было безоблачным и чистым.

Он закрыл дверь на засов и вернулся к Жюмель, которая укладывала арбалет на диван. Мишель улыбнулся.

— Вот уж не знал, что в доме хранится такое опасное оружие.

— Господин Понсард, мой муж, да светит ему свет небесный, сражался при Павии, — ответила Жюмель. — Как видишь, кое-какую полезную память он по себе оставил.

— Ты, наверное, устала, тебе пора спать, — отозвался Мишель, изображая полную невозмутимость, — Завтра я скажу все, что думаю о тебе, и заявляю, что это будут прекрасные слова.

Жюмель прыснула со смеху.

— Я бы охотно прикорнула, да вижу, у тебя затруднение: штаны узковаты. Топорщатся там, где вроде бы не должны. Прежде чем улечься, надо посмотреть, в чем там дело.

Веселый голос Мишеля слегка охрип:

— Пошли наверх, и я покажу, в чем дело.

— Наверху ребенок, а тут в нашем распоряжении диванчик, — Жюмель тихо рассмеялась. — Давай погаси, да не все свечи, а только одну...

Выполняя приказ, Мишель спрашивал себя, чем он заслужил такую необыкновенную женщину. А потом решил не думать, а просто принимать этот дар небес.

АБРАЗАКС. ЦАРСТВО МАРСА

Признаки появления Ульриха потрясли и Нострадамуса, и трех его спутников. Пышные невиданные растения, которые заполнили поверхность почвы, начали колыхаться и гнуться, словно их раскачивал сильный ветер. Потом появился первый ребенок. Он на ощупь прокладывал себе дорогу среди растений, не обращая внимания на сидящих на земле чудовищ. Он просто не мог их видеть: у него не было глаз, а вместо рук висели тоненькие полоски плоти.

Через миг вслед за ним появился второй. Розовое тельце прыгало на тонких паучьих лапках, а личико было вполне симпатичным. Зато на личико третьего было невозможно смотреть. Оно высывалось из венчика огромного цветка. Тельце было все в крови, и из личика тоже сочилась кровь. Носа на нем не было, а глаза и рот терялись в переплетении пульсирующих, надутых вен.

— Что происходит? — в смятении вскричал молодой священник.

Но прежде чем кто-либо смог ему ответить, кошмар усилился. Сотни, если не тысячи детей появлялись из листвы. Одни хромали, другие подпрыгивали, третьи выползали из кустарника. У каждого имелись какие-либо изъяны, и подчас настолько абсурдные, что заставляли думать о нашествии демонов ада. Но это не были демоны: в их наивных, растерянных глазах с расширенными зрачками сквозило либо безумие, либо страх. С неба исчезли все звезды, но от окружавшей космос изогнутой и пропускающей свет поверхности шло сияние.

Нострадамус раскинул руки, приглашая спутников прижаться к нему поближе.

— Не бойтесь, — уговаривал он, — перед бедами и несчастьями всегда рождаются уродцы. А эти явно предвещают ужасную катастрофу.

Стоя на вершине скалы, человек в черном плаще, священник и женщина с содроганием глядели, как у их ног плещется море детей с различными уродствами и аномалиями. Растений было уже не видно под кучей маленьких тел. Ножки, вывернутые назад, мяли стебли, руки, слишком большие даже для взрослого, рвали головки цветов и траву. Толпа остановилась у подножия скалы и образовала сплошную поверхность из горбатых спинок. От этой массы исходило тяжкое, угрожающее сопение. Сияние начало меркнуть.

— И вы еще отрицаете, что служите дьяволу! — крикнул Нострадамусу человек в черном плаще. — Верните меня обратно в смерть!

— Вы сами не хотели умирать.

Голос человека в плаще осекся:

— Я служил Богу и никогда не думал, что окажусь в аду.

— А вы и не в аду. Настоящий ад на земле.

— Хорошо сказано, Мишель!

Голос раздался ясно и четко, словно его владелец находился совсем рядом, но он был еще далеко. Дети-уроды спешили дать ему дорогу, прихрамывая на ходу и расползаясь в разные стороны. Чтобы собрать воедино образ того, кто приближался, Мишелю понадобилось время. К нему, опираясь на длинную палку, подходил худой бородатый старик. В этот миг на темном небе зажглись расположенные пятиугольником пять звезд и небо осветилось, словно звезды родились специально, чтобы освещать старику дорогу.

Ульрих подошел к скале, и глаза его доброжелательно сияли. Он ткнул палкой в сторону Нострадамуса.

— Я знаю, ты здесь, чтобы помешать мне, но надеюсь, тебе хватает ума понять, что ничего у тебя не получится.

— Получится. Со мной они. — Нострадамус указал на своих спутников. — Помнишь, что ты сказал мне перед смертью? О слабом звене твоего замысла?

— Помню, но эти тебе не помогут. Они тебя ненавидят.

— Большие всех я ненавижу вас! — воскликнула женщина.

Дети-монстры вздрогнули, словно по ним прокатилась волна гнева.

Ульрих не обратил внимания ни на реплику, ни на существ, которые расступились

перед ним.

— У них нет твоего знания, Мишель. Они ничего не знают ни об этом небе, ни о трехстах шестидесяти пяти сферах, ни о восьмом тысячелетии, ни об зонах, ни об Архонтах. Абразакс для них — не более чем имя или, на худой конец, просто число.

Нострадамус пожал плечами.

— Это не важно: хватит и того, что знаю я.

Ульрих укоризненно наклонил голову.

— Ты упрямый, Мишель, и всегда таким был.

Он указал палкой на звездный пятиугольник на небе.

— Погляди сюда. Где-то тысяча девятьсот девяносто девятый год наступает, где-то уже наступил. Единственное, что мы можем исключить, — это то, что он не наступит никогда. Если же он наступает, то я победил, и ты это прекрасно знаешь. События, описанные в твоих стихах, изменить невозможно.

Нострадамус заметил, что вспотел. Это было очень странно, потому что вечная ночь холодна.

— Если здесь победу одержу я, то никакой Владыка ужаса на землю не явится. Ты уж и подавно.

Ульрих расхохотался, а за ним уродцы, и эхо этого смеха раскатилось по вселенной.

— До чего же ты наивен, Мишель, — сказал старик, когда приступ веселья прошел, — Ты не в состоянии даже истолковать свои собственные катрены. Ты решил, что Владыка ужаса — это я. Помнишь последнюю строку?

— Помню. — Нострадамус был озадачен, но виду не подал. — *Avant, Apres Mars regner par bon heur*.

— Знаешь, что это значит?

— Конечно знаю. Либо до, либо после седьмого месяца тысяча девятьсот девяносто девятого года война будет править именем счастья. То есть под прикрытием доброго дела.

Ульрих насмешливо кивнул.

— Вот именно. Тогда тебе следовало бы знать, кто такой Владыка ужаса. Ну же, это не так трудно!

Морщинистое лицо Ульриха снова растянулось в гримасе смеха. Толпа маленьких монстров рядом с ним тоже залилась лихорадочным, идиотским хохотом. Наверху пять звезд соединились светящимся следом в один огромный пентакль.

ГУГЕНОТЫ

— Мне очень жаль, мадам, но об этом не может быть и речи, — отрезал кардинал де Турнон, ожидая, пока расплавится сургуч в кастрюльке, которую паж поставил на огонь. — Маршал Пьетро Строрци, заклятый враг флорентийского правительства, и в самом деле отбыл на войну вместе с королем Генрихом. Но Екатерина Медичи всегда поддерживала врагов Козимо во Франции. Я помню, как она расплакалась, узнав об убийстве Лорензаччо в Венеции. Как же я смогу просить ее об амнистии Пьетро Джелидо, правой руки Козимо?

Катерина Чибо-Варано почувствовала, как глаза наполнились слезами. Она поморгала, чтобы стряхнуть их с ресниц, но они потекли еще сильнее. Влюбившись, она стала слишком чувствительной. Чтобы скрыть смятение, ей пришлось наклонить голову.

— А герцог де Гиз не может вмешаться? Он как раз вошел в силу при французском дворе. Не думаю, чтобы его совсем не интересовало, что происходит в Венеции...

— Это было бы еще хуже.

Сургуч наконец расплавился, и над ним вился дымок с острым, приятным запахом. Кардинал протянул пажу личную печать и письмо, адресованное Козимо Медичи.

— Во-первых, герцог де Гиз тоже на войне, во-вторых, он убежденный католик. А на Пьетро Джелидо, помимо ранения офицера его величества, лежит обвинение в лютеранстве. Надеюсь, вы понимаете, как это опасно в наше время. Никто при дворе и пальцем не

пошевелит ради вашего друга.

— Но Генрих Второй объявил о своем согласии с принципами лютеранства.

Турнон улыбнулся.

— Вы и вправду наивны. Уж не думаете ли вы, что наши периодические соглашения с берберскими пиратами означают симпатию к магометанству?

Он взял конверт из рук пажа, проверил точность и глубину оттиска печати и, оставшись доволен, положил конверт перед собой.

— Внешняя политика, мадам, порой вынуждена двигаться совершенно иррациональными путями. Любые альянсы годятся, если речь идет о защите или о расширении границ. Совсем другое дело — политика внутренняя.

— Словом, надежды нет? — с тоской прошептала герцогиня.

Кардинал бросил на нее отеческий взгляд, озаривший светом тонкие, правильные черты его лица, обрамленного гривой седых волос.

— Ну почему же? Все очень просто: если ваша дочь снимет с брата Джелидо обвинение в лютеранстве, останется только ранение офицера, а с этим мы легко справимся.

Катерина закусила губы.

— Джулия не хочет.

— И вы пустили в ход все методы давления, какими располагаете? Ведь прежде всего вы ее мать.

— Да, но она непреклонна. Она убеждена, что действует ради моего блага.

— Ну вот, вы сами видите, что я ничего не могу сделать.

Катерина без сил откинулась на спинку стула. Она возлагала большие надежды на эту беседу в элегантном епископском палаццо в Лионе, которое до прошлого года принадлежало Ипполиту д'Эсте. Карьера де Турнона началась именно в этом городе во время войны с Пьемонтом. Теперь он стал епископом и управлял аббатством Эней, самым богатым в регионе. Отсюда он, после короткого безвременья, наступившего после смерти Павла Третьего, управлял внешней политикой Франции.

Паж погасил огонь в печи, забрал все еще пытящую кастрюльку с сургучом и с поклоном вышел. По дороге он поднял пропитанную терпентином штору, закрывавшую единственное в гостиной окно. Теплое майское солнце осветило комнату, и картины, gobелены и бархат заиграли яркими цветами.

Благожелательное лицо кардинала слегка омрачилось.

— Теперь, герцогиня, перейдем к более важным вещам. В письме Козимо Медичи, которое вы мне привезли, меня более всего заинтересовала одна фраза: «Я не сделаю ни одного движения в ущерб его величеству». Я расценил ее как декларацию нейтралитета.

Уже успевшая взять себя в руки Катерина энергично отозвалась:

— Это так и есть. Козимо не хочет войны с Францией.

— Франция тоже не расположена с ним воевать. Это ясно сказано в ответе, который я вам доверяю. Однако всем известно, что Козимо Медичи двойными узами связан с Карлом Пятым и никогда не осмелится изменить Испании.

— Это так, да он и сам этого не отрицает. Поэтому он предлагает не альянс, а договор о взаимном ненападении.

— Я ценю вашу искренность, но такие договоры весьма недолговечны, а мой король нуждается в более конкретных обещаниях. Поэтому я решил не полагаться на дипломатическую почту, а доверить письмо к Козимо вам. Хватит у вас на это сил?

Катерина очень удивилась и уточнила:

— Я сделаю все, что пожелаете, ваше преосвященство. Но вы прекрасно знаете, что на мне тяготеет отлучение...

— О котором никто не помнит.

— Но о нем помню я и, конечно же, помнит Козимо: не думаю, что он разрешит мне въезд в Тоскану. Он пользуется моими услугами только на расстоянии. Прямым же его агентом как раз и был Пьетро Джелидо.

Турнон подумал несколько мгновений, потом сказал:

— Вы правы, может, и нет нужды вам самой ехать в Тоскану. Вы не слышали разговоров о страсти Козимо Медичи к астрологии и оккультным наукам?

— Нет, я ничего об этом не знаю.

— Он настолько этим увлечен, что с помощью услужливых астрологов поменял свой знак зодиака с Близнецов на Козерога. Один из них, Габриэле Симеони, постоянно курсирует между Флоренцией и французским двором и часто бывает в Лионе. Если вы не чувствуете себя готовой отправиться к Козимо самой, можете передать письмо ему.

— Почему именно я? Простите, ваше преосвященство, но если вы с ним знакомы, то почему бы вам самому не передать письмо?

Лицо Турнона расплылось в благодушной улыбке.

— Ну же, герцогиня, проявите проницательность! Я ведь только что сказал, что этот Симеони принят при дворе Екатерины Медичи вместе с остальными магами, алхимиками и колдунами. Разве вы не ищете человека, который смог бы заинтересовать королеву судьбой дорогого вам монаха? Может, Симеони и есть тот самый человек.

Катерина была тронута. Впервые для нее старались что-то сделать, а взамен просили так мало. Глаза ее снова наполнились влагой. Она поднялась, взяла у кардинала письмо и постаралась внимательно запомнить, где и как найти Габриэле Симеони, когда он снова появится в Лионе. Потом склонилась в прощальном поклоне, прикрыв рукой вырез платья. Когда-то такой жест был бы для нее немыслим, а теперь сделался привычным, потому что складки на стареющей коже становились все глубже. Кардинал же усмотрел в нем почтение к своей особе.

Турнон вызвался проводить ее до выхода из епископства.

— Конечно, Симеони нельзя полностью доверять, — сказал он у порога. — Но он честолобив и, чтобы угодить Козимо, готов на все, даже выказать себя честным человеком. Симеони способен на любую выходку: он встанет на защиту брата Джелидо, лишь бы только его заметили при дворе.

Катерина слабо улыбнулась.

— Не знаю, как выразить вам мою благодарность, ваше преосвященство. Несмотря на все мои тяжкие преступления, вы так добры ко мне.

— Герцогиня, в обличье дипломата я ежедневно совершаю гораздо более тяжкие преступления. Чаша весов с моими преступлениями перетянет вашу. Можете считать меня вашим искренним другом еще и поэтому.

Катерина спустилась по ступеням палаццо и подошла к ожидавшей ее коляске. Кучер, прислонясь к открытой дверце, насвистывал и разглядывал кишашую на площади толпу. При виде герцогини он встрепенулся и приосанился.

— Куда вас отвезти, герцогиня?

— В квартал ткачей.

Кучер заколебался.

— Но это место не для дамы!

— Вы что, боитесь?

— Я-то не боюсь, а вот вы...

— Я тоже. Поехали.

Миновав кварталы аристократов и буржуа, они въехали в рабочий квартал. Первые улицы выглядели вполне прилично. Общая работа вынуждала ткачей жить в одном квартале, но жилища их различались согласно внутренней профессиональной иерархии. Коляска ехала мимо маленьких лавочек и крупных мануфактур, мимо мастерских красильщиков, вытянувшихся вдоль Роны. По дороге попадались и аккуратные дома, и жалкие лачуги с соломенными крышами и покосившимися балками. И общей для всего района была необыкновенная грязь на улицах, по которым текли ручьи нечистот, окрашенных в разные цвета.

Многочисленные таверны отличались неопрятностью, тем не менее изобилия

проституток, нищих и прочих темных личностей на порогах не было. Днем они предпочитали промышлять в более прибыльных районах города. Зато заполняли таверны по вечерам, когда в свои жилища возвращались рабочие, у которых раз в неделю в карманах водились деньги. Определенную опасность для женщин более высокого общественного ранга представляли собой рабочие, искалеченные на производстве, или безработные, основную пищу которых составляло вино, купленное неизвестно на какие средства.

В Лионе производили ткани среднего качества. Они не отличались ни роскошью фламандских, ни дешевизной и практичностью флорентийских. В силу этого городская ткацкая индустрия часто претерпевала кризисы, из которых выходила, урезая рабочим зарплату или вовсе увольняя и обрекая на нищету. Отчасти из-за постоянного отстаивания своих экономических интересов, отчасти от воздействия алкоголя, кварталы ткачей всегда находились в брожении. Поэтому не случайно здесь на улицах часто попадались верховые патрули.

Катерина подождала, пока проедет такой патруль, и вышла из коляски. Кучер отказывался ее дожидаться, и ему пришлось пообещать щедрые чаевые. Герцогиня очутилась в кривом переулке, среди одноэтажных домишек из неотесанного камня.

Ей пришлось приподнять края юбки, чтобы не запачкать ее уличными нечистотами. Следующим этапом короткого «крестного пути» было кривлянье и улюлюканье мальчишек, которые возились в грязи, от души наслаждаясь жизнью. Наконец она оказалась перед лачугой, такой же жалкой, как и остальные, только чуть менее запущенной. Вместо двери висела выцветшая занавеска. Герцогиня отодвинула ее и вошла.

В просто обставленной, чуть темноватой комнате у стола сидел Пьетро Джелидо и беседовал с каким-то господином в черном костюме, с тонким бледным лицом. При виде Катерины незнакомец вскочил и вежливо поклонился. В отличие от него старая служанка, зажигавшая свечу в нише перед образом, даже не обернулась.

— Катерина, позвольте представить вам Мигеля де Виллануэва, испанского философа, которого во Франции называют Мишель Серве. — Он обернулся к гостю. — Сеньор, это Катерина Чибо-Варано, флорентийка. Она не разделяет моей веры, но немало пострадала по вине пап, которые подвергли ее отлучению. В сущности, она такая же изгнанница, как и вы.

Испанец снова поклонился.

— Герцогиня, если при всех ваших бедах вы сумели сохранить такую красоту, значит, Господь открыто поддерживает тех, кто у Рима в немилости.

Катерину покорили и слова, и изысканность, с которой их произнесли. Всего несколько лет назад комплименты ее не волновали, зато теперь она в них остро нуждалась. Она с ослепительной улыбкой повернулась к философу:

— Чувствую, что помешала вашей беседе, и мне, право, очень жаль. Если пожелаете, я могу вас покинуть.

— О, я вовсе этого не желаю, — галантно ответил Серве.

Пьетро Джелидо указал Катерине на колченогий стул.

— Садитесь, нам осталось обсудить совсем немного. В нашей беседе нет ничего такого, что вы не могли бы слушать.

Катерина постаралась сесть в тени, так, чтобы испанец ее видел, но чтобы морщины у нее под глазами и у рта не бросались ему в глаза. Пьетро Джелидо подождал, пока она усядется, потом указал служанке на пустой графин.

— Мария Луиза, принесите еще вина! — Потом внимательно поглядел на Серве. — Как я уже говорил, вес, который мы обрели нынче во Франции, не избавляет нас от преследований. Мне доподлинно известно, что двое архиепископов из четырнадцати и девять епископов из ста одного готовы обратиться в кальвинизм. Мы располагаем также двадцатью священниками, проживающими в разных местах Франции. Один из главных консисториев находится в Лионе, однако, сами видите, я вынужден принимать вас в лачуге. Даже синоду провинций негде собираться, кроме как в таких неприглядных местах. А для того, чтобы созвать национальный синод, нам потребуются годы.

Мишель Серве кивнул.

— Понимаю. И так повсюду?

— К счастью, нет. Не во всех провинциях выполняются приказы Генриха Второго, и не везде инквизиции удастся внедрить свою шпионскую сеть. Но здесь, в Лионе, действует главный инквизитор Франции Матье Ори. Вам о нем кое-что известно.

— Да, это фанатик, способный на любую жестокость. К сожалению, он одарен необычайно тонким умом, и это выделяет его из общей массы священников и инквизиторов. — Серве соединил кончики пальцев. — Брат Джелидо, бежав во Францию от испанской инквизиции, я надеялся найти здесь более толерантный климат, но убедился, что это не так. По счастью, я нашел здесь сильное сообщество гугенотов, способное противостоять папским догмам. Я прошу вашей помощи, друг мой. Не вашей лично, а помощи той сети взаимовыручки, которой располагают французские протестанты.

В этот момент вошла служанка с графином вина и поставила его на стол. Однако никто к вину не прикоснулся. Пьетро Джелидо наморщил лоб.

— Именно ради дружбы я бы и хотел быть искренним. Я прочел рукопись, которую вы мне привезли: «Возвращение христианства». Не знаю, удалось ли вам найти издательство...

— Пока нет. Все типографы мне пока отказали. Я надеялся найти какого-нибудь смельчака здесь, в Лионе.

— Понятно. Но должен вас огорчить: никто за это не возьмется, ибо ваша рукопись — сплошное богохульство. Вы отрицаете божественную природу Христа. Вы нашли сочувствие у нас, реформаторов, потому что мы тоже считаем, что вино причастия не может быть кровью Спасителя. Но это единственное, в чем мы сходимся. Не питайте иллюзий: в наших глазах все ваши теории отмечены тяжким грехом, и вы не найдете понимания у нас, как не нашли его у католиков.

Пьетро Джелидо говорил жестко, но глаза Серве, время от времени обращавшиеся к Катерине, успокаивались и теплели.

— Я не претендую на то, чтобы вы разделяли мою позицию, — вежливо сказал он. — Я обратился к вам, гугенотам, потому, что вы тоже жертвы нетерпимости, которая в любой миг может обрушиться на меня. Я обращаюсь к вашему христианскому милосердию и свободе мысли, которую вы так мужественно защищаете. Поможете ли вы мне в случае необходимости добраться до Женевы или другого немецкого княжества с лютеранским вероисповеданием? Разумеется, кроме тех, у кого соглашение с Генрихом Вторым.

Катерина почувствовала огромную симпатию к этому человеку, который все чаще бросал в ее сторону восхищенные и слегка развязные взгляды. Она умоляюще посмотрела на Пьетро Джелидо.

— Помогите ему, Пьетро! Ясно, он этого заслуживает! Вам это ничего не стоит, а для многих послужит доказательством того, что вы делаете доброе дело.

Серве послал даме ослепительную улыбку.

— Мадам, вы так же великодушны, как и прекрасны. Я буду вечно вам благодарен.

Помимо воли Катерина слегка покраснела.

У Пьетро Джелидо заходили желваки на скулах, и он процедил сквозь зубы:

— Ладно. Учítывая, что вы просите за него с такой страстью... — Он взглянул на Серве и решительно сказал: — Сударь, в случае опасности можете рассчитывать на безусловную поддержку реформатской церкви Франции в достижении безопасного места. А теперь идите и старайтесь держаться поближе к стенам. В этих трущобах уже наверняка заметили ваше элегантное платье. Остерегайтесь шпионов Ори. Они шныряют повсюду.

Серве поднялся.

— Не беспокойтесь, я буду осторожен.

— И на будущее тоже. Если я понадобится, вы знаете, где меня найти. Только потрудитесь явиться в костюме нищего или рабочего.

— Непременно. Нет нужды говорить, насколько я вам благодарен. — Серве поклонился сначала Пьетро Джелидо, потом герцогине. — Что же до вас, мадам... Когда я занимался

медициной и изучал систему кровообращения, я повидал много сердец, но такого прекрасного — никогда. И ни одно сердце не умеет, как ваше, заставить другие сердца трепетать с ним в унисон.

Комплимент прозвучал странно, даже неуклюже, но Катерину тронул необычайно. Она бы почувствовала, как задрожали у нее ноги, если бы не отвлеклась на внезапно возникшее видение. Ей привиделся Кардано, который бежал по долине близ Павии и что-то кричал, а что — она не могла разобрать. Почему Кардано? Может, потому, что он был врачом, как и Серве?

Она осталась сидеть и смущенно поклонилась испанцу, а он взял ее руку и нежно поцеловал.

Пьетро Джелидо на несколько мгновений застыл со скрещенными на груди руками, потом сделал знак служанке:

— Уходи, исчезни! Спустись в погреб или еще куда, но быстро!

Женщина повиновалась. Несмотря на смущение, Катерина поняла, что приближается буря. Она постаралась заговорить с легкостью, но поняла, что совладать с голосом не удастся:

— Я была у кардинала. Мне необходимо встретиться с одним магом, неким Симеони, который...

Пьетро Джелидо подошел и нацелил на нее дрожащий от гнева палец. Он был в бешенстве.

— Вы! Вы отдаете себе отчет, что вы шлюха из таверны? Отдаете?

Катерина испуганно отшатнулась.

— Почему ты... почему вы так со мной разговариваете? Что плохого я сделала?

— Вы при каждом случае повторяете, что любите меня, что я для вас — все. А потом, едва заезжий красавчик заставит вас на миг позабыть о том, что вы старуха, тут же начинаете строить ему глазки. Думаете, я не заметил, что вы специально сели так, чтобы не было видно ваших морщин? Как размалеванная проститутка, что таскается по кабакам...

Катерина расплакалась. Она закрыла лицо руками и опустила голову на грудь, в надежде, что волосы, упав вниз, прикроют ее беззащитность. В попытке хоть как-то сохранить достоинство ей удалось пробормотать:

— Ты... никогда не хотел моей любви. Ты всегда меня отталкивал, кроме тех случаев, когда ревновал.

— Я никогда не добивался от вас любви плотской и грешной и никогда не стану добиваться. Да и какую любовь вы можете мне дать, в вашем возрасте? — Пьетро Джелидо возвысил голос: — Какую? Отвечайте!

Катерина рыдала, упав головой на стол. Пропать ужаса поглотила ее. Но она чувствовала, что зло, которое причиняет ей сейчас Пьетро Джелидо, — в каком-то смысле форма близости. Если она совсем откажется от собственного достоинства, может, тогда... Но на это она не была способна, хотя внутренний, совсем чужой, голос настойчиво этого требовал.

Она вдруг подняла залитое слезами лицо.

— Правда, я согрешила. Казните меня, накажите, как захотите.

Это был отчаянный призыв хоть к какому-то общению, пусть основанному на боли, которое позволило бы избыть тоску. Но разжалобить Пьетро Джелидо было невозможно. Он отрицательно покачал головой.

— Вы что-то часто об этом просите. Искушайте вину сами, я вам в этом не помощник, — Он указал на графин. — Пейте, пейте допьяна. Может, хоть это вам поможет избавиться от роли юной соблазнительницы. В пьяном виде вы будете не так смешны, как несколько минут назад.

Катерина машинально протянула руку к стакану. Она снова услышала, как Кардано

что-то говорит о Беллерофонте и Прете³², но ничего не поняла. Понимала только, что притаившийся где-то вдали Молинас внушал ей, что она должна себя страшно покарать.

ПРОРОЧЕСКИЙ ЭКСТАЗ

Мишель был в полном рассудке, но ему не удавалось контролировать ни мысли, ни движения тела. Он яростно лягнул тазик с водой, в котором держал ноги, и тот отлетел в угол. Из широко раскрытого рта текла слюна, и ее потоки то уменьшались, то увеличивались, вместе со стонами, слетавшими с его губ. В скрюченных страхом пальцах правой руки он сжимал лавровую веточку.

Он видел непостижимые миры, вращавшиеся вокруг неподвижных звезд. Отсюда Земля казалась ему крохотным комочком грунта с водой, и этот комочек располагался, вопреки всем теориям Коперника, в центре Вселенной. Перед ним проносились сцены разрушений, бедствий, чумных эпидемий. Корабли бороздили моря, ища встречи с противником, сверкали кинжалы в руках убийц, свергнутые властители чередовались с теми, кто еще властвовал и занимал свое опасное место.

Без Парпалуса, который, как призрак, висел в темноте и непрестанно ему нашептывал, он никогда бы не понял смысла этих видений. Речь Парпалуса состояла не из слов, а из неясного бормотания, пощелкивания и гортанных звуков. Да и какой еще язык годился для описания непостижимого ужаса этой пропасти?

Вдруг на речь Парпалуса наложился другой голос, знакомый и нежный:

— Мишель, так больше нельзя! Ты пугаешь и меня, и девочку! Приди же в себя!

Мишель встряхнулся и открыл глаза. Положив ему руку на лоб, над ним склонилась испуганная Жюмель. В глазах ее стояли слезы.

Мишель моргал глазами до тех пор, пока лицо жены не перестало расплываться. Со временем она становилась все краше, и даже страх не мог погасить блеска этой красоты. Мишель загляделся на черные волосы, грациозно разметающиеся по ночной сорочке. Но теперь было не время любоваться женой. Он поставил мокрые ноги на пол и встал. Бронзовый стул наклонился и с грохотом рухнул.

Услышав грохот, Жюмель испуганно поднесла сжатые кулаки к щекам. Мишель улыbnулся:

— Не бойся, милая. Ты же знаешь, со мной это происходит каждую ночь.

— Знаю, но мне все равно страшно. Ты был без сознания, а эта штука продолжала вертеться.

Она указала на столешницу, где рядом с астрольбией бешено крутилось кольцо. Мишель прихлопнул его ладонью и обмакнул перо в чернильницу.

— Прошу тебя, оставь меня одного, я скоро приду. Мне надо записать то, что я видел.

Жюмель прижала сложенные руки к груди.

— Ты себя убиваешь. Раньше видения посещали тебя от раза к разу, а теперь каждый день, хотя ты не принимаешь никаких снадобий.

— Снадобья были нужны лишь для того, чтобы открыть путь. Теперь дверь открыта, и мне надо только в нее войти.

— Но ты стал пленником Ульриха и другого чудовища, Пентадиуса! Они заставляют тебя делать то, что нужно им, а не тебе.

Мишель наморщил лоб.

— Нет, Жюмель, клянусь тебе. Я не пытаюсь сопротивляться ночным видениям, потому что хочу предотвратить трагедии, которые могут спровоцировать Ульрих и другие иллюминаты. И предотвратить не столько для нас, сколько для потомков.

³² Согласно греческому мифу, царь Прет отправил Беллерофонта на смерть, чтобы завладеть его возлюбленной. (Прим. перев.)

— Потомки меня мало волнуют. Меня волнуешь ты и твоё здоровье.

— Но всё связано воедино! — Мишель тряхнул головой. — Вряд ли ты сможешь понять, и не только ты, но и большинство простых смертных. Ульрих нашел способ входить в те районы космоса, где «сначала» и «потом» — одно и то же, а причины и следствия взаимозаменяемы. Значит, он способен наблюдать Вселенную с высшего пункта, с той точки, с которой её видит Бог. И это очень опасно, потому что устремления Ульриха имеют демоническую природу.

— И Бог не вмешивается? Не пытается ему помешать?

— А кто мы такие, чтобы толковать намерения Создателя? Это он наделил людей пророческим даром, то есть возможностью взглянуть на мир с его точки зрения.

Мишель стряхнул в чернильницу каплю чернил, которая собиралась капнуть с пера.

— И человек старается использовать этот дар, как и прочие дары Бога, так, как ему кажется лучше. И сам решает, во зло или во благо.

Жюмель скорчила изящную гримаску.

— Ты рассуждаешь, как кюре. Мне священники никогда не нравились. Когда я занималась любовью за деньги, они всегда торговались и были самыми порочными из всех.

Мишель улыбнулся такому неожиданно прозаическому повороту разговора.

— Значит, ты согласна с гугенотами, ведь они утверждают, что священникам надо жениться.

— Это бы их успокоило. Только гугеноты ещё хуже: сначала они с тобой занимаются любовью, а потом за это обвиняют тебя во всех грехах.

Мишель искренне забавлялся.

— Вижу, что ты свою милую щелку готова сделать мерилем всего на свете, даже понятий теологических.

— Это вы, мужчины, вокруг того, что ты называешь «милой щелкой», нагородили кучу философских споров, — Жюмель подмигнула, — Если ты и сейчас не прочь поискать невесть какую истину, то момент самый подходящий. Магдалена заснула. Когда ты тут орал, она заплакала, а теперь её не слышно.

Мишель хоть и правда был не прочь, но отрицательно покачал головой.

— Нет, милая, я приду позже. Теперь мне надо записать всё, что я видел. — Он сел на скамью и взял листок из стопки на краю стола.

— Ладно, ладно. Истина подождет, если я, конечно, не засну.

Ещё год назад Жюмель запротестовала бы, но теперь она привыкла к странностям мужа. Ей хватало той теплоты отношений, что восстановилась между ними.

— Но разве ты не видишь, что Ульрих накладывает на тебя ограничения? Он продолжает тебя наставлять.

— Не будь несправедлива. Помнишь, когда Ульрих явился ко мне, он потребовал, чтобы я не публиковал своих пророчеств? Я же только к тому и стремлюсь: рано или поздно их опубликовать, чтобы люди знали, что с ними должно случиться. А потом пусть он делает, что хочет.

Всё ещё говоря, Мишель начал изящным, замысловатым почерком выводить на бумаге строчки, объединенные по четыре. Жюмель поняла, что ей пора уходить, но, рискуя рассердить мужа, бросила взгляд на листок. Катрен, который она прочла, показался ей бессмыслицей:

Le crois? frere par amour effren?e
Fera par Praytus Bellerophon mourir
Classe ? mil ans la femme forcen?e
Beu le breuvage, tout deux apr?s perir.

Брат крестоносца из-за любви неистовой
Через Прозтуса убьет Беллерофонта.

Тысячелетний флот безумной женщиной погублен.
Напиток выпив, оба погибают³³.

— Что, черт побери, это означает? — не удержавшись, спросила она.

Мишель продолжал лихорадочно писать, словно им двигала какая-то потусторонняя сила. Только закончив пятый катрен, он устало посмотрел на жену.

— А, ты еще здесь... — отрешенно пробормотал он, не испытав ни малейшего раздражения.

Однако интерес, проявленный ею к катрену, его немного встряхнул.

— А что тебе интересно узнать?

— Что означают эти стихи? Я говорю о самом первом катрене.

— Ты согласишься, если я скажу, что и сам толком не понимаю?

Он положил перо рядом с чернильницей, поднес листок к глазам и прочел то, что написал.

— «Crois? fi?ge», наверное, монах, сраженный любовью. И эта любовь доведет его до того, что он через подставное лицо подстроит чью-то смерть, видимо соперника. В греческой мифологии Прет, царь Арго, из-за ревности посылает на смерть своего кузена Беллерофонта к царю Лидии Иобасту³⁴.

— И ты надеешься, что в этих сложных намеках хоть кто-нибудь разберется?

— Кто-нибудь да разберется. Я же разобрался, — ответил слегка уязвленный Мишель.

— Это потому, что ты в это вдумывался. Идем дальше: «Classe ? mil ans». «Classe» — это флот, я знаю.

— Или, в более широком смысле, войско.

— Хорошо, но почему «тысячелетнее»? Непонятно.

Мишель внимательно поглядел на листок и закусил губу.

— Может, я хотел написать «a Milano», то есть в Милане. Там сейчас находится французское войско.

— Вот-вот, так понятнее. И дальше тоже: сумасбродная женщина, наверное его возлюбленная, отравится вместе с ним. Так?

— Думаю, так.

Мишель подыскивал подходящие слова, чтобы объяснить жене свои соображения.

— Понимаешь, Жюмель, я не вполне себя контролирую, когда пишу. Я вижу видения, и эти строки — образы, внушенные видениями. Когда же видения исчезают, я пытаюсь их запечатлеть как можно точнее, и иногда получается, что для этого прекрасно подходят тексты античных авторов, к примеру Петра Кринита. Но по большей части мои катрены как бы пишутся сами собой, словно мне их кто-то диктует.

— Кто диктует?

Мишель вспомнил Парпалуса, но не захотел пугать жену.

— Да никто. Я так говорю, чтобы было понятнее.

Жюмель кивнула, но явно осталась в недоумении.

— Кажется, поняла: у тебя бывают видения, и ты переводишь их на язык поэзии. Верно?

— Более-менее верно.

— Но некоторые катрены говорят о том, что уже произошло, а не о будущем. — Наклонившись, она старалась через плечо мужа прочесть второй катрен: — «Urnel Vaucile sans conseil de soi mesmes...» Нет, у тебя слишком непонятный почерк. Читай сам.

³³ Катрен XIII, центурия X. Перевод Л. Здановича.

³⁴ Видимо, в текст закрались ошибки: 1) Прет был царем Тиринфа, а не Арго; 2) русскоязычный читатель больше привык к имени Иобат, а не Иобаст; 3) Иобат был царем Ликии, а не Лидии. (Прим. перев.)

Мишель послушно взял второй листок и удивился: он не помнил, чтобы записывал эти строки.

Urnel Vaucile sans conseil de soi mesmes
Hardit timide, par crainte prins, vaincu,
Acompagn? de plusieurs putains blesmes
A Barcelonne aux chartreux convaincu.

Самодостаточная Урна Вокля, сама в себе,
Таит отвагу и боязнь преодоленные.
В сопровождении шлюх нескольких поблекших
Найдут пристанище в аббатстве у картезианцев
В Барселоне³⁵.

— Вот видишь? — уличила его Жюмель, — Здесь говорится не о будущем, а о том, что случилось много лет назад, когда короля Франциска Первого взял в плен Карл Пятый и заточил в Барселоне. Разве не так?

— Может, и так, — неуверенно ответил Мишель.

— Да без всяких «может быть». Известно, что император, чтобы его успокоить, послал ему девчонок. Известно также, что одна из них покоится с ним рядом в монастыре картезианцев. Разве не так?

— Так, — ответил Мишель, слегка ошарашенный. — Но не могу сказать, относится ли мой катрен именно к этому факту.

— А на мой взгляд, дело очевидное. «Гордый, но робкий, попавший в плен от страха, побежденный»: это, конечно, Франциск Первый. А вот первая строка словно бы составлена из случайных слов. «Urnel Vaucile sans conseil de soi mesmes». Может, ты хотел написать что-то совсем другое?

Мишель подумал и ответил:

— Думаю, нет. Два первых слова написаны на романском языке. Первое означает «мочиться», второе — «бродяжничать», то есть «передвигаться без цели». Теперь понимаешь смысл?

Жюмель сначала удивилась, а потом расхохоталась. Чтобы успокоиться, ей пришлось зажать рот рукой.

— Ясное дело, понимаю! Бедный король описался, то есть дал струю под себя! Теперь понятно, что значит «sans conseil de soi mesmes»: «не отдавая себе отчета»!

В Мишеле нарастало раздражение.

— Это нормальная реакция при испуге. Тебя это так смешит?

— Ужасно! — Жюмель вытерла набежавшие от смеха слезы, — Представляю себе Франциска, который писает под себя, как осел: кто знает, может, с ним это случилось при испанцах!

Мишель забрал листок со стола, резко вскочил и сурово взглянул на жену.

— Хватит, тебе пора спать. Ты так расшумелась, что Магдалена вот-вот проснется.

— Иду, иду, — Жюмель все никак не могла успокоиться. — Еще только один вопрос.

— Что за вопрос?

— Да тот, что и был: почему твои пророчества относятся не к будущему, а к прошлому?

³⁵ Катрен XIV, центурия X. Перевод Л. Здановича. Конечно, «Урна Вокля» — понятие шаткое, да и весь катрен переведен весьма неточно. Если попытаться перевести его по следам трактовки Эванджелисти, учитывая при этом, что Нострадамус сплошь и рядом пользовался инверсиями, то получится примерно следующее: «Нахальный и трусливый, попавший в плен со страху / Был в Барселоне у картезианцев обнаружен / В компании множества увядших шлюх / Метался и мочился произвольно». (Прим. перев.)

— Я же уже говорил, что это не совсем так. Чем ближе к Богу, тем более унифицируется время. Прошрое и будущее смешиваются, а настоящего вовсе не существует. Эту точку зрения Ульрих и хотел навязать человечеству, прекрасно понимая, что она ведет к безумию.

Немного успокоившись и не желая разрушить взаимопонимание, которое их так сблизило, Мишель добавил:

— Я знаю, что все это очень трудные понятия, потому и решил выражать их только средствами поэзии. Ведь поэзия — язык Бога, в то время как проза — язык людей.

В этот миг с нижнего этажа послышался плач Магдалены.

— Ну вот, захныкала наша девочка, — сказала Жюмель, — Надо срочно спускаться.

Она уже направилась к лестнице, но на площадке остановилась.

— Знаешь, Мишель, иногда и вправду кажется, что некоторые твои стихи вдохновлены Богом. Но есть такие, которые явно нащептал хитрый и злобный демон. Король описался... Ой мамочки! — И она сбежала вниз, чтобы снова не расхохотаться.

Мишель посмотрел ей вслед без злости, но с огорчением.

Он подумал, что, если Магдалена всерьез расплачется, ее не так-то легко будет успокоить. И сладостное занятие, которое они с Жюмель планировали на сегодня, придется опять, в который уже раз, отложить.

Он снова уселся за стол и вздохнул, стараясь не обращать внимания на острую боль в паху, которая возникала всякий раз, когда эрекция не находила выхода. Взяв листок с катренами, он запоздало посыпал его песком, служившим в те времена промокашкой, и положил в стопку с другими листками, исписанными его неровным почерком.

Теперь ему надо было составить натальные карты клиентов, что придут утром за своими гороскопами. На чистом листке он начертил квадрат, расположив его ромбом, и начал уже вычерчивать треугольники домов³⁶, как вдруг услышал какой-то шорох и обернулся.

Уже несколько месяцев к нему навевывался рыжий котенок, который прокрадывался на чердак по крышам. Теперь он уселся на подоконник и вылизывал себе лапы. Обычно Мишель готовил ему какое-нибудь угощение, но сегодня забыл. Он поискал мисочку, куда наливал молоко и клал еще что-нибудь: кусочек хлеба, сыра или мяса.

Наклонившись за мисочкой, Мишель краем глаза увидел нечто такое, от чего дрожь пробежала по спине: во рту у кота виднелось еще живое жирное насекомое. Он выпустил добычу из зубов и начал с ней играть, подцепляя лапками. В тот же миг над башней перед окном вспыхнул яркий свет, озаряя все вокруг.

Мишель встревоженно поднялся на ноги. У него в мозгу всплыли строки о Гелиополисе, Городе солнца, которые он написал в книге об иероглифах Гораполлона:

En la cit? du soleil est hymaige
Du dieu en forme d'ung chat et trente doigtz
A l'escarbot monstrant par tel ouvraige
Que trente jours obtient ung chascung moys.

В Городе солнца есть статуя бога
В виде кота. У жука-скарабея
Можно увидеть там тридцать когтей:

³⁶ Натальная карта, или карта рождения, представляет собой карту Солнечной системы в момент рождения человека. Дом — умозрительно вычерченная территория небесного свода, куда в определенное время попадают разные планеты. В астрологии расположение домов показывает, как личность проявляет себя в мире. (Прим. перев.)

В месяце каждом по тридцать есть дней³⁷.

Бог с кошачьей головой и тридцатью пальцами. Вспышка света померкла, и ночь снова воцарилась над башней Эмперы, но сердце Мишеля все еще бешено колотилось. Он осторожно подошел к котенку, который в пылу игры умертвил-таки насекомое. Мишель боялся увидеть на подоконнике скарабея, *escarbot*. Это означало бы, что рядом находится кто-то из иллюминатов, возможно сам Ульрих.

Он с нетерпением вытянул вперед голову, и у него вырвался вздох облегчения. Насекомое, с которым играл котенок, оказалось всего лишь тараканом. Забавляясь собственным страхом, Мишель погладил котенка по спинке и ласково сказал:

— Что за гадость ты хочешь съесть? Подожди, я тебя угощу кое-чем получше.

Он снял с полки горшок с кислым молоком и налил его в мисочку. Едва завидев молоко, котенок бросил замученную жертву, спрыгнул в комнату и принялся жадно лакать.

Мишель снова погладил его и взглянул в окно. Сполох света над башней легко объяснялся: было уже очень поздно, и лучи близкого рассвета могли, скрещиваясь друг с другом, на миг озарить небо. Магия была тут ни при чем.

Котенок все съел и, увидев, что больше ничего не дадут, одним прыжком взлетел на подоконник. В два других прыжка он исчез за крышами.

Успокоенный Мишель наклонился, чтобы забрать пустую мисочку, как вдруг увидел свой плащ. Он сбросил его, когда вечером входил в чердачную комнату. Плащ остался на прежнем месте, но теперь висел в воздухе параллельно полу. Не было ни малейшего ветерка, который мог бы поднять его над землей.

Горло Мишеля сжалось от ужаса. Он опустил глаза на стол: кольцо бесшумно крутилось вокруг своей оси. Тогда он понял, что в комнате хозяйничала мощнейшая энергия, исходившая от невидимого источника. Тяжело дыша, он несколько раз перекрестился, потом крикнул:

— Ульрих, я знаю, что ты здесь! Подай же знак!

Ответа не последовало, только содрогнулись и застучали все находившиеся в комнате предметы. Мишель понял, что дело дошло уже не просто до угроз: это был вызов. Борясь со страхом, он скрестил руки на груди и выступил на середину комнаты.

— Я опубликую все свои пророчества, Ульрих, — отчеканил он, сверля глазами невидимого врага. — И никакой демон не сможет этому помешать, даже ты.

Стук прекратился. Плащ упал на пол. Кольцо еще немного покрутилось, потом с тихим звоном улеглось на столе и замерло.

ВОЕННАЯ ХИТРОСТЬ

Приводя себя в порядок, Катерина думала, сколько же лет она не занималась любовью. Много, и никогда ей еще не было так хорошо. Быть может, необычайные обстоятельства придали особый вкус событию, которое в юности было ей неприятно, а в зрелые годы воспринималось как абсолютно лишнее. Отчасти в этом была заслуга деликатного и чуткого партнера. Мишель Серве отвернулся, чтобы натянуть штаны, потом с нежностью посмотрел на нее:

— Благодарю вас, друг мой. Я знаю: чтобы прийти ко мне в тюрьму и удалить стражу, вы заплатили немалую сумму. Моя благодарность за этот поступок — ничто в сравнении с тем мигом счастья, что вы мне подарили.

Она улыбнулась, застегивая лиф.

— Вы говорите так, словно я помогла вам удовлетворить жизненно важную

³⁷ Послание Нострадамуса: Истолкование иероглифов Горapolлона. Перевод О. Суворовой, Е. Булановой, Л. Рогожниковой. М.: АСТ; Астрель, 2004.

потребность: накормила и напоила. Надеюсь, что между нами состоялось нечто большее.

— О, конечно большее! — со страстью воскликнул Серве. — Я полюбил вас сразу, как только увидел впервые. И мои неловкие слова были призваны выразить вам, как высоко ценю я ваше мужество. Мне кажется, любовь впервые проникла в застенки инквизиции.

На самом деле обычные тюрьмы были настоящим адом, но для некоторых узников делали исключение. Они пользовались известной свободой, и к ним впускали жен и возлюбленных. Застенки инквизиции пользовались дурной славой из-за строгости содержания заключенных. Инквизиторы были убеждены, что строгий режим, *carceris arctus*, дисциплинирует и побуждает виновных сознаваться, а свидетелей давать показания. Матье Ори, который из Лиона управлял всей французской инквизицией, горячо поддерживал эту теорию.

Катерина кивнула:

— Я тоже думаю, что сюда впервые пробралось чувство.

И, словно желая отметить такое завоевание, она бросила на землю платок, которым только что стерла с тела следы страсти Серве.

— Однако для вас, Мишель, этот случай станет последним: дальше вы будете наслаждаться моей любовью уже на свободе.

Серве ошеломленно на нее взглянул.

— Не хотите же вы сказать, что вам удалось убедить стражу выпустить меня! На это не хватило бы всей королевской казны.

— Даже и не пыталась. Подкупить удаюсь только одного стражника, об остальных позаботится Пьетро Джелидо. Как только я уйду и начнется вечерняя служба, он возьмется за дело с отрядом гугенотов.

Серве приподнял бровь.

— Говорите, Пьетро Джелидо? Не думаю, чтобы он питал ко мне дружеские чувства, особенно после нашего свидания.

— О, он убежден, что мы встречались, чтобы обсудить побег. Он послал меня вперед выяснить, в каком крыле здания вы содержитесь. Если у него и есть какие-то подозрения относительно нас, то он умело их прячет.

— Осторожнее, Катерина, искусство лицемерия для него все равно что breviary³⁸. Я ведь никогда не скрывал своей любви к вам. Думаете, он ничего не заметил?

Не будучи в этом убеждена, Катерина коротко рассмеялась.

— Пьетро говорит мне о любви, когда об этом вспоминает. Но не думайте, Мишель, что он хоть раз проявил свои чувства на практике. Он гнушается физической близостью с женщиной, считает ее греховной. За все время наших отношений он всего пару раз меня поцеловал, да и то просто прикоснулся к моим губам. Ничего другого между нами не было.

— Настоящий кальвинист, — прошептал Серве с невольным восхищением, — Ничего не скажешь, это люди твердой закалки. Все попытки их подавить пока не увенчались успехом. Чтобы от них избавиться, королю надо убить их от первого до последнего.

— Меня гугеноты немного пугают. Очень уж они строги и мрачны. Если власть окажется у них в руках, они будут такими же неумолимыми, как Матье Ори, если не хуже.

— Да нет, нет, — улыбнулся Серве, словно услышал наивную глупость. — Женева — столица свободы и терпимости. Там находят общий язык все антиконформистские течения.

— В самом деле? — Катерина пожала плечами, — Ну, может, вы и правы. Но мне пора, уже темнеет.

Серве поцеловал ей руку, потом запечатлел страстный поцелуй на щеке и губах.

— До свидания, герцогиня. Если нам и не суждено больше увидеться, я буду благодарен вам до самой смерти. Вы подарили бедному узнику минуты наивысшей радости.

— Вы увидите со мной гораздо раньше, чем думаете. Не теряйте надежды.

³⁸ Бrevиарий — требник, настольная книга священника. (Прим. перев.)

Катерина постучала в дверь камеры. Немолодой стражник со шрамами былых сражений на лице открыл дверь и выпустил ее. В молчании прошли они по коридору, куда выходили пять других накрепко запертых камер. Стражник распахнул заржавевшую дверь и повел герцогиню вверх по лестнице, соединявшей верхний этаж, представлявший собой тюрьму, где камеры находились под самой крышей, с нижним, где располагалось лионское отделение инквизиции. На каждом этаже сидели по два привратника, вооруженные копьями. Никто из них не обратил на герцогиню и ее спутника ни малейшего внимания, продолжая болтать или играть в кости.

В точном соответствии с испанской моделью, залы заседаний трибунала были расположены в подземельях здания, похожего на главную крепостную башню. Здесь стража была более многочисленна (четверо привратников, королевские солдаты и офицер), и не случайно. В коридорах, украшенных почерневшими от копоти факелов портретами прелатов, сновали служащие в курии францисканцы и доминиканцы, а также множество слуг и горожан в черной одежде. Почти все они бросали на герцогиню удивленные взгляды, но никто не решился потребовать объяснений. Отдаленный звон возвестил о начале службы в подземной капелле, смежной с залом заседаний, и вся толпа устремила туда.

Стражник почтительно раскланялся с Катериной, и она вышла на широкую пустынную улицу, чуть задержавшись у входа, чтобы подышать сырым вечерним воздухом. Она была взволнована, хотя ленивая томность во всем теле умеряла это волнение. На улице не было ни прохожих, ни нищих, которые обычно роятся возле культовых зданий. Видимо, это безымянное и блеклое палаццо наводило на них страх.

Через несколько минут по улице загрохотала карета. Все солдаты и привратники с любопытством высунулись в дверь. Экипаж и вправду отличался от остальных. Вместо привычной пары лошадей он был запряжен четверкой, и, что уж совсем выходило за всякие рамки, все лошади были под седлами и при полной сбруе. Кроме того, карета блестела золотыми украшениями, а на белых бортах красовался затейливый герб. На облучке восседали два кучера в ливреях, а на запятках, на месте багажа, стоял паж. Едва карета остановилась, паж спрыгнул на мостовую и побежал открывать ворота.

Увидев, кто выходит из кареты, Катерина склонилась в глубоком поклоне.

— Кардинал де Турнон! — удивленно воскликнула она.

Офицер, подошедший к герцогине, при этих словах вздрогнул.

— Кардинал де Турнон? Вы это серьезно? — И тоже поклонился в большом замешательстве.

Прелат направился к Катерине, за ним шли священник и секретарь.

— Добрый вечер, герцогиня, — сердечно поздоровался он. — Не ожидал увидеть вас здесь. — Он повернулся к офицеру: — По моему гербу вы, должно быть, догадались, кто я такой. Мне необходимо срочно видеть главного инквизитора Матье Ори, доложите обо мне, пожалуйста.

— Ваше высокопреосвященство, монсиньора Ори здесь нет.

— А где он, не знаете? У меня к нему очень важное дело.

Казалось, офицер только сейчас вспомнил, что не обнажил голову перед кардиналом. Он нервно стащил с головы шляпу с пером, и его люди как по команде проделали то же самое.

— Я действительно не знаю, где он, монсиньор. Но он в Лионе и, скорее всего, появится здесь, однако точного времени назвать не могу, ваше высокопреосвященство.

Прелат сделал вид, что собирается уехать.

— Значит, я проделал весь этот путь впустую. Хорошо, попробую застать его дома.

— Не думаю, что застанете: монсиньор Ори начал судебное дело и многие вечера проводит здесь, в трибунале. — Офицер указал на вестибюль. — Если хотите, ваше высокопреосвященство, я предупрежу инквизитора более высокого ранга, падре Михаэлиса, и вы сможете с ним вместе дождаться главного инквизитора.

— Прекрасно. Но я могу ожидать не дольше нескольких минут. Проводите меня к

падре Михаэлису.

Офицер с поклоном посторонился, и прелат со своим эскортом вошел на территорию палатцо. Наружная охрана почтительно ему поклонилась. Однако не прошло и минуты, как у них вырвался запоздалый крик испуга: кардинал, священник и секретарь выхватили длинные шпаги с тонкими испанскими лезвиями. Оба кучера тоже спрыгнули с облучка и обнажили шпаги. У пажа в руках появилась заряженная аркебуза.

Пьетро Джелидо сбросил кардинальскую мантию, но остался в красной кардинальской шапочке. Он приставил шпагу к горлу офицера.

— Убедите ваших людей не оказывать сопротивления, — вежливо посоветовал он. — Иначе убью.

Офицер сглотнул, потом хрипло обратился к страже:

— Вы слышали? Повинуйтесь.

Офицеры позволили отобрать у себя копья и отстегнуть шпаги. Катерина, уже не в волнении, а в каком-то опьянении, помогла составить оружие в угол. Пьетро Джелидо подошел к ней.

— Как вы думаете, где бы нам их запереть? — спросил он возбужденно.

— Можно было бы в камерах, но для этого надо пройти насквозь все этажи. Нас увидит слишком много народу.

— А служба еще идет?

— Да, но сомневаюсь, чтобы весь персонал был занят.

— Что же делать?

— Надо подниматься двоим или троим, чтобы не привлекать внимания, — подумав, ответила Катерина. — А остальные пусть остаются в вестибюле охранять пленных и задерживать всех, кто будет входить. Главному тюремщику я заплатила, и он выдаст нам Мишеля Серве без разговоров.

— Хорошо, поднимемся мы с вами.

— Тогда снимите кардинальскую шапочку, и пошли.

Пьетро Джелидо был явно сконфужен тем, что приходится подчиняться женщине, но шапочку снял. Она полетела в угол вместе с другими кардинальскими одеяниями, и он остался в привычной монашеской одежде.

— Стерегите этих людей, — приказал он четверым оставшимся, — и беспощадно убивайте всякого, кто окажет сопротивление. Это прежде всего твоя задача, — Последняя фраза относилась к пажу с аркебузой.

Удовлетворенный, Пьетро Джелидо обратился к пленникам:

— Встаньте в ряд, к стене. Вот так. Если вздумаете сопротивляться — пожалуйста, только в этом случае по крайней мере четверо из вас умрут сразу. Если же хотите остаться в живых, ведите себя спокойно.

При этих словах он злобно усмехнулся.

Тут в вестибюле показались двое священников, опоздавших к службе. Они удивленно вскрикнули. Пьетро Джелидо повелительным жестом указал им на стену, и они молча встали в ряд с остальными пленниками.

Катерина успела разглядеть вновь вошедших. Один из них был пожилой доминиканец, бледный и дрожащий, другой лет сорока, красивый, с решительным и мужественным лицом. Его зеленые глаза, яркие в обрамлении черных волос, сверкнули гневом, близким к бешенству.

Тут Пьетро Джелидо схватил Катерину за Руку:

— Пойдемте скорее, а то через четверть часа здесь образуется целая толпа пленных. Нам надо успеть раньше.

Катерина не заставила себя просить. В этот момент она почувствовала все обаяние Пьетро Джелидо, такого блистательного в гнев. Но, взбегая по лестнице, она подумала, что не может любить его из-за тех унижений, которые от него терпит. Чары полного неестественного подчинения, которого он добивался, продлились несколько месяцев. В этом

отношении нежность и галантность Мишеля Серве значительно выигрывали: он не заставлял ее содрогаться от страсти, но зато с ним она забывала о своем возрасте, о котором Пьетро Джелидо, наоборот, слишком часто ей напоминал. Кроме того, Мишель Серве не представлял себе физической любви, которой мешал бы возраст. Катерина не могла дожидаться того часа, когда он будет свободен и она сможет обнять его в каком-нибудь укромном и защищенном месте.

Только на втором этаже их остановил солдат из стражи.

— Куда направляетесь? — спросил он, сжимая в кулаке кости, которые собирался кинуть. Потом посмотрел на Катерину, — А вы не проходили здесь недавно?

— Мадам забыла свой веер, — объяснил Пьетро Джелидо. — Мы его заберем и тотчас же вернемся.

— Ладно. — Солдат бросил кости.

Старый стражник не выказал особого удовольствия при виде Катерины и еще того меньше — увидев ее в компании чужака.

— Я сделал, что обещал, — бросил он, — Уходите отсюда, иначе я подам сигнал тревоги.

— Чего вам надо? Еще денег? — спросил Пьетро Джелидо.

Старый солдат улыбнулся.

— Неплохая идея...

Джелидо вытащил кошелек.

— Не знаю точно, сколько здесь, но, думаю, порядочно. Этого хватит?

— Хватит.

Солдат взял кошелек и пристегнул его к поясу.

— Но вы должны меня связать: пусть командиры думают, что на меня напали.

— Охотно, но сначала откройте камеру Серве.

— Открывайте сами, — Он протянул Пьетро Джелидо связку ключей, висевшую у него на поясе. — Самый короткий ключ. А теперь вяжите.

— У меня нет веревки.

Солдат указал на колокольный канат.

— Вяжите этим. Отвязывайте осторожно, колокол служит для сигнала опасности.

И он согнулся, заведя руки за спину.

— Опасность и правда есть. Для вас.

Пьетро Джелидо молниеносно вытащил из-под сутаны короткий кинжал и одним точным движением перерезал старику горло. Тот что-то пробормотал, пока струя крови хлестала из сонной артерии, потом затих и повалился на пол.

Катерина глухо вскрикнула, больше от удивления, чем от ужаса.

— Это было так необходимо? — сдавленно прошептала она. Перед ее глазами возник образ жителя Апта, которого она много лет назад зарезала, как скотину. Но тогда преступление совершилось, чтобы защитить Молинаса и себя. Или нет?

— Это было неизбежно, — решительно заявил Пьетро Джелидо, — Он слишком много знал. Да и деньги будут целы.

Он наклонился над трупом и отстегнул кошелек, потом вытер кинжал об одежду убитого.

— Идем, ведите меня в камеру.

Катерина, слегка потрясенная, пошла впереди. Короткий ключ легко повернулся в замке. Посреди камеры стоял Мишель Серве и удивленно глядел на вошедших.

— Катерина, падре Джелидо, как вам это удалось? — радостно воскликнул он.

— Вас это не касается! — резко бросил Джелидо, — Выходите скорее!

Серве не заставил себя просить. Катерина обняла его, но прижать к себе, как мечтала, не решилась. Через плечо узника она увидела, что Пьетро Джелидо внимательно разглядывает лежащий на полу платок. У герцогини кровь застыла в жилах, и по всему телу пробежал непонятный холод. Однако она тут же себя успокоила: Джелидо не мог знать,

какой жидкостью, еще теплой, был пропитан этот платок. Глаза священника сверкнули, но то был всего лишь отблеск факела.

Катерина высвободилась из рук Серве и подтолкнула его к двери.

— Идите выбирайтесь из этого места, вы и так провели здесь слишком много времени.

— Да, идемте, — отозвался Джелидо, — у нас считанные минуты.

Почти бегом они бросились по коридору. Увидев труп стражника, Серве остановился.

— Это действительно было неизбежно? — спросил он с жалостью. — Этот человек был добр ко мне...

— Потому что мы ему платили, — ответил Джелидо, не пускаясь в объяснения.

Внизу солдаты по-прежнему играли в кости, так что пройти мимо них не составило труда, и тройка относительно спокойно добралась до вестибюля. Как и предвидел Джелидо, число пленников заметно увеличилось. К ним прибавились двое слуг, нагруженных провизией, и безутешно рыдающая старушка. Все, кроме них, были наспех связаны по рукам и ногам. Долго такие узы явно не продержались бы.

Навстречу Джелидо шагнул гугенот, переодетый священником.

— Люди продолжают приходить, и служба скоро кончится.

— Уходим быстро.

Катерина тем временем подошла к белокурому священнику. Тот невозмутимо стоял у стены и глядел враждебно. Герцогиня с удивлением в него вгляделась.

— Падре Михаэлис?

Тот глядел ей в глаза, не отвечая. Она пожала плечами и догнала своих спутников.

Джелидо, двое из его отряда, Катерина и Серве вышли на улицу. На пороге остался только аркебузир, держа пленников под прицелом. Карета, оставшаяся без присмотра, стояла на месте. Блестя в темноте глазами, ее с восхищением разглядывали несколько ребятишек.

— Выпрягайте лошадей, — приказал Джелидо. — Садимся по двое на лошадь.

Как только скакунов выпрягли, позвали аркебузира. Тот положил оружие и быстро подбежал.

Вскочить в седла было непросто: лошади бунтовали против лишнего груза. Но в конце концов все расселись, не потеряв слишком много времени: Джелидо с Катериной за спиной, лжесвященник с Серве, лжесекретарь с безоружным аркебузиром и двое кучеров.

— Вперед! — крикнул Джелидо. — В безопасное место!

Они поскакали рысью, да перегруженные лошади и не выдержали бы галопа. Они и так пританцовывали и громко ржали.

Едва завернули за угол, как Серве радостно воскликнул:

— Прекрасная штука — свобода! Да здравствуют гугеноты!

Пьетро Джелидо, который никогда не улыбался, на этот раз ответил коротким смехом.

— Через несколько дней вы будете в Женеве. Там вы узнаете, что такое настоящая свобода!

Может, он хотел ободрить Серве, но Катерину вдруг забила дрожь, и ощущение счастья вмиг исчезло.

ЖАН ФЕРНЕЛЬ

— Ульрих из Майнца. Вам достаточно этого имени?

Вопрос был задан с хитрой иронией.

— Достаточно, господин Фернель, — задумчиво ответил Мишель. Он чуть подумал. — К сожалению, я не могу пригласить вас к себе... А что, если нам поговорить в таверне?

— Пожалуй, если только там не очень шумно.

— О, не беспокойтесь, я сам терпеть не могу шума. Я поведу вас туда, где в эти часы всегда почти пусто.

Ведя гостя по просторным, но грязным улицам квартала Ферьеру, Мишель украдкой

его разглядывал. Главный медик короля Генриха Второго Жан Фернель был на вид лет шестидесяти, худ и носат. Кроме длинного носа и роскошного платья, которое он носил, ничто в нем не выдавало личности экстраординарной. Серые глаза под низким лбом отливали молочным блеском, руки с длинными пальцами постоянно дрожали. Те, кто был с ним хорошо знаком, знали, что причина этой дрожи крылась не столько в возрасте или болезни, сколько в сжигавшем его внутреннем огне, не нашедшем себе другого выхода в смысле физическом, но породившем блистательный талант.

Мишель читал его великолепную работу «De abditis rerum causis», в которой естественная магия объяснялась с таким знанием, что автору могли бы позавидовать и Корнелий Агриппа, и Парацельс. Когда Фернель утром появился у него на пороге как простой клиент, Мишель был так поражен, что выронил вазочку с вареньем.

Услышав шум, приближающийся со стороны улицы Бург-Неф и центральной церкви квартала, Мишель нахмурился.

— Лучше нам пойти другой дорогой, господин Фернель.

— Почему? Что случилось?

— Сегодня шестое июня, день причащения Святых Даров.

— Я знаю. В прежние времена его праздновали повсюду. А здесь его празднуют?

— И не только здесь. Несколько дней назад король распорядился возобновить ежегодный праздник во всей Франции. Причина очевидна: Генрих хочет бросить вызов гугенотам, которые отрицают присутствие тела Христова в обряде причастия.

Фернель кивнул.

— Его величество слишком поддался влиянию Гизов. Он не замечает, что подобные меры могут спровоцировать гражданскую войну.

— Именно так. Мне бы не хотелось присутствовать при процессии, которая приближается. Впрочем, уже поздно...

На улицу, по которой они шли, со стороны церкви Сен Мишель хлынула громко кричащая толпа. Несмотря на то что впереди шел священник с ковчегом, толпа мало походила на религиозное шествие. Все отребье салонского общества причудливо перемешалось в ней со знатью, едва стоящие на ногах пьянчужки шли бок о бок с благочестивыми матронами в шالях, с молитвенниками в руках. Кто-то кричал: «Да здравствует праздник Святых Даров!», кто-то распевал церковные гимны, но во всей этой разноголосице явно превалировали выпады против Кальвина, Лютера и гугенотов. В толпе выделялась группа совершенно обезумевших людей, которая пинками гнала перед собой голого по пояс молодого кузнеца, видимо, заподозренного в ереси. Он был весь в крови и закрывал лицо руками, чтобы хоть как-то защититься от побоев, и все время падал, но его силой поднимали на ноги.

В памяти Мишеля сразу всплыли жуткие сцены избиения евреев, которые ему приходилось видеть. Вынести этого он не мог.

— Остановитесь, что выделаете! — вне себя закричал он и хотел уже кинуться к юноше, но сильные, несмотря на дрожь, руки Фернеля схватили его за рубашку.

— Не вмешивайтесь, — шепнул ему королевский медик. — Беднягу вы все равно не спасете, а вот сами пропадете.

По счастью, шум стоял такой, что никто не услышал крика Мишеля. Он не сопротивлялся, когда Фернель повернул его лицом к стене и продержал так, пока процессия не прошла мимо.

Задышавшись, Мишель проговорил:

— Я знаю этого кузнеца, это умный и добрый юноша, он никому не делал зла.

— Вот увидите, его не убьют, — ответил Фернель, — До этого мы пока не дошли. Хотя я все время спрашиваю себя, сколько нам осталось лет, месяцев, а может, и недель до кровавой бани.

Мишель не ответил. В его мозгу завертелись образы окровавленных шпаг, безжизненных тел, падающих звезд и горящих деревень. Он испугался, что Абразакс снова

затащит его в свою космическую воронку. Но этого не случилось, и он понемногу успокоился. Было такое чувство, что он очнулся от кошмарного сна.

— Простите меня, — пробормотал он, — я совершенно не выношу жестоких зрелищ.

Фернель посмотрел на него с отеческой улыбкой.

— Почему вы извиняетесь за то, что делает вам честь? Надеюсь, что правитель этих мест тоже когда-нибудь обнаружит в себе такие чувства, — Он осторожно повернул Мишеля снова лицом к улице, — Ну, так где та таверна, в которую вы меня вели? Я хочу есть, пить и поговорить с вами о множестве вещей.

Они пошли дальше. Мишель совсем пришел в себя, хотя до полного спокойствия было еще далеко. Он чувствовал, как над городом, как невидимый туман, зависла ненависть, и от этого холод пробирал до костей. И вот что его тревожило больше всего: в его мозгу разница между видениями и реальностью уменьшалась день ото дня. Уже давно для того, чтобы достичь Абразакса, ему не требовалась ястребиная трава, а теперь и последовательность чисел становилась лишней. Не говоря уже о кольце и о связанном с ним ритуале. Если Мишель и исполнял его, то только чтобы поддержать в себе иллюзию, будто дверь, ведущую в другие небеса, он может открыть в любой момент и по своей воле.

Именно возможность взаимопроникновения разных миров и была той жестокой участью, которую Ульрих из Майнца уготовил человечеству, и появление невиданных растений стало результатом его экспериментов. И это вызывало неопиcуемый ужас у Мишеля. Чтобы отвлечься от страхов, он указал гостю на изящный фонтанчик на площади Платанов:

— Прочтите надпись на фонтане. Я написал ее месяц назад по просьбе городских консулов.

Фернель наклонился над треугольной плитой на металлических рожках и перевел с латыни выбитую на ней надпись:

— Если бы, ввиду человеческой изобретательности, Сенат и магистраты Салона могли снабдить горожан большим количеством вина, они, под руководством консулов Поля Антуана и Марка Паламеда, не соорудили бы за такие деньги такого плохонького фонтанчика.

Фернель рассмеялся:

— Представляю себе лица консулов, когда плиту открыли.

Мишель тоже улыбнулся.

— Да, это надо было видеть. И надо было слышать шуточки, которые отпускали зрители. Но пойдёмте выпьем что-нибудь повкуснее этой водицы.

Таверна была неподалеку. Небольшая, с четырьмя столами внутри и двумя снаружи, она благоухала чесноком и вареной капустой. Камин с вертелом на подставках был достаточно широк, чтобы дым улетучивался в трубу, но в воздухе все равно веяло едким дымком. Единственными посетителями были буржуа и монах, которые о чем-то оживленно разговаривали. Немолодая проститутка, примостившись на табурете, лениво обмахивала веером вялую грудь, вывалившуюся из корсажа. Между кухней и залом деловито сновали хозяйин таверны и девочка-служанка.

Мишель сунул голову внутрь, но тут же отпрянул.

— Там очень жарко, — сказал он, — давайте сядем на улице.

Фернель оглядел улицу с редкими прохожими.

— А это благоразумно? — спросил он.

— Вполне, здесь за нами никто не станет следить. Скоро все затворятся по домам и выйдут только после обеда. Не забывайте, мы в Провансе, а здесь июнь — все равно что в Париже август.

Они уселись за один из уличных столов. С колокольни раздался звон, который всего несколько лет назад означал бы «час шестой». Но теперь отсчет времени изменился, и часы отзванивали каждые шестьдесят минут. Но что такое «двенадцать часов», знали разве что звонарь, священник да очень немногие из горожан.

— Хотите есть, господин Фернель? — спросил Мишель.

— Совсем чуть-чуть, для меня еще рано. Я бы выпил чего-нибудь холодненького.

— Здесь подают только вино, другие напитки продаются на рынке.

— Пусть будет вино.

К ним сразу подошла худенькая миловидная девочка.

— Господа, сегодня у нас телятина со специями, жареные сосиски...

Мишель знаком остановил ее.

— Пока принесите хлеба, несколько маленьких кусочков мяса под уксусом и графин молодого вина. Вино охладите, насколько возможно.

— Оно ледяное, прямо из погреба, — с улыбкой отозвалась служанка, — Желаете чего-нибудь еще?

— Нет, больше ничего.

— Хорошо, сейчас принесу.

Фернель подождал, пока девочка уйдет, и пристально посмотрел на Мишеля.

— Начну без преамбул: да будет вам известно, что у меня на плече есть крестообразный шрам, который никогда не заживает.

Мишель вздрогнул.

— Значит, вы иллюминат? — глухо спросил он.

— Да, именно поэтому я и стал вас разыскивать. Как и вы, я покинул «Церковь», и, как и вас, Ульрих объявил меня предателем.

Прежде чем ответить, Мишель дождался, пока девочка принесет вино, хлеб и мясо.

— Сколько же существует иллюминатов?

— Кроме Ульриха и Пентадиуса я знаю не многих. Те, кто мне известен, группируются вокруг двора Екатерины Медичи. Это знаменитый астролог Козимо Руджери с братом Томмазо; Луи Ренье, владетель Планш, который тоже порвал с Ульрихом, но по причине того, что является гугенотом; геомант Габриэле Симеони, тот, что разъезжает между Парижем и Флоренцией. И есть еще англичанин, некий Джон Ди, о котором я только слышал и с которым ни разу не встречался.

— Да, я тоже слышал это имя, — заметил Мишель, отхлебнув немного вина. — Он блестящий врач, его не раз приглашали в Сорбонну, и занимается он проблемами кровообращения, как и Мишель Серве, бежавший в Женеву.

Мишель многозначительно улыбнулся.

— О да, Ульрих тоже специалист по кровообращению. Наверное, вы, как и я, видели анатомические страницы «Arbor Mirabilis» с крошечными нагими женщинами в сосудах.

Мишель не был уверен, стоит ли говорить о том, что у него есть копия рукописи. Он пока не понимал намерений собеседника.

— Кто вам сказал обо мне? — спросил он.

— Симеони, так называемый маг, вернее, его любовница, еще молодая, очень милая женщина.

Фернель отправил в рот кусочек мяса.

— Ее зовут Джулия.

— Джулия?

— Джулия Чибо-Варано. Она, уж не знаю каким образом, состоит в родственной связи с домом делла Ровере и большая приятельница кардинала Алессандро Фарнезе.

У Мишеля вырвалось восклицание. Он стиснул бокал, чтобы не выронить его из задрожавшей руки.

— Джулия Чибо-Варано! Снова она!

Фернель глядел на него удивленно.

— Вы с ней знакомы?

— Нет, я видел ее только однажды, если не ошибаюсь, в Марселе, когда она принесла мне одну из копий «Arbor Mirabilis». Она действительно очень хороша, только тогда она была одета как судомойка. Потом я знаю, что она стала... имела отношения с моим братом

Бертраном. И принесла ему много бед.

— В самом деле? — Фернель приподнял бровь. — Она говорила, что знакома с вами, но не рассказывала ни о Бертроне, ни об «Arbor Mirabilis». О вас она отзывалась в высшей степени лестно.

От волнения Мишель позабыл о еде. Он спросил:

— У вас не создалось впечатления, что ей известно о существовании «Церкви»?

— О нет, — ответил Фернель с иронией, — Ведь мы говорим о женщине. Ульрих, правда, с большим пиететом относится к женщинам, но не настолько же он глуп, чтобы допустить их в свои ряды. Иллюминаты считают себя адептами рациональности, а именно этого качества женщины и лишены.

Мишель покачал головой.

— Когда-то я тоже был в этом уверен, но теперь сомневаюсь.

— Рабле, упокой, Господи, его душу, в своих книгах достаточно их изучил. Но что с вами?

Мишель вздрогнул, потом пришел в себя и прошептал:

— Почему «упокой, Господи...»? Вы хотите сказать...

— Да, он умер несколько месяцев назад. Но вы так разволновались... Вы что, были с ним знакомы?

Мишель и вправду разволновался, но постарался взять себя в руки. Он наполнил свой бокал и залпом его осушил. Потом наполнил снова.

— Да, я был с ним знаком. Но не будем об этом. — Он выпрямился, сиюсь удержать наворачнувшиеся на глаза слезы. — Но если эта Джулия Чибо-Варано не имеет отношения к иллюминатам и прислала вас ко мне, значит, у нее была на то причина.

— Было бы неточно сказать, что она послала меня к вам. Я сам решил вас разыскать, когда она дала мне прочесть некоторые из ваших сочинений.

— Какие же? — настороженно спросил Мишель.

— Прежде всего вот эти, — Фернель порылся в поясной сумке и вытащил пачку листов. Он взял верхний: — Эти стихи сочинили вы, как сказала Джулия, и некоторые из них поразили меня.

Он прочел вслух:

Cœur, vigueur, gloire, le regne changera,
De tous points contre aiant son adversaire:
Lors France enfance par mort subjuguera:
Le grand regent sera lors plus contraire.

Изменят царство сердце, слава, сила.
Со всех сторон противник подступает.
Французы смертью детство покорят,
Хоть против будет сам великий регент³⁹.

Мишель чувствовал, как сердце колотится в груди. Этот катрен никогда не был опубликован. В мозгу само собой всплыло имя, и так властно, что он не смог удержаться и вскрикнул:

— Жюмель!

Фернель удивленно на него посмотрел.

— Жюмель? А кто это?

— Моя жена Анна, — рассеянно пробормотал Мишель.

При других обстоятельствах он никогда не открыл бы домашнее имя жены

³⁹ Катрен XV, центурия III. Перевод Л. Здановича.

постороннему. Но сейчас им овладело болезненное возбуждение. Он, хоть и не без труда, научился глубоко любить Жюмель и видел в ней человека, которому мог доверять. А теперь вдруг оказалось, что его записи попали в чужие руки. Кто, кроме нее, мог их распространить? Значит, несмотря на все уверения, ее предательство продолжалось! Значит, нрав и замашки потаскушки не изменились.

Фернель взгляделся в собеседника, словно поняв, какие мучения тот испытывает, потом медленно покачал головой.

— Вот увидите, вы ошибаетесь. Ваша жена не виновата.

— Но кто же тогда пустил по рукам мои записи?

Мишель даже не заметил пронизательности Фернеля. Тот говорил так, словно отвечал на мысли Мишеля.

Фернель рассмеялся.

— Да вы сами! Вы сами, мой друг, пустили их по рукам!

Он налил еще вина удивленному Мишелю, справедливо полагая, что это ему не помешает.

— Вы, наверное, забыли, что отдали рукопись с пророчествами печатнику в Лионе, некоему Боному? Он и распространил этот катрен да и многие другие. И жена ваша тут ни при чем.

Мишель быстро осушил бокал.

— Но что Боному с этих катренов? — все еще неуверенно спросил он.

— Все очень просто. Печатней Бонома в Лионе часто пользуются гугеноты для издания своих брошюр. А мать Джулии, Катерина Чибо-Варано, связана с лионскими кальвинистами. Теперь понимаете, в чем дело? — Он указал на пачку страниц. — Видите, это же не ваша рука. Это копия.

Мишель одновременно почувствовал и облегчение, и укол совести за то, что заподозрил Жюмель в обмане, и страх оттого, что стал объектом чужого внимания. Он нервно сглотнул.

— Почему эти стихи вас так поразили? — спросил он, надеясь пустить разговор по другому руслу.

— В них предсказывается смерть Генриха Второго. Это о нем вы говорите «сердце, сила и слава», ведь так?

— Так; по крайней мере, думаю, что так.

— Ну а то, что Франция со всех сторон окружена врагами, очевидно для всех. Но вы еще предсказываете, что после смерти короля мальчик, который ему наследует, неизбежно получит покоренную и разбитую страну.

— Наследнику трона девять лет.

— И источником еще больших неприятностей будет другой кандидат на трон, которому сейчас больше доверяют: а именно Антуан де Бурбон, король Наварры. Я правильно излагаю вашу мысль?

— Да, но это не моя мысль. Когда я все это пишу, я только претворяю в стихотворные строки свои видения. Поэтому я никогда ни в чем не уверен.

Фернель улыбнулся.

— Прекрасно вас понимаю. Я занимаюсь... то есть занимался... магией зеркал, которой Ульрих, наверное, обучал и вас. И у меня тоже были видения, даже в деталях схожие с вашими. Однако... — Он подался вперед. — Я знал, что Ульрих из Майнца строжайше запретил всем нам, иллиминатам и бывшим иллиминатам, обнародовать результаты, полученные с помощью техник, которым он нас обучал. Ваши катрены напечатаны, значит, вы отважились нарушить запрет. Как только я это понял, я сразу же помчался в Салон с первым дилижансом.

— Думаю, с целью предупредить меня.

— Нет, чтобы вас ободрить и уверить, что вы всегда можете рассчитывать на мою поддержку. Может, я и не смогу сделать для вас много, но я в силах организовать помощь на

разных уровнях. Например, обеспечить защиту со стороны королевы, чтобы вы могли продолжать исследования, не боясь стесненности в средствах.

Застигнутый неожиданным воспоминанием, Мишель зажмурился.

— Господин Фернель, у меня есть талисман, который, думаю, был предназначен для Екатерины Медичи. На одной его стороне явственно читается имя Freneil. Это, случайно, не анаграмма вашего имени с буквой i вместо J?⁴⁰

Углы губ старого мага поползли вниз.

— А вам, случайно, не Денис Захария отдал этот талисман?

— Да, Захария был моим другом. Значит, я угадал.

— Угадали. На самом деле слово *Freneil* — старинное еврейское заклинание от порчи. Я выбрал его, потому что оно похоже на анаграмму моего имени, и выбил его на медальоне, предназначенном для королевы. — Фернель вспомнил, что на тарелке осталось еще мясо, и положил кусочек в рот. — Вот хороший предлог для вас представиться королеве: преподнести ей этот медальон.

— А какова судьба Дениса Захарии?

— Жив-здоров, купается в почестях при наваррском дворе. Говорят, ему удалось получить золото. — Фернель пожал плечами. — Но вернемся к нам с вами, господин де Нотрдам. Есть еще и другие способы помочь вам. У меня нет ни сил, ни молодости, чтобы противостоять Ульриху, а вы, на мой взгляд, обладаете обоими этими дарами. Пора вам выходить на свет божий и становиться великим магом. То, чем вы являетесь на сегодняшний день, — ничто в сравнении с вашими возможностями.

— Не знаю, способен ли я... — начал Мишель.

— Конечно способны! В вас сочетаются великие традиции каббалы с утонченной оккультной философией Европы. Кроме того, Ульрих посвятил вас в тайны александрийского гностицизма. По силе вы почти равны ему, хотя пока этого и не сознаете.

Лицо Фернеля омрачилось, приобретя суровое и властное выражение.

— Я могу предоставить вам то, чего вам недостает: инструменты для вычисления и предсказания прихода эры восьмого неба, точные даты всех парадов планет, забытые заклинания для входа в Абразакс. И прежде всего, ключ к прочтению рукописи, которой вы владеете.

Мишель был так взволнован, что ему пришлось снова налить себе вина. Руки у него дрожали, как у Фернеля, но по другой причине.

— Скажите мне одну вещь, господин Фернель, — прошептал он, — Что явилось причиной вашей неприязни к Ульриху?

— Это не неприязнь. — Лицо старика слегка разгладилось. — Видите ли, господин де Нотрдам, мы живем на стыке двух эпох. Наши дедовские представления о науке еще действуют, но их готовы заменить новые. Уже и теперь многие придерживаются взгляда, что Земля — вовсе не центр мироздания, что небо не состоит из сфер и что микрокосмос не является отражением макрокосмоса. С моей точки зрения, эти новые взгляды обязательно победят, а Ульрих — символ всего того, что обречено на поражение.

— Но ведь и мы разделяем его идеи!

— Пока да. Но нарождается новый тип человека, и Вселенная будет менять структуру под него.

Фернель вздохнул.

— Ульрих это создает, оттого и злится. Он хочет резким поворотом событий уничтожить человечество. Наша задача — не позволить ему это сделать. Лучше уж иметь космос, организованный по-другому, чем написано в наших книгах, нежели дожидаться конца человеческого рода.

⁴⁰ J — первая буква имени Jean (Жан).

ПРЕСТУПЛЕНИЕ С КОСВЕННЫМ УМЫСЛОМ

Колонна лионских рабочих, к которой примкнули бродяги, нищие и мошенники всех сортов, медленно тянулась между двумя рядам лачуг.

— Хлеба! Хлеба! — хрипло кричала толпа.

Стяги, качавшиеся над головами, представляли собой весьма пестрое зрелище. Кто нес портрет Франциска Первого, давая понять, что старый король был лучше нового, кто крест, кто изображения святых. Некоторые навязали на длинные палки разноцветные лоскутки: черные, в знак траура, или же красные, цвета крови. Оба цвета символизировали два полюса, между которыми протекала жизнь лионских бедняков.

Джулия отпрянула от окна, испытывая одновременно страх и отвращение.

— Надо переезжать из этого квартала, мама. Не понимаю, что вам тут делать. Я знаю, что Лион кишит флорентийскими беженцами, и вы стараетесь не потерять их из виду. Но жить в центре этих трущоб опасно.

Катерина Чибо-Варано томно восседала в кресле в центре скромной, но хорошо обставленной гостиной, обитой зеленым штофом.

— Пьетро Джелидо уповает на то, что эта лихорадочная суeta послужит хорошей почвой для распространения идей Лютера и Кальвина. По-моему, он заблуждается, но это его дело.

Джулия согласно, но вяло кивнула.

— Может быть, так оно и есть, но восстание зародилось в Париже и только потом перекинулось на остальную Францию. Известно, что в Париже у гугенотов очень мало последователей.

Она скрестила руки на груди: жест, до последнего времени ей не свойственный.

— Если уж я добралась до самой Тосканы, чтобы повидаться с вами, то совсем не потому, что получила известие о брожениях в Лионе и других городах. Чернь любит время от времени устраивать беспорядки. А потом успокаивается, предварительно разорив свои же собственные кварталы.

Катерина с трудом узнавала дочь: раньше та не отличалась ни красноречием, ни уверенной зрелостью суждений. Однако свое удивление она на всякий случай оставила при себе.

— На этот раз все обстоит иначе, — сказала она. — Волнения длятся уже месяцы.

— Да, и тем не менее парламент два дня назад проголосовал за закон, предписывающий изгонять из городских центров всех работоспособных бездомных и иностранных бродяг. Вот увидите, теперь мятежи оборванцев разом прекратятся. — Джулия приподняла плечи. — Хотя во всех случаях это не интересует ни вас, ни меня. А вот что меня действительно угнетает и что заставило меня сюда приехать, так это ваше подчинение Пьетро Джелидо. Этот человек — законченный негодяй, и вы это прекрасно знаете.

Катерина выпрямилась.

— Джулия, не позволяй себе...

— А я позволю! И позволю во имя дочерней любви! — Она переплела пальцы. — Вы научили меня цинизму, но также, и прежде всего, гордости. Вы были горды и проницательны, настоящая львица. А потом появился этот человек, и вы подчиняетесь любому его желанию, даже самому низкому. Вы принимаете одно унижение за другим почти с наслаждением. Знаете, кого вы мне напоминаете?

Катерина была смущена и потрясена. Ей едва удалось прошептать одними губами:

— Кого?

— Диего Доминго Молинаса. Человека, который, совершив ошибку, был способен отрезать себе палец, а потом сладострастно вкушать боль. И то же сладострастие испытываете вы, позволяя Пьетро Джелидо без конца вас унижать. Иногда я спрашиваю себя, не вселился ли в вас дух Молинаса.

Это было уже слишком. Катерина вскочила на ноги, глаза ее вспыхнули прежней

гордостью.

— Послушай, ты, маленькая идиотка! Ты прекрасно знаешь, что мы с Пьетро Джелидо вместе находимся на службе у герцога Флорентийского. И в том, что Козимо Медичи удалось избежать последствий французских завоеваний в Италии, есть и наша заслуга.

— Не надо мне этого объяснять. Посредником между Козимо и Италией был Габриэле Симеони, последний, с кем вы уложили меня в постель. По счастью, на этот раз с постелью вы попали в точку.

— Как бы не так! — Разгневанная Катерина говорила без обиняков. — Твой Симеони — дутый персонаж, бедняга, который хочет снискать себе поддержку сильных мира сего с помощью гороскопов. Но никому он не нужен. И если ты вздумашь соединить с ним свою жизнь, так и останешься в нищете.

Джулия не растерялась.

— А я уже соединила. Габриэле не очень удачлив, зато он добрый и благородный. А вы можете сказать то же о Пьетро Джелидо? Вы отдаёте себе отчет, что любить такого человека — безумие, самоубийство?

— Но я его вовсе не люблю.

Катерина говорила искренне. Пьетро Джелидо источал непонятное мрачное обаяние, но уже несколько месяцев, как любовь к нему угасла. В конце концов, монах сам немало этому содействовал: любое проявление чувства у него сопровождалось язвительными грубостями, словно он сам хотел ее как можно дальше оттолкнуть, чтобы помешать сближению.

Джулия, очевидно поняв, что мать говорит искренне, сильно смутилась.

— Но год назад, когда я уехала, вы написали мне, что влюблены!

— Я писала не о Пьетро. Я писала о другом человеке, с которым ты не успела познакомиться: о Мишеле Серве.

— Мишель Серве? Еретик? — воскликнул Габриэле Симеони, появившийся на пороге.

Он был молод и высок, в мягких, почти женственных чертах лица читались доброта и деликатность. Его глаза, такие же голубые, как у герцогини и ее дочери, светились теплотой. Светлые волосы локонами вились по плечам, соединяясь с коротко остриженной бородкой. Одет он был просто, без всякой претензии на элегантность, даже, можно сказать, небрежно. Пятна пота на зеленой рубашке указывали на то, что ему пришлось бежать, скорее всего, из зоны беспорядков.

Катерина смотрела на него, не скрывая вражды. Она терпеть не могла таких нарочито мягких и нежных мужчин.

— Мишель Серве — еретик только в глазах инквизиции. Надеюсь, господин Симеон и, вы не симпатизируете Матье Ори и его тюремщикам? Даже если это так, знайте, что Серве в безопасности в Женеве.

— В Женеве! Так это был он! — Симеони смешался. — Простите, герцогиня, Мишель Серве, о котором вы говорите, случайно, не звался Мигель де Виллануэва?

— Да, это его настоящее имя.

— Тогда у меня для вас дурные вести, — Симеони все больше смущался. Чтобы как-то потянуть время, он снял старый выцветший плащ и положил его на стул. Потом уселся сверху, — Серве был вашим другом?

— Да, — ответила Катерина, и голос ее дрогнул, — Говорите, прошу вас.

Симеони сглотнул.

— Серве считали еретиком не только католики...

— Он не был гугенотом, я знаю, но гугеноты помогли ему бежать в Женеву.

Симеони опустил глаза.

— Вы регулярно получали от него письма?

— Последнее пришло в прошлом году.

— Боюсь, мадам, что больше не получите.

Сердце Катерины забилося так сильно, что заболела грудь. Она еле выговорила:

— Что с ним?

Симеони глядел в пол.

— Хотел бы я, чтобы вы получили это известие не от меня, — прошептал он, — Серве сожгли живым несколько месяцев назад. Приказ о казни отдал лично Кальвин.

Пронзительный крик вырвался у Катерины. Она взглянула на Симеони с какой-то слабоумной улыбкой:

— Вы лжете. Не понимаю, зачем...

— Я не лгу, герцогиня. — Симеони поднял на нее грустные голубые глаза. — Удивляюсь, что вы ничего об этом не знали. О процессе Серве говорила вся Европа. Кальвин потребовал, чтобы он отрекся от тезиса о человеческой природе Христа. Он отказался, и его отгнали на костер.

Пропасть отчаяния поглотила разум Катерины. Она не знала, что сказать, что подумать. Из горла сами собой вырвались рыдания, но они не дали выхода отчаянию: просто разум так отреагировал на покрывшую его тьму. Откуда-то издалека до нее донесся голос Джулии:

— Вы вправду любили его, мама?

Катерина даже не разобрала смысла слов.

Соображать она была не способна.

Потом она почувствовала, как руки Джулии гладят ее по волосам, а сердце дочери бьется совсем рядом. Она ухватилась за это тепло, которое тоже шло из бесконечного далека. Заботливые пальцы старались вытереть ей слезы.

А Симеони продолжал говорить:

— Все порядочные люди, к какой бы вере они ни принадлежали, были возмущены тем, что случилось с Серве. Женева в одночасье потеряла свою репутацию вольного и толерантного города. Может, Кальвин и сам такого не ожидал. Он человек суровый, но честный и осмотрительный. Кажется, что рекомендательное письмо, которое Серве вез с собой, и решило его участь, не оставив другого выбора. Это было настоящее обвинительное заключение.

Из всего сказанного Катерина не поняла ни слова. Она продолжала рыдать на груди у дочери. Джулия обернулась к другу.

— Габриэле, похоже, Серве оказался жертвой какого-то обмана. Так?

Симеони кивнул.

— Я слышал только сплетни. Говорили, что тот, кто спас Серве во Франции, погубил его в Швейцарии.

Катерина вдруг очнулась от оцепенения и властным жестом отодвинула от себя Джулию.

— Рекомендательное письмо Серве к Кальвину написал Пьетро Джелидо. Это он расставил ловушку. — Слезы еще бежали у нее по щекам, но голос обрел решимость, — Это он, чудовище. Он понял, что я люблю Мишеля, и послал его на смерть.

— Я бы так не говорил, — заметил Симеони, — Не знаю, насколько повлияло его вмешательство. Я передал вам только сплетни и не уверен, что на самом деле все обстояло именно так.

— Зато я уверена. — По мере того как в ней нарастала ненависть, Катерина приходила в себя, снова обретая самообладание и ясность ума. Слезы высохли на щеках, а голубые глаза, в последние годы чуть затуманенные, опять засияли ледяным блеском. — Но я отомщу. Он заставил Мишеля бежать, потому что не был уверен, что инквизиция приговорит его к костру. И меня сделал соучастницей преступления.

Джулия все еще находилась в замешательстве.

— Если все это верно, то он и в самом деле зверь в человеческом облике. Но вы прекрасно знаете, мама, что я его всегда таким и считала. Хотя, я думаю, замыслить подобное преступление — слишком сложная задача.

— Мне тоже так кажется, — вмешался Симеони. — Все это слишком напоминает историю с Претом и Беллерофонтом, с Кальвином в роли Иобата.

У Катерины вырвался крик.

— О господи! Тогда все действительно начертано на звездах. Кардано знал наперед, что должно случиться! Он меня предупреждал, а я не поняла!

Она была сама не своя, словно какая-то необоримая сила завладела ею.

Взволнованная Джулия взяла мать за руку и попыталась усадить ее в кресло.

— Прошу вас, сядьте. Вам надо прийти в себя. Успокойтесь, и мы сможем все обсудить и попытаться понять, насколько обоснованна гипотеза о совершении преступления через посредника.

Катерина силой высвободилась.

— О, теперь я абсолютно уверена.

Она с шумом втянула воздух и стиснула губы.

— И одно скажу вам точно: перед смертью Пьетро Джелидо будет так страдать, как и представить себе невозможно.

Встревоженный Симеони заботливо ее остановил.

— Не говорите так и вообще не говорите так громко. Пьетро Джелидо может находиться поблизости.

Джулия покачала головой.

— Нет, Джелидо нет в городе. Иначе я никогда не пришла бы сюда и не позвала бы тебя.

— Где же он?

Джулия уже собиралась ответить, как вдруг на улице внезапно потемнело. Она подошла к окну, выглянула наружу и передернула плечами.

— Откуда-то наползает огромное дымное облако. Так я и знала: оборванцы подожгли собственный квартал. У них всегда этим кончается. По счастью, пожар отсюда далеко.

Катерина не обратила никакого внимания на слова дочери.

— Я знаю, где сейчас Пьетро: в Салоне-де-Кро.

Теперь она почувствовала, что силы полностью к ней вернулись. Гнев восстановил поток жизненной энергии, который грозил вот-вот иссякнуть.

— Там должна проходить церемония полного оправдания тех, кто участвовал в избиении вальденсов Люберона. Пьетро был одним из участников.

Симеони застыл от удивления.

— Не может быть! Ведь Пьетро Джелидо гугенот!

— Девять лет назад он гугенотом не был. На церемонию его пригласил один из нотаблей Салона, некто барон де ла Гард. Видимо, он не знает о теперешних взглядах Пьетро.

Симеони еще больше удивился.

— Ого! Барон Пулен де ла Гард — один из самых знаменитых адмиралов Франции... Я что-то слышал о том, что он был под следствием по поводу какой-то резни.

— Не знаю, что у Пьетро на уме, — сказала Катерина, пытаясь сосредоточиться.

В ее сознании боль от утраты Серве переродилась в холодную решимость убийцы.

— Думаю, он воспользуется двусмысленным положением барона для какого-нибудь своего кровавого замысла. С ним поехало много гугенотов.

Джулия отошла от окна.

— Это не в Салоне-де-Кро обитает...

— Да, там обитает Мишель де Нотрдам, — ответила Катерина.

Жизненная сила, влившаяся вместе с гневом, разожгла былую ненависть.

— Человек, из-за которого много лет назад меня нагишом проволокли по улицам Экса и публично высекли. Я сумею покарать их обоих: и его, и Пьетро Джелидо. Тот, кто унизил меня, теперь должен платить. Время пришло.

Симеони наморщил лоб.

— Мишель де Нотрдам... Я, кажется, читал один из его альманахов. Он астролог?

— По крайней мере, претендует на это звание. Он поймет, что значит бесчестить женщину. А что до Пьетро Джелидо... он вообще пожалеет, что родился на свет.

Катерине с трудом удалось подавить рыдание. В памяти ее всплыло нежное лицо Мишеля Серве в миг последнего короткого объятия в тюремной камере инквизиции.

— Браво, мама! — повеселев, воскликнула Джулия. — Теперь вы снова прежняя властительница Камерино! Женщина отважная и умная...

Ее слова прервал отдаленный гул, такой сильный, словно его источник находился совсем близко. Огонь, пущенный рабочими, грузчиками и нищими, видимо, добрался либо до пороховых погребов, либо до мастерских, где работали с серой. Окно озарилось пламенем.

— Интересно, отчего настоятель не вызовет лучников, чего он ждет? — спросила Джулия. — Достаточно одного отряда конной стражи, чтобы разогнать злоумышленников.

И, словно в ответ на ее вопрос, послышался отдаленный прерывистый треск. Симеони улыбнулся.

— Дорогая моя, тут уже не лучники, в ход пошли аркебузы. В дело вмешалась власть в коротких одеждах.

— Вот и прекрасно! — повеселела Джулия.

Наверное, она не прочь была бы продолжить разговор, но тут дверь распахнулась, и в комнату ворвался лысый, крутолобый человек лет пятидесяти. За его спиной, держась за ручку двери, стояла служанка.

— Братья, — начал лысый, — меня зовут Пьеро Карнесекки, я член лионской консистории. Консистория рассудила, что это здание находится в зоне опасности. Вы должны немедленно его покинуть.

— Там, кажется, стреляют, — сказала Джулия, указав на окно.

— Совершенно верно. Через полчаса стрелять начнут повсюду.

Катерина в этот момент так ненавидела гугенотов, что засомневалась, стоит ли повиноваться Карнесекки, наверняка диакону или пастору кальвинистской церкви, хотя платье его имело священнический покрой. Но потом решила, что, пожалуй, стоит. По крайней мере, у нее будет достаточно времени, чтобы обдумать план мести.

— Хорошо, идемте скорее, — ответила она. — Но куда вы нас поведете?

— Предоставьте это мне, — отозвался священник. — Я выведу вас из рабочего квартала.

Спустя некоторое время Катерина и ее спутники в сопровождении человека в черном почти бегом пробирались по узким, загаженным нечистотами переулкам. Все двери и окна в лачугах грузчиков были нараспашку. Вдали, над соломой и потрескавшейся черепицей крыш, виднелась часть города, охваченная пламенем. Выстрелов слышно не было, только эхо отдаленных криков.

Внезапно у Катерины подогнулись колени, и, чтобы не упасть, она схватилась за Симеони. Тот заботливо склонился над ней. Джулия тоже подбежала, а Карнесекки тем временем остановился в нескольких шагах отдохнуть.

— Что с вами, герцогиня? — спросил Симеони.

— У меня так сильно заболела нога, словно мышцу свело. Сейчас боль отходит.

— Это не подагра? — спросила Джулия.

— Подагра? Нет, не думаю, — ответил Симеони, — Скорее всего, это просто возрастная болезнь суставов.

Он обернулся к гугеноту.

— Нам надо идти помедленнее, мадам не может бежать, как мы.

— Хорошо, — согласился Карнесекки, — Но надо двигаться, здесь оставаться нельзя.

Катерина почувствовала себя такой униженной, что вновь обретенная уверенность улетучилась в один миг. На глаза снова набежали слезы и не вылились только потому, что она и так слишком много пролила их сегодня. На миг она вдруг остро почувствовала, что короткое любовное объятие с Серве было последним в ее жизни, и поняла, какая пропасть утраты и одиночества разверзлась под ее ногами со смертью возлюбленного.

Симеони взял ее под руку.

— Обопритесь на меня, герцогиня, и успокойтесь. Боль в суставах — не редкость в вашем возрасте. Попробуйте идти обычным шагом и увидите, что все получится.

Джулия взяла ее за другую руку.

— Я помогу вам, мама. Вот так. Если снова станет больно, скажите мне сразу.

Троица направилась к реке, где сосредоточились мастерские и мельницы. Здесь улицы были спокойны, но над ними висела непривычная тишина: замолк визг ткацких станков, да и вся жизнь, казалось, замерла. Вода в Роне стала чистой, и по ней не плыли больше пятна краски. Лодок тоже не было видно.

Обессиленная Катерина покорно повисла на руках спутников. Боль не отпустила ее, но она старалась не подавать виду. Во мраке, что окутал ее мысли, вдруг забрезжил просвет. Ее опять охватила жажда мести, и с новой, почти маниакальной силой вспыхнуло желание овладеть секретом Нотрдама, тем, что позволял останавливать время и нарушать его законы.

Вдруг она вздрогнула и повернулась к Симеони.

— Что вы сказали?

— Я рта не раскрывал, — ответил тот удивленно.

— И вы не просили меня присоединиться к вам в...

— Нет, герцогиня, где же вы ко мне должны присоединиться, если вы и так рядом со мной?

Катерина опустила глаза.

— О, простите, я думала...

Призыв, который она слышала, произнес голос, совсем не похожий на голос Симеони. Он говорил с заметным испанским акцентом, но это был не акцент Мигеля де Виллануэва по прозвищу Серве. Она вспомнила тембр этого голоса, который стал для нее родным столько лет назад. Он звучал глухо и настолько размыто, что Катерина смогла разобрать только одно слово: Абразакс. Она спросила себя, не ослышалась ли она.

Симеони глядел на нее с явной тревогой.

— Вам, наверное, показалось. Как только выберемся из рабочего квартала, отправимся к моему другу, у которого я всегда останавливаюсь. Он один из немногих флорентийских изгнанников, которые остались верны Козимо. У него большой дом, и он охотно примет вас.

Катерина в задумчивости отрицательно покачала головой.

— Я не собираюсь оставаться в Лионе. Мне надо сразу уехать в Салон.

— Мама, вы шутите? — воскликнула Джулия, — Вы не в том состоянии, чтобы отправляться в дорогу.

Вопреки собственной слабости Катерина бросила на дочь свирепый взгляд.

— Говорю тебе, я еду в Салон, и не пытайся мне помешать.

Джулия испуганно замолчала.

Тем временем они подошли к границе рабочего квартала. Клубы дыма за их плечами превратились в тоненькие струйки. Аркебузы замолчали, и это означало, что восстание подавлено.

ИКОНОБОРЦЫ

Гийом Рондле повернулся к Жюмель с самой радушной из своих улыбок.

— Знаешь... Знаете, дорогая, вы все так же прекрасны, как и раньше: просто праздник для глаз.

Жюмель лукаво улыбнулась. Было видно, что она рада видеть старого друга и случайного любовника.

— Да и ты... Извините, и вы тоже не особенно постарели. Надеюсь, вы сохранили прежнюю неукротимую энергию.

— О, стараюсь, как могу. — Рондле открыто рассмеялся. — Конечно, не так часто, как в Монпелье.

Сидя в кресле в гостиной первого этажа, Мишель благодушно следил за беседой, но

счел нужным вмешаться и не дать ей ходу дальше, ибо знал бесцеремонность жены.

— Анна, угости нашего друга вареньем из апельсиновых корочек, которое мы варили вчера, — Он нарочно назвал Жюмель Анной, давая понять, что она уже не та, что прежде, — Думаю, это одно из лучших наших кулинарных достижений.

— Сейчас принесу, — весело откликнулась Жюмель.

Мишель заметил, как восхищенно глаза Рондле следили за изящным изгибом ее бедер, но это его не огорчило. Он просто поменял тему разговора.

— Должно быть, тебе хорошо послужится личным врачом кардинала де Турнона.

— Да, только вот приходится все время путешествовать. Турнон ведь дипломат, постоянно загружен какими-то поручениями и все время таскает меня за собой, поскольку боится за свое здоровье. На самом деле он здоров как бык.

— Зато благодаря ему ты оказался в Салоне. Хотя не понимаю, что его сюда привело.

Рондле впервые посерьезнел, что не вязалось с его пухлым лицом и румяными щеками.

— «Te Deum»⁴¹, который прозвучит здесь, будет иметь решающее значение, и не только для моего кардинала, но и в глазах короля. Понимаешь? Бога благодарят за то, что суд вынес оправдательный вердикт виновным в избиении вальденсов. Это безошибочно рассчитанная пощечина гугенотам, почти что вызов выйти из тени.

Мишель слегка нахмурился.

Не нравится мне этот вызов: у нас и так достаточно напряженная обстановка.

— Пойди скажи это Турнону. А еще лучше — королю. Победа при Меце прибавила ему спеси, но на самом деле он еще больше не уверен в себе. Чтобы удержать осажденную Козимо Медичи Сиену, ему хочешь не хочешь, а нужна поддержка понтифика. Вот почему во Франции взялись за кальвинистов.

Мишелю пришли на память все ужасы осады Сиены. Чтобы заставить город покориться, герцог Козимо, уже открыто поддерживая связи с Карлом V, пустил реки крови. Каждый день у городской стены вешали по десять крестьян, в назидание осажденным. Детям отрезали носы и уши, а потом посылали к сиенцам. Не было ни одной крестьянской усадьбы, которую бы не сожгли, не было ни одной мало-мальски привлекательной женщины, над которой не надругались бы самым бесчеловечным образом. Парламентариев, пришедших заключить перемирие, бросили корчиться у городских ворот, отрубив им руки и ноги.

Тосканская трагедия выразилась у Мишеля в блестящих, полных тревоги стихах, которые ему нашептывал Парпалус. Но больше всего его пугало то, что все эти жестокости могут перекинуться и во Францию, если их будет подпитывать постоянная вражда между католиками и гугенотами.

— Я не нахожу разжигание фанатизма лучшей мерой в деле... — Колокол на ближайшей колокольне начал отбивать часы, и Мишель застыл, стараясь сосчитать удары. Он все еще не мог привыкнуть к новому отсчету времени, хотя тот и был гораздо удобнее старого⁴². — Богослужение скоро начнется, наверное, тебе надо идти. Я оставлю тебе варенья на обед.

— А ты не пойдешь?

— Нет. С недавних пор меня мучают боли в ногах, и я долго не выстою. И потом, меня не было в списке обвиняемых, и мне нечего праздновать. Я боюсь религиозных противоречий как чумы. Мне кажется, мы рискуем докатиться до гражданской войны.

— Не могу отказать тебе в правоте. — Рондле поднялся и взял свой плащ. — Ты слышал: Рабле умер?

⁴¹ «Te Deum» — «Тебя Бога хвалим...» (лат.)

⁴² До описываемого периода время в Европе отмеряли согласно так называемым литургическим часам, то есть колокол звонил согласно расписанию церковных служб: к заутрене, к вечерне и т. д. Затем время начали отмерять не по литургическим, а по астрономическим часам. (Прим. перев.)

Мишель тоже встал с кресла, и лицо его опечалилось.

— Да, к несчастью. Он не первый из наших, кто ушел, но он был душой всей компании. Как он тебя называл?

— «Рондибилис», «Колобок». Под этим прозвищем он меня и вывел в третьей книге Пантагрюэля, в костюме брачного советника.

В этот момент вошла Жюмель и принесла на подносе вазочку с вареньем и два блюдечка.

— Ужасная книга. — Она скорчила гримаску. — В ней столько яду изливается по поводу нас, женщин... Слово у нас совсем нет души и мы предназначены только для удовольствия самцов, которые нас за это же и презирают.

Рондле приподнял бровь.

— Вы, Анна, мать очаровательной девочки, а месяц назад произвели на свет сына, Сезара. К матерям все штучки Рабле не относились.

Жюмель резким движением поставила на столик поднос, так что ваза и блюдечки звякнули.

— Еще до рождения детей у меня были и душа, и собственное достоинство, как и у других женщин. Вы что же, думаете, что мы начинаем существовать только с того момента, как родим сыновей для счастливой жизни или дочерей для несчастной? Ошибаетесь!

Мишель, обеспокоенный этим выпадом, поспешил извиниться:

— Не сердись на нее, Гийом. Она, может, слишком бесхитростна, но из жен она, несомненно, лучшая.

Рондле рассмеялся.

— Пусть это тебя не беспокоит. Рабле, прекрасный медик, не уставал повторять, что в женщинах вся загвоздка заключена в особой подвижности матки.

Жюмель посмотрела на него с иронией.

— Пожалуй. Однако, если мужчины умны, а женщины — нет, надо разобраться, в чем же их принципиальное отличие. Выходит, весь ваш ум заключен в том предмете, что вы имеете между ног, а мы — нет.

Рондле был настолько ошарашен, что сразу не нашелся что сказать. Потом еще громче расхохотался.

— Сдаюсь! Черт побери, Мишель, ты женился не на женщине, а на вулкане!

— Это мой крест, но и мое счастье. — Мишель ласково погладил жену по черным волосам, и та вся так и засветилась радостью. — Прошу тебя, Гийом, заходи к нам после «Те Деум», а если про меня будут спрашивать, скажи, что я занимаюсь новорожденным сыном, и извинись за мое отсутствие.

Рондле остановился на пороге.

— А меня уже кто-то спрашивал. Итальянский монах, некто Пьетро Джелидо. Наверное, это кто-то из старых знакомых.

Мишеля передернуло.

— Пьетро Джелидо? Да, он тоже был в Любероне. Настоящий фанатик: это он провоцировал самые бесчеловечные деяния, которые там вершились. Но я слышал, что его разыскивают уже как гугенота.

— Не думаю. Его пригласил на богослужение твой приятель барон де ла Гард. Хотя он мог и не знать.

Мишель с минуту подумал, потом повернулся к жене.

— Жюмель, принеси мне плащ, — Он взглянул на Рондле. — Подожди, я пойду с тобой. В «Те Деум» участвовать не стану, но хочу посмотреть, кто там будет. Да и очень хочется перекинуться парой слов с Пьетро Джелидо.

Жюмель тронула его за руку.

— Не ходи, Мишель, не показывайся возле церкви. На Любероне ты никому не сделал зла, а остальные сделали. Не мешайся в их компанию.

Мишель осторожно снял руку жены со своей.

— Спасибо, Анна, не бойся, я буду очень осторожен. У меня нет ни малейшего желания быть втянутым в историю, к которой я непричастен.

На мгновение Жюмель застыла в замешательстве, потом вышла из комнаты и вернулась с плащом Мишеля.

— Если начнутся беспорядки, сразу уходи. Помни, что теперь у тебя двое детей.

— И обожаемая, хотя и диковая жена, — с улыбкой ответил Мишель. Охваченный порывом нежности, он очень хотел поцеловать Жюмель, но Рондле уже терял терпение, и пришлось послать воздушный поцелуй. — Скоро вернусь.

На залитой солнцем площади перед собором Святого Лаврентия собралась огромная толпа. Ржали лошади, взад-вперед носились слуги, нотабли кланялись друг другу. Мишель приветствовал Адама де Крапонне, архитектора, которому поручили строительство канала на случай засухи, и поклонился издала первому консулу Паламеду, занятому беседой с командором де Бейне. Барон де ла Гард что-то оживленно обсуждал с сухощавым стариком в епископской одежде.

— Что это за прелат? — спросил Мишель у Рондле. — Один из помощников кардинала де Турнона?

— Нет, это Маттео Банделло, епископ Агена. В Салон съехались защитники католицизма со всего региона. Многие, наверное, уже в церкви... О, а вот и правая рука моего кардинала: он чем-то взволнован.

К ним сквозь толпу пробирался светловолосый человек в черном, но толпа мешала ему пройти. Он остановился, чтобы отцепить рясу от шпоры какого-то всадника.

— Как он странно одет, — пробормотал Мишель. — Никогда раньше таких не видел. Он монах или священник?

— Священник и принадлежит к так называемому ордену иезуитов. Еще несколько месяцев назад он был доминиканцем и служил в лионской инквизиции. Турнон разрешил ему сменить орден. Иезуиты у доминиканцев как бельмо в глазу. Доминиканцы их презирают так же сильно, как ненавидят францисканцев.

Наконец иезуит отцепил рясу и, задышавшись, подошел к Рондле. Тот вежливо поклонился:

— Отец Михаэлис, позвольте представить вам...

— Сейчас не время, — отрезал иезуит. — Доктор Рондле, боюсь, что назревают серьезные события. Кардинал де Турнон уже в церкви. Пожалуйста, догоните его и имейте при себе оружие. У вас есть оружие?

— У меня только короткий кинжал.

— Этого достаточно. Ваше место сразу за спиной кардинала. Внимательно следите за всеми, кто к нему подойдет, и будьте готовы убить любого из них, если понадобится.

Рондле был ошеломлен.

— Да что случилось?

— Один из приглашенных на церемонию очень похож на главаря гугенотов. Я видел его всего раз, но лица не забыл: это один из негодяев, организовавших побег Мишеля Серве из лионского застенка. Если это действительно он, боюсь, что может случиться что-нибудь похуже.

— А как его зовут? Не Пьетро Джелидо, случайно?

Отец Михаэлис отрицательно покачал головой.

— К сожалению, я не знаю его имени. Здесь, на площади, видели, как он разговаривал с какой-то знатной дамой, и она быстро ушла. Думаю, что знаю, о ком идет речь. На мой взгляд, эта парочка что-то задумала.

— Я побежал в церковь! — воскликнул Рондле и повернулся к Мишелю: — Извини, что бросаю тебя.

— Ничего. Не забудь про обед у нас.

Отец Михаэлис огляделся.

— А я пойду предупрежу стражу. Что-то никого из них не видно.

Он уже собрался было откланяться, как из собора послышались громкие крики. Мишеля вдруг охватило волнение, и он быстро обернулся в сторону шума. На пороге собора показался человек, за ним, размахивая обнаженными шпагами, двигалась группа фанатиков. Он сразу узнал Пьетро Джелидо. Казалось, что за годы, прошедшие с их последней встречи, тот помолодел. Жилистыми, мускулистыми руками он высоко над головой держал какой-то круглый предмет.

Пьетро Джелидо — а это был, несомненно, он — швырнул предмет на мостовую, и тот разлетелся на множество осколков. Монах крикнул:

— Вот, видите? Это была голова Мадонны. В этом соборе практикуется суеверный культ священных изображений. Как будто святые могут быть низведены до мраморных черепков, и Господь Бог вместе с ними!

На площади поднялся возмущенный рев голосов. Все, кто был при оружии, выхватили шпаги. Тут из бокового переулочка хлынула толпа простолюдинов вперемешку с буржуа, одетыми в черное. Их было не так уж много, но все с копьями, вилами и длинными мясницкими ножами. Они взяли в кольцо Пьетро Джелидо, и без того окруженного вооруженным отрядом, и быстро ретировались. На площади завязались многочисленные поединки, воздух звенел от эха бьющихся друг о друга клинков. Главная улица загудела от топота копыт и лошадиного ржания: приближался конный патруль. Испуганные лошади шаркались во все стороны.

Мишель увидел, как Рондле бросился в церковь, а Михаэлис, выхватив шпагу у какого-то старого солдата, ринулся в общую свалку. Сцена ясно отпечаталась в его мозгу, а потом ее вытеснил образ Жюмель. Она что-то кричала ему, заслоняя руками детей.

Это состояние полусна-полуяви длилось долю секунды. Когда оно прошло, Мишель вскрикнул и опрометью бросился с площади домой. На бегу он краем глаза успел заметить, как какой-то разъяренный аристократ топчет ногами распятие. Он ужаснулся, но мысли его были заняты другим. Навстречу ему выехал патруль, и Мишель вжался в стену. Невыносимо ясно перед ним снова встал образ испуганно кричащей Жюмель.

Дом казался спокойным на первый взгляд, только входная дверь была распахнута. Мишель вбежал внутрь с сердцем, сжавшимся от страха и тревоги. Вестибюль был пуст. Он взлетел по лестнице, задыхаясь от нарастающей тоски, и только на пороге спальни вздохнул с облегчением.

Жюмель была там. С ужасом глядя на дверь, она прижимала к себе детей. Когда Мишель подбежал к ней, она его не узнала. Тяжело дыша, она с такой силой стискивала детей, что они громко плакали в тишине. Мгновение спустя руки ее чуть разжались.

— Я так и знала, что эта женщина опять явится, — прошептала она еле слышно. — Придет, чтобы убить их.

Мишель был не способен ни на одну логичную мысль. Он бросился к жене и детям и начал лихорадочно покрывать их поцелуями. Старшая, Магдалена, заулыбалась, а маленький Сезар продолжал плакать.

— Что случилось?

— Пришла женщина, — ответила Жюмель, немного успокоившись. Она изо всех сил старалась побороть волнение и говорить ясно. — Я ее сразу узнала. Я встречалась с ней в Париже два года назад. Тогда она была очень красивая, только глаза холодные и злые. Теперь она выглядит сильно потрепанной, а глаза все те же.

Мишель заметил, что жена сбивается, и даже подумал, что она бредит. Надо было немедленно вернуть ее к действительности.

— Жюмель, ты уже много лет не была в Париже, — сказал он, ласково поглаживая ее по щеке. — Ты путаешь.

— Нет, я не путаю, — Жюмель всхлипнула. — Я была в Париже тайком от тебя, в тысяча пятьсот пятьдесят втором году. Но я сделала это для твоего блага. Я думала, что встречу Диего Доминго Молинаса, который мучил меня письмами, а встретила эту женщину.

Мишель был ошеломлен, но виду не подал. Обман его не трогал: он слишком любил

жену.

— Ты знаешь ее имя? — ласково спросил он.

— Да, Катерина Чибо-Варано. Думаю, она итальянская аристократка.

У Мишеля вырвался крик.

— Опять она! И каждый раз она путается у меня под ногами!

— Не знаю, по своей ли воле она действует: с ней был монах, может, ее любовник, тоже итальянец.

В голове Мишеля немедленно возник образ Пьетро Джелидо, и возник не по логике воспоминания о прошедших событиях, а чисто интуитивно. Мишеля это потрясло. Он немного помолчал, потом прошептал:

— Теперь я знаю, кто меня преследует. Но почему?

Сезар снова заплакал. Мишель осторожно взял его у Жюмель и начал ласково укачивать. Жюмель осталась с Магдаленой на руках.

Потихоньку дети успокоились, и Мишель спросил, воспользовавшись тишиной:

— А что произошло, когда явилась эта дама?

— При виде ее я испугалась, но она была очень любезна. Она сказала, что пришла попросить у меня прощения и что хочет предъявить мне какие-то доказательства заговора против тебя.

— Она просила, чтобы ты еепустила в дом?

— Да нет, я сама ее пригласила войти. Я ей не поверила, но мне было интересно, что же она скажет. И потом, на руках у меня был Сезар, и я не могла разговаривать через порог.

— Ну а потом?

До этого момента глаза Жюмель оставались сухими. Но тут на них сразу навернулись слезы. Видно было, что она изо всех сил старается не заплакать, чтобы не напугать детей.

— Все произошло в один миг. Она выхватила кинжал и приставила его к горлу Сезара. Понимаешь? Не к моему, а к горлышку нашего малыша!

Мишель, руки которого согревало тепло маленького тельца, содрогнулся. Неистовый гнев поднялся в нем.

— А дальше? — торопил он, — Что ей было надо, этой гарпии?

— Рукопись «Arbor Mirabilis».

— А ты?

— Отдала. А что я еще могла сделать? Я знала, где ты ее прячешь, и отдала. Я поступила плохо?

Мишель грустно покачал головой.

— Нет, любимая, я сделал бы то же самое. Ну а дальше?

Приободрившись, Жюмель продолжала:

— И тут, поскольку дверь оставалась открытой, в дом вошли еще двое: светловолосый человек и молодая женщина. Она была очень похожа на герцогиню, и я решила, что это ее дочь.

— Да, — кивнул Мишель, — это ведьма той же породы, по имени Джулия. А что за человек с ними явился? Он представился?

— Нет, но они называли его Габриэле. Похоже, он обмер от сцены, которую увидел. Он всего лишь кивнул, когда забирали книгу. Но они не только ее искали.

— А что еще?

Глаза Жюмель все еще блестели, но она заметно успокоилась. Магдалена внимательно вслушивалась в разговор, словно понимала, о чем идет речь. Жюмель погладила ее по каштановой головке.

— Герцогиня убрала кинжал от горлышка Сезара, но угрожать не перестала. Она заставила меня проводить ее наверх, где ты работаешь по ночам, и перерыла все твои бумаги.

— Ясно. Они искали пророчества, — догадался Мишель. — На счастье, я уже отослал их издателю.

— Нет, не думаю, что пророчества. Светловолосый начал один за другим просматривать все флаконы у тебя на полке. Похоже, он разбирался в этом деле: он нюхал жидкости и рассматривал их на свет. В конце концов он забрал один из флаконов.

— Который? — спросил Мишель дрогнувшим голосом, хотя уже знал ответ.

— Большую круглую склянку из глубины шкафа. Он на нее только взглянул — и сразу понял, что в ней. Тут все трое повернулись и быстро ушли. Мне было так страшно, что я сразу спустилась вниз и с Сезаром на руках забралась в постель. Магдалена спала, но тут же проснулась и расплакалась. А потом, слава богу, пришел ты.

Мишель потер глаза пальцами. Он почувствовал себя опустошенным и тяжело вздохнул.

— Несомненно, светловолосый был иллюминатом. Он искал «Arbor Mirabilis» и ястребиную траву. Теперь у него есть и то и другое.

— Значит, Ульрих из Майнца снова поблизости! — вскрикнула испуганная Жюмель.

— Не думаю, что это он. На что ему было похищать у меня настой ястребиной травы с беленой? Он и так знает формулу. Нет, тут что-то другое. Другие враги, может, не такие опасные, но такие же явные. Чтобы добраться до того, что искали, они устроили настоящее восстание.

— Отчего они не оставят нас в покое, Мишель?

Он снова вздохнул.

— Трудный вопрос. Но знай твердо: тот, кто пожелает нам зла, обречен на провал. Пока жива наша любовь, мы сильнее их: ведь они умеют только ненавидеть.

На этот раз Жюмель расплакалась, но уже не от страха. Мишель бережно положил Сезара на кровать и нежно ее поцеловал.

Малыш вдруг радостно засучил ножками, а Магдалена начала тереться головкой о бок матери, как котенок, когда просит, чтобы его приласкали.

ОПАЛА

Симеони выглядел настолько вне себя, что Джулия испугалась. Однако гнев его был направлен на Катерину, а прежде всего — на Пьетро Джелидо, единственного, кто оставался абсолютно равнодушен.

— Меня втянули в преступление! — уже в который раз кричал он. Карета подпрыгнула на ухабе, и его бросило на спинку сиденья, но он тут же выпрямился как пружина. — В целую серию преступлений, от кражи до мятежа!

Катерина начала беспокоиться. С того момента, как они выехали из Салопа в Лион, он все не мог унять и продолжал всех клеймить. Герцогиня посмотрела на Пьетро Джелидо, который молчал, словно его не касались эти выпады, и сказала:

— Габриэле, повторяю вам уже в который раз: в Салоне вас никто не знает, и не было ни одного убитого.

Симеони с такой силой ударил рукой по дверце кареты, что кучер придержал лошадей.

— Ничего, поехали! — крикнул он кучеру и, повернувшись к Катерине, возразил: — Приставить кинжал к горлу новорожденного! Вы хоть понимаете весь ужас, всю чудовищность того, что сделали?

— Я не собиралась его трогать, я хотела только напугать мать.

— Она хотела только напугать мать! — Ожесточение Симеони достигло апогея, у него даже голос сел, — Вы и в самом деле не ведаете, что такое мораль. Вы настолько испорчены, что способны на любое преступление. Вы не человек больше, вы — гнусность во плоти!

Катерина разозлилась. Она призывала себя сохранять спокойствие, но ответ вырвался сам собой:

— Милый мой, вы говорите с женщиной, которая еще девочкой была отдана чудовищу и годами подвергалась насилию, которую предавали бесчисленное количество раз, у которой отняли все, надругавшись над лучшими чувствами.

Тут ей достало ума сдержаться. Произносить имя Серве было нельзя: Пьетро Джелидо не должен был догадаться, что ей все известно. Но тем не менее она не желала выслушивать обвинения Симеони. Она предпочла увести разговор от своей персоны.

— Вы не хуже меня знаете, Габриэле, что герцог Козимо, которому вы... которому мы служим, велел распять женщин Ториты у ворот их деревни, чтобы заставить жителей Сиены покориться. Он сжигал целые семьи вместе с сеновалами, на которых те укрывались. И вы меня обвиняете в жестокости! Поглядите лучше, что за человек тот, кому вы продаете ваши гороскопы!

Если бы ей возразил Симеони, она еще больше бы распалилась. Но отозвалась Джулия, и в голосе ее не было и тени ненависти:

— Мама, ни ваши страдания, ни чужие преступления не могут оправдать чудовищных поступков, которые вы совершали все эти годы. Новорожденный, которому вы угрожали кинжалом, не состоит на службе у герцога Козимо и никому не сделал зла. То же самое — те несчастные зачумленные в Эксе, что стали жертвами ваших ядов.

Уверенность Катерины дала трещину.

— Это не я...

— Вот именно! — прервала ее Джулия. — Вы думали избавиться от унижений, которые выпали на нашу с вами долю, а на самом деле попали в рабскую зависимость к личностям мрачным и кровавым. Сначала это был скользкий мерзавец Молинас, а теперь вот это зло в человеческом облике.

И она указала на Пьетро Джелидо.

Монах, саркастически усмехнувшись, впервые нарушил молчание:

— Боюсь, что наши пути на этом разойдутся.

— И буду очень рада! — порывисто воскликнула Джулия. — Приехав в Лион, мы с Габриэле сразу обретем свободу, — Она наклонилась и взяла мать за руки, — Поедьте с нами, мама. Я знаю, что по сути своей вы человек не скверный. Вы никогда не любили меня, и я всегда чувствовала эту нелюбовь во всех ее оттенках. Но на самом деле вы очень ранимы, и у вас еще осталось достаточно сердца, чтобы страдать. Вы сумели остаться женщиной, даже слишком женщиной.

Катерину тронули эти слова. Но у нее были свои планы: отомстить во что бы то ни стало и взлелеять надежду. Закрытая в круглой склянке, надежда булькала в бауле, слегка вспениваясь на ухабах.

— Нет, Джулия, — Она решительно отняла руки, — Отправляйся с Габриэле, у вас еще есть время стать счастливыми. Такими, какой мне побыть не удалось.

Никто из путников до этой минуты не обращал внимания на окружающий пейзаж. Они выехали из Салона ранним вечером, а теперь уже к вечеру клонился третий день пути. Обе ночи они провели в придорожных гостиницах, почти не разговаривая и часто отпуская друг друга колкости. Теперь они оказались среди изящных построек какого-то ухоженного города.

— Должно быть, мы в Вене, — заметил Симеони, — Лион уже близко, да и наше расставание тоже, — Он упер указательный палец в Катерину, — Герцогиня, будьте начеку, кража из дома Нотрдама может быть связана с необычайным риском. Это относится и к книге, и к склянке. Некоторые персоны, наделенные неслыханным могуществом, не снесут, если важные тайны попадут в руки профанов...

— Кого вы имеете в виду? — с любопытством спросил Пьетро Джелидо.

— Вам я этого не скажу. Я не желаю с вами разговаривать, — вновь разозлившись, ответил Симеони и пристально посмотрел на Катерину, — Я обращаюсь к вам, герцогиня. У меня на плече есть крестообразный шрам, который никогда не заживает. Им я обязан моему учителю Жану Фернелю. Так вот, обращаться к рукописи или пользоваться напитком могут только те, у кого на плече такой же шрам. Если вы приметесь читать рукопись, вы не поймете даже, на каком языке она написана. Если, не зная пропорций, вы попробуете напиток, вам грозит безумие или смерть. Советую вам избавиться от обоих трофеев, пока мы

не достигли Лиона.

— Я не для того с таким трудом ими завладела, чтобы остаться ни с чем, — непреклонно ответила Катерина. И сразу же голос ее зазвучал почти умоляюще: — Насколько я понимаю, вы владеете ключом к тайнам, которые почитаете такими опасными...

— Только отчасти. Я, как и Нотрдам и другие иллю... — Он осекся и быстро поправился: — Как и все, у кого имеется шрам на плече, знаем только то, что нам хотел открыть один немецкий философ. Я бы, к примеру, не мог прочесть все страницы «Arbor Mirabilis», хотя и понимаю значение некоторых фигур. Я не знаю нужных доз напитка, но мне известно, что готовят его из одной почти безвредной травы — ястребиной и из другой, очень ядовитой — белены. Вторая крайне опасна.

— Нотрдам знает дозы?

— Конечно. Не все адепты его ранга их знают, но он был первым.

— Адепты чего? — вне себя от любопытства, спросила Катерина.

— Этого я вам сказать не могу. Узнать об этом для вас будет означать подвергнуться смертельной опасности. Может, вы ее и заслуживаете, но мне бы все-таки хотелось вас от нее уберечь.

Мысли Катерины еще раз обратились к Молинасу и его страшной судьбе. А потом в мозгу всплыли строки Аль-Фараби, которые испанец прочел ей в Анте столько лет назад: «Возможно также, что когда сила воображения...» Должно быть, Молинас знал гораздо больше, чем открыл ей. Знал или догадывался. Теперь же ее мучил еще один вопрос. Его надо было задать так, чтобы Симеони не удалось уйти от ответа, и Катерина призвала на помощь всю свою хитрость.

— Может, ваша тайна и опасна, но расшифровке все же поддается: однажды мне ее уже раскрыли, — заявила она нарочито безразлично, — Время можно остановить, не так ли?

У Симеони вырвался крик удивления.

— И что вам об этом известно?

— Так или не так? — настаивала Катерина.

— Так. И не только остановить: его можно повернуть вспять.

— И этой способностью обладает напиток...

— Для этого он и нужен. Но необходимо знать дозировку, иначе это яд.

Никто из путников не заметил, как пролетело время и наступил вечер. Все приникли к боковым окошкам кареты. Справа бежала Рона, освещенная молодой луной; слева громоздились лачуги ткачей и виднелись крыши мастерских. Свет лился только из многочисленных таверн, и чувствовалось, что именно там погасли последние искры недавнего восстания, потрясшего всю Францию. Окончательному же воцарению порядка должно было содействовать изгнание иностранных бродяг.

— Можете высадить нас здесь, — сказал Симеони, — Район этот скверный, но неподалеку живет наш друг поэт Морис Шеве, и мы с Джулией остановимся у него.

Немного поколебавшись, Катерина велела кучеру остановить лошадей, и карета, скрипя колесами, остановилась. В темноте Катерина нашла взглядом глаза дочери.

— Джулия, ты так меня и оставишь?

Молодая женщина тронула ее за руку.

— Я не могу больше разделять вашу жизнь, мама. Надеюсь, что мы когда-нибудь увидимся и у вас больше не будет хозяина. — Она помолчала и добавила: — Можно, я поцелую вас на прощание?

Катерина уже подставила щеку, но вдруг, повинуясь непонятному импульсу, отпрянула в глубь кареты.

— Нет, ты испортишь мне макияж.

Джулия встала с сиденья. В темноте Катерина видела ее профиль. Быть может, Джулия смотрела на нее с упреком, но выражения лица во мраке было не разглядеть. Она выпрямилась и ждала, что дочь повторит просьбу, но та молчала. Симеони открыл дверцу, они с Джулией сошли и быстро исчезли среди бараков.

— Что за чувствительная сцена! — воскликнул Пьетро Джелидо, когда дверца закрылась и карета поехала дальше, — Я ожидал взаимного раскаяния.

— Замолчите! — закричала Катерина, заткнув уши. — Вы не человек, вы сгусток вероломства!

— Что вы говорите?

Пьетро Джелидо с коротким смешком откинулся на спинку сиденья и в следующий миг захрапел. Для человека, который притворяется, что спит, он дышал слишком ровно.

Катерина спросила себя, не настал ли момент оборвать жизнь своего мучителя. Она вытащила спрятанный в рукаве платья кинжал и крепко стиснула рукоятку. Оставалось решить, перерезать сонную артерию или вонзить кинжал в грудь.

— Мы прибыли! — крикнул кучер.

Пьетро Джелидо резко проснулся, и Катерина поспешила спрятать кинжал. В глубине души она об этом не пожалела. Убийца Серве не должен был умереть так легко: он должен был страдать, страдать долго, испытывая муки человека, которого жгут на костре. Катерина не была уверена, что на том свете существует правосудие, а потому решила свершить его сама.

Она посмотрела в окно. Карета стояла напротив богатой виллы, освещенной так ярко, словно там был какой-то праздник. Кучер помог ей сойти, а Пьетро Джелидо тем временем отдавал ему распоряжения:

— Дайте лошадям отдохнуть, но не распрягайте и не отвязывайте багаж. Я не уверен, что нас здесь примут.

— Рад служить вам и нашему делу.

— Не говорите так, нас могут услышать.

Он указал на слуг, которые вышли навстречу путешественникам с факелами в руках. Человек, одетый в более элегантную, чем у других, ливрею, вышел вперед и поклонился.

— Вас ожидают, господа?

— Нет, но ваш хозяин не замедлит нас принять. Это герцогиня Чибо-Варано, а я брат Пьетро Джелидо. — Он поднял глаза на фасад здания. — А что нынче за праздник?

Усталые глаза мажордома заволокло грустью.

— К сожалению, это не праздник. Вилла так ярко освещена, потому что из Тосканы пришли дурные вести, и многие прибывают, чтобы узнать подробности. Но вам об этом расскажет монсиньор Торнабуони, — Он снова поклонился, — Прошу вас, подождите.

Недолго прождав в саду под легким и ласковым бризом, Катерина и Пьетро Джелидо были приглашены подняться на виллу. Их провели в смежную с внутренним двориком гостиную, прекрасно обставленную и украшенную картинами религиозного содержания. С верхнего этажа до них долетали обрывки оживленной беседы. Похоже, там собралось много народу. Но, как только за ними закрылась дверь, они оказались в полной тишине. Вскоре к ним вышел Альфонсо Торнабуони.

Катерина с трудом узнала епископа. С его морщинистого лица исчезло прежнее выражение нарочитого благодушия, и маленькие глаза светились неприкрытой жестокостью. Он весь словно высох. Видимо, давал о себе знать возраст, но не только в возрасте было дело. Епископ держался враждебно, и было такое ощущение, что его гложет страдание, с которым он не в силах совладать.

Он не дал гостям руки для поцелуя и остался стоять посреди гостиной, не садясь сам и не приглашая их сесть. Наконец он сухо начал:

— Этого следовало ожидать. В самый черный день для императора и для герцогства Тосканского не хватало только визита моих самых негодных и бездарных агентов.

Катерина вздрогнула, и даже Пьетро Джелидо, обычно бесстрастный, выказал какие-то признаки чувства.

— Вы имеете в виду людей там, наверху? — спросил он спокойно.

— Я имею в виду вас, и вы это прекрасно знаете.

На миг Пьетро Джелидо смешался, но быстро взял себя в руки и попытался говорить

высокомерно:

— Позволю себе напомнить вам, монсиньор, что я не являюсь вашим агентом. Я всего лишь получил распоряжения от герцога Козимо, и свои донесения я отправляю лично ему.

— Я тоже отправляю ему свои донесения — относительно вас. — Торнабуони злобно рассмеялся. — Вы даже представить себе не можете, сколько я их отправил, не считая донесений его величеству Карлу Пятому.

Пьетро Джелидо побледнел.

— Монсиньор, я полагаю, что верно служил императору, равно как и герцогу.

— Верно служили? Я бы этого не сказал. Оба они католики, как и я, а вот о вас идет слава как о неистовом и фанатичном гугеноте. В Лионе вы без зазрения совести руководите консисторией еретиков, а в Париже вас разыскивают как убийцу стражи. Инквизитор Ори указывает на вас как на преступника и подстрекателя надругательства над изображениями святых. Дня не проходит, чтобы я не получил из какого-либо уголка Франции донесения о ваших бесчинствах... И вы еще говорите о верности!

Катерина поняла, что Пьетро Джелидо пропал, и втайне этому порадовалась. Он уже готов был сдаться и выискивал аргументы, пытаясь вяло защищаться.

— Монсиньор, я полагал, что служба герцогу Козимо касается только политики, но никак не личных убеждений. Среди его эмиссаров есть Пьетро Карнесекки, который...

Торнабуони в гневе перебил его:

— А вот этого имени вам лучше было бы не произносить! Еще один ведомый кальвинист, фанатик почище вашего!

— Однако Козимо только что вызвал его в Италию, чтобы сделать одним из своих послов в Венеции!

— Вызвал, совершенно верно, но тут же уведомил о его деятельности римскую инквизицию. Если ваш друг Карнесекки еще не в тюрьме, то быстро там окажется, и его ждет костер. — Торнабуони сделал паузу, словно давая понять, что та же угроза повисла и над головой собеседника. — Теперь вам понятно?

Пьетро Джелидо опустил голову.

— Я понимаю, что Козимо хочет любой ценой снискать расположение Юлия Третьего, даже если это будет стоить жизни его самым верным слугам.

Епископ и не пытался это отрицать, наоборот, он с горячностью кивнул:

— Браво, вы недалеки от истины. Вас ограничивает то, что вы идеалист. Такие агенты, как вы, никуда не годятся: вы устраиваете шумиху, когда надо действовать тихо, вы выставляетесь, когда надо вести себя скромно. Вы очень высоко себя цените, а на самом деле вы ничтожество, пустое место.

Катерина, хоть и была рада видеть унижение Пьетро Джелидо, сочла нужным вмешаться:

— Вам не кажется, что вы несправедливы, монсиньор? Так или иначе, а это наша заслуга, что герцог Козимо избежал атак французских войск. Это мы выступили в роли посредников между кардиналом де Турноном...

Торнабуони поглядел на нее с сочувственной усмешкой.

— Судя по всему, герцогиня, вы не в курсе последних событий. Несколько дней назад сиенцы под командованием Пьетро Строцци и других флорентийских эмигрантов прорвали осаду. Герцог Козимо доверился нерадивым и нерасторопным правителям и теперь находится в растерянности и склоняется к тому, чтобы покориться Флоренции. Силы Карла Пятого во всей Центральной Италии оказались под угрозой, и их поражение — вопрос часов, если они уже не сдались.

Катерина с тревогой восприняла известия, но запугать себя не позволила.

— Но вы же не можете обвинить нас в том, что произошло.

— В этом вы совершенно правы, герцогиня. Ценность шпиона определяется результатами его деятельности, а ваши результаты равны нулю. И знаете почему?

— Не знаю. Так почему же? Не изволите ли сказать сами? — Катерина все еще

держалась вызывающе.

— Не замедлю. Вам поручили быть посредником между кардиналом де Турноном и Козимо, а вы, герцогиня, занимались уж не знаю какими своими делами и перепоручили миссию другому, некоему Габриэле Симеони, астрологу и так называемому писателю.

— И что же?

— Представьте себе, этот Симеони оказался на службе Екатерины Медичи и короля Франции. Он порвал всякие отношения с Козимо после того, как тот отказался от его липовых гороскопов. И вместо того чтобы заставить французов думать, что Козимо идет с ними на сближение, он раскрыл связи герцога с Карлом Пятым и тем самым сделал гражданскую войну неизбежной.

У Катерины перехватило дыхание.

— Козимо — французский агент? Невероятно!

Епископ коротко рассмеялся.

— Симеони оказался настоящим шпионом: он хорошо знает законы надувательства. Вы же всего лишь легкомысленная, пустая женщина. Что же до него, — он указал на Пьетро Джелидо, — то это негодяй, способный испортить любое дело, в которое ввяжется. Вы оба больше не служите ни Козимо, ни Карлу Пятому, ни мне.

Воцарилось долгое, тяжелое и мрачное молчание. Униженная Катерина ощутила полную опустошенность. Пьетро Джелидо продолжал стоять со скрещенными руками, но не поднимал глаз от пола и бледнел.

Торнабуони первым нарушил молчание и проговорил, скандируя каждый слог:

— Здесь, во Франции, судари мои, вам больше места нет. Мне бы следовало вас наказать, но у меня нет ни времени, ни желания. Кроме того, мне не хочется огорчать дочь мадам, в которой помню доброго друга, — Он вздохнул, — Вам будут предоставлены охранные грамоты до Милана. Герцог Альба готовится принять на себя управление городом. Он в родстве с домом Медичи и, думаю, примет вас дружелюбно. Я же больше не желаю о вас слышать.

Он поднял руку и указал пальцем на дверь.

— А теперь уходите, и горе вам, если вы еще хоть раз ступите на землю Франции.

Пока они спускались по лестнице в сопровождении того же мажордома, чья физиономия на этот раз выглядела мрачной и кислой, Пьетро Джелидо шепнул Катерине на ухо:

— Лучше бы они убили нас раньше, пока не прошло еще десять впустую потраченных лет нашей жизни.

Она пожала плечами. Потом прошептала про себя:

— Это ты заплатишь жизнью, убийца.

КОШМАРЫ И ЧУДЕСА

Франсуа Берар придержал запряженную в двуколку резвую лошадку, в которую словно вселился бодрящий весенний дух. Посреди цветущей долины, среди зеленеющих оливковых рощ и густого разнотравья, виднелось множество повозок и лошадей.

Берар обернулся к Мишелю, который сидел рядом.

— В Салоне рождение уродцев стало явлением повальным. Помнишь козла с двумя одинаковыми головами, которого нашли в Ауроне в прошлом году?

Мишель кивнул:

— А еще раньше в Сена родился двухголовый ребенок. Тех, кто его видел, поразила полная схожесть обеих голов. А тельце было очень симметрично, и это наводило на мысль, что две головы — вовсе не аномалия, а порождение физической структуры, по-своему разумной, хотя и отличной от нашей. — Он слегка вздохнул. — Бедный малыш, к счастью, он сразу умер.

— Вот-вот, — согласился Берар, пытаясь заставить лошадь идти шагом, — Знаете,

Мишель, я сейчас читаю ваши пророчества. Они превосходны, но полны тревожных образов. И монстров там видимо-невидимо. Я прочел жене текст о «полупане-полусвине», и она перепугалась до смерти.

Мишель улыбнулся и продекламировал:

De nuit soleil penseront avoir veu
Quand le pourceau demv-homme on verra.
Bruict, chant, bataille au ciel battre apperceu
Et bestes brutes ? parler lon orra

Когда увидят полупана-полусвина, он
Покажется им солнцем среди ночи.
На небесах же им явится битва.
Шум, крики, звери вдруг заговорят⁴³.

Берар кивнул.

— Я знаком с произведениями Юлия Почтительного и знаю, что эти строки вдохновлены его «Книгой чудес». Он тоже указывает на солнце среди ночи, на быка с человеческими чертами и на то, что животные станут разговаривать, когда на небесах разразится битва. Но ведь вы не ограничились переложением его прозаического текста в стихи?

— Вы правы, — подтвердил Мишель. — Я воспользовался его текстом, чтобы сделать понятнее некоторые из моих видений: ночное небо в сполохах яркого света в те времена, когда рождаются свиньи с человеческими глазами; и битва множества воинов развернется не на земле, а в воздухе, с грохотом и взрывами. Но не требуйте от меня большего: это все видения, которые я и сам не могу ни объяснить, ни поместить в конкретное время.

— Положим, но как быть с говорящими животными?

— Тоже не знаю. Может, это люди, опустившиеся до животной ярости...

— То есть это метафора?

— Может быть.

Мишель поспешил сменить тему. Всякий раз, когда его спрашивали о пророчествах, напечатанных несколько недель назад издателем Бономом, он терялся. Если бы он взялся объяснять свои ставшие уже привычными галлюцинации, его объявили бы сумасшедшим или продавшим душу дьяволу.

— Смотрите, вон идет нам навстречу Марк Паламед, а с ним все нотабли Салона.

Взволнованный и взмокший первый консул бегом бежал к ним. За его спиной кольцом стояли люди, одетые кто в черное, кто в яркое платье, и разглядывали в середине круга что-то, не видное с двуколки Нотрдама. В тени ближнего леска владельцев дожидались карсты с гербами.

— Доктор Нотрдам, как хорошо, что вы приехали! — задыхаясь, прокричал первый консул. — И вы тоже, доктор Берар! Клянусь, я никогда не видел ничего подобного!

Мишель осторожно вылез из двуколки: в последнее время у него болели ноги, и зачастую боль была непереносимой. Сейчас он чувствовал себя хорошо, но ему не хотелось, в случае чего, утруждать других.

— Что здесь происходит?

Паламед разгорячился, и, прежде чем заговорить, ему пришлось отдышаться.

— Нашли тельце новорожденного. Чей ребенок — неизвестно. Но я бы рассудил, что его родила свинья или самка кабана.

Мишель наморщил лоб.

⁴³ Катрен LXIV, центурия I. Перевод Л. Здановича.

— Сейчас посмотрим. — Он обернулся к приятелю: — Вы тоже идете, Берар?

— Отведу лошадь в тень и догоню вас.

Среди любопытных были барон де ла Гард и командор Бейне, тучный старик с умными глазами. Они сердечно поздоровались с Мишелем, а бывший первый консул Поль Антуан, еще крепкий девяностолетний старик, указал ему на лежащий на траве трупик ребенка.

— Посмотрите, доктор! У него нет ни рук, ни ног! Не говоря уже о лице, как пятачок вытянутом вперед, и о торчащих изо рта клыках. Что это может быть, по-вашему?

Мишель взглянул на тельце, но тут же в ужасе отвел глаза. Остальные, казалось, были больше заинтересованы, чем напуганы. Кто предлагал препарировать малыша, кто — заспиртовать, чтобы предохранить от быстрого разложения. Единственное, чего не хватало этим предложениям, так это жалости.

— Люди, заговорившие, как звери, — прошептал он про себя, вспомнив недавний разговор.

— Что вы сказали? — спросил у него за спиной Паламед.

Мишель отвлекся от своих фантазий.

— Ничего. Единственное, что я могу сказать, так это то, что появление на свет уродцев предвещает неминуемую беду. Но мы живем в такое время, что не знаешь, откуда ее ждать.

В это время к кучке людей, сгрудившихся вокруг трупики, подошел Берар:

— Мишель, хватит ходить вокруг да около! Я читал ваши пророчества, и там есть описание точно такого же существа: «Без рук, без ног, но с крепкими зубами...»

— Да, припоминаю.

— Там вы еще намекаете на преданный и сданный неприятелю город. Может, это Сиена? Когда Козимо Медичи ее себе вернул, он обращался с населением, как с пленниками.

— Может быть... Я уже говорил, что не могу объяснить детали. — Он поправился: — Не всегда...

Мишелю в этом месте становилось все хуже, и очень хотелось уехать отсюда подальше. Он уже собрался предложить это Берару, как увидел, что к нему, улыбаясь, подходит Пулен де ла Гард.

— А вот и вы, Мишель, — пошел он в атаку, — Знаю, что в своей новой книге вы несколько раз намекаете на меня.

— Я подарю вам копию. А кто вам сказал?

— Наш общий знакомый. Он навестил меня вчера вечером: доктор Пентадиус.

Мишель так вздрогнул, что окружающие взглянули на него с удивлением. Ему вдруг показалось, что солнце закатилось и на долину спустился густой темный туман, завесив тьмой зелень оливковых деревьев.

— Пентадиус здесь? — хриплым от волнения голосом спросил он.

Де ла Гард решил, что он вздрогнул от удивления, услышав имя старого друга, и заулыбался еще шире.

— Вчера был в Салоне, а где нынче — не знаю. Он меня в свои планы не посвящал, но думаю, что сегодня зайдет к вам.

В голове Мишеля промелькнуло видение Жюмель и детей, одних в доме. Он обернулся к Берару:

— Мне надо немедленно вернуться в Салон.

— Что случилось? Снова разболелись ноги?

Мишель не ответил.

— Прошу вас, — умоляюще сказал он, — поедemте.

Наскоро попрощавшись, они направились к двуколке. Мишель был так взволнован, что Берар не отважился его ни о чем спрашивать и только подхлестывал лошадку, чтобы она бежала, сколько хватало сил. Только совсем рядом с Салоном он спросил:

— Это упоминание о Пентадиусе вас так потрясло?

Мишель с трудом отвлекся от мрачных мыслей.

— Да, — прошептал он.

— Барон де ла Гард назвал его доктором. Он врач, как и вы?

— Да, только он из тех врачей, что, вместо того чтобы лечить тела, губят души.

Берар не был уверен, стоит ли настаивать дальше. Но все же робко спросил:

— Он интересуется естественной магией?

— Нет, он посвятил себя другой магии, той, что называют ритуальной или заклинательной, то есть той, которую запрещает церковь.

Берар нахмурился.

— Мишель, вы хорошо знаете, что я изучаю алхимию и немного занимаюсь алхимической практикой. Однако результаты мои весьма скромны, и я начинаю спрашивать себя, не надо ли обратиться к высшим сущностям, чтобы завершить работу. Не знаю, обращались ли к ним древние, но их рецепты, примененные на земле, не работают.

Раздраженный болтовней, Мишель строго взглянул на аптекаря. Тот, видимо, расценил этот взгляд как приглашение продолжать и прибавил:

— Чтение ваших пророчеств меня взбудоражило. Вы утверждаете, что базируетесь на астрологии, но эта наука не занимается пророческими видениями. Многие астрологи, начиная с Лорана Виделя, обвиняют вас в искажении астрологической доктрины. Тогда каким же методом вы пользуетесь?

Упоминание о Виделе, самом ядовитом из критиков Мишеля, было не лучшим способом его успокоить. Особенно теперь, когда тревога за Жюмель жгла его каленым железом. И он грубо отрезал:

— Послушайте Франсуа, когда-нибудь я покажу вам свои методики и, возможно, опишу их письменно. Но теперь отвезите меня домой. И молчите по дороге, если можете.

Берар замолчал и, слегка задетый, помчал экипаж по узким улочкам квартала Ферейру, заставляя прохожих отпрыгивать в стороны.

Очутившись перед собственным домом, Мишель спрыгнул с двуколки и властным жестом распротился с аптекарем. У него болели ноги, особенно ступни. Неужели действительно подагра? Этого он не знал, да и не было времени на этом останавливаться.

Он подбежал ко входу, лихорадочно роясь под плащом в поисках ключей, но не смог отстегнуть их от пояса и принялся что есть силы барабанить в дверь. Капли пота стекали с лица на воротник.

Прошло несколько минут, потом дверь открылась. Из нее удивленно высунулось сияющее лицо Жюмель, и Мишеля охватило ощущение сумасшедшего счастья. Он так крепко поцеловал жену, что той пришлось откинуться назад. Немного отдышавшись, он сказал:

— Этот день чуть не стал худшим в моей жизни, а стал лучшим.

— Почему?

— Потому что я тебя люблю.

Она тепло улыбнулась.

— Знаешь, я тебя тоже. Но ты чем-то взволнован.

Мишель нахмурился.

— Сегодня кто-нибудь меня спрашивал?

— Да, человек, которого и ты, и я хорошо знаем, — ответила Жюмель в легком замешательстве. — Тот маг, что уже когда-то приходил.

Показное спокойствие Мишеля улетучилось вмиг.

— Где он? — задыхаясь, спросил он.

— Я его проводила в гостиную первого этажа.

Дальше Мишель слушать не стал и двинулся вперед по коридору. На середине пути острая боль заставила его захромать, но не поэтому он замедлил шаг. Оружия при нем не было, но его это не заботило: он чувствовал себя достаточно сильным, чтобы задушить Пентадиуса собственными руками.

С налитыми кровью глазами ворвался он в гостиную.

— Вы... — прошептал он.

На диване сидел Жан Фернель. Одну книгу он держал в руках, две другие лежали рядом на подушках. Он полуулыбкой приветствовал Мишеля.

— Он самый. Извините, что явился в Салон, не предупредив вас. У меня для вас новости: и плохие, и хорошие.

— Выкладывайте, — Мишель уселся в кресло возле камина.

— Сейчас все расскажу. Начну с хорошей новости: Екатерина Медичи хочет с вами познакомиться. Она услышала о медальоне со своим изображением и желает вас видеть. Разумеется, это вас ни к чему не обязывает, но если вы согласны, я устрою вам официальное приглашение ко двору.

— Вы с ней обо мне говорили?

— Конечно. Знаете, о вас теперь много говорят. Три книги, которые вы опубликовали, разошлись с невероятной быстротой. Начать хотя бы с вот этой, что у меня в руках: «Великолепная и весьма полезная брошюра для тех, кто хочет узнать изысканные рецепты». Никогда не думал, что вы гастроном, да к тому же еще специалист по косметике.

Мишель все еще был во власти призрака Пентадиуса, поэтому только досадливо отмахнулся.

— Я всего лишь собрал сведения, полученные там и сям во время путешествий. Ничего важного в этой книге нет.

— Зато есть вот в этой.

Фернель положил книгу на стол и достал тоненькую брошюру.

— «Предсказания на тысяча пятьсот пятьдесят шестой год». Королева прочла, и брошюра произвела на нее огромное впечатление: на каждый месяц грядущего года вы предсказываете бедствие.

— А вы не замечаете, что мы живем во времена бедствий?

Вопрос прозвучал не очень вежливо, но Фернель не обратил внимания.

— Замечая. Однако ваш альманах утверждает, что бедствия станут множиться... Можно подумать, что вы сознательно сеете страх. К тому же ваша книга гораздо подробнее всех других, написанных на эту тему...

— Издатель Брото меня все время за это упрекает.

— Я говорю о подробности описания бесконечных, мучительных кошмаров. Но главный кошмар — вот эта книжица.

Фернель достал еще одну брошюру.

— «Пророчества Мишеля Нострадамуса, изданные в Лионе в печатне Маса Бонома». Она вышла недавно, и повсюду только и разговоров, что о ней. И заглавие с претензией: не предсказания, а «пророчества».

— Если вас это заботит, то в авиньонском издании сказано «Чудесные предсказания».

— Существо дела не меняется: во всех случаях эта книга ставит вас в опасное положение.

Фернель нахмурился.

— Мишель... хотя мне бы надо называть вас Нострадамусом: ведь под этим именем вы добились славы. Это я посоветовал вам бросить вызов Ульриху и опубликовать свои видения. Но вы пошли дальше: вы сделали достоянием публики философию иллюминатов и даже некоторые наши техники. Ваше «Письмо к сыну Сезару», которым открывается книга, «Церковь» воспримет как настоящий донос.

Слегка смутившись, Мишель пробормотал:

— Но вы быстро убедитесь, что одни параграфы выписаны из «Собрания откровений» брата Джироламо Савонаролы, а другие — из сочинений Петра Кринита.

— Несомненно. Я заметил также, что ваши астрологические суждения вдохновлены работами Ришара Русса. А вот это место, — Фернель полистал книгу, — двадцать первый параграф, где вы говорите, что познание сути вещей и движения звезд возможно в состоянии гераклической эпилепсии, явно навлечет на вас гнев Ульриха.

Смущение Мишеля возрастало.

— Это Гиппократ назвал эпилепсию «геркулесовой болезнью» в работе о женских болезнях. Видимо, Геркулес страдал эпилепсией.

Фернель взглянул на него с иронией.

— Да, но мы с вами прекрасно знаем, что *hieracium* — название ястребиной травы.

Он снова насупился.

— Вы обнародовали секрет, который «Церковь» хранила наиболее ревностно. И раскрыли его не столько профанам, сколько нашим инициированным. Поймите меня правильно: я не хочу сказать, что вы поступили плохо. Но теперь Ульрих станет вас ненавидеть со всей силой, на которую способен, и постарается вас уничтожить.

Мишель опустил голову.

— Я с самого начала это знал. Постараюсь его пересилить.

— Интересно, каким образом?

— С вашей помощью.

Фернель закрыл глаза и устало провел по ним пальцами. Потом снова открыл.

— Хорошо, я помогу вам, но сначала скажите: в последнее время вам не попадались на глаза следы пребывания Ульриха? Какие-нибудь странные события, диковинные растения или другие признаки иных миров?

— Да, в деревнях в окрестностях Салона стали рождаться уродцы. И вчера вечером в здешних краях видели Пентадиуса.

Обычное дрожание рук Фернеля, казалось, усилилось.

— Пентадиус! — прошептал он, — Он явно прибыл на разведку. А это означает, что Ульрих вот-вот атакует.

Старый маг вдруг поднялся с таким решительным видом, что стал даже выше ростом.

— Слушайте, Мишель. У нас еще есть несколько дней, по крайней мере я на это надеюсь. Я постараюсь за это время собрать сюда всех иллюминатов-диссидентов, каких смогу найти. Один из них сопровождал меня в пути и должен с минуты на минуту здесь появиться. Но одного человека мало.

— Что же такое вы задумали?

— Помните свое боевое крещение?

— Еще бы...

Мишель вздрогнул: ему всегда становилось не по себе, когда он вспоминал церемонию в Бордо.

— Надо выполнить обряд с противоположным знаком, и я один такой знаю...

Мишель задумался, потом от удивления раскрыл рот.

— Уж не намекаете ли вы на обряд фибионитов?

Голос его против воли прозвучал возмущенно.

Фернель важно кивнул.

— Именно на него и намекаю. Надо призвать силы любви сквозь все семь небес и сосредоточить их на восьмом. Это единственный способ обуздать Ульриха. Он входит в Абразакс, используя силы зла. И если нам хоть на миг удастся заставить космос завибрировать от тока жизненных сил, мы, конечно, Ульриха не остановим, но сможем серьезно ослабить. Что вы на это скажете?

— Согласен. Я сделаю все, что попросите.

— Прекрасно, — просиял Фернель, — Теперь надо найти женщину, которая способна...

Он замолчал, потому что в комнату вошла служанка Эмманюэль.

— Там у дверей молодой человек, он спрашивает господина Жана Фернеля, — объявила девушка, — Госпожа занималась малышом, поэтому открыла я.

Вскоре в комнату вошел человек с длинными светлыми волосами. Даже не взглянув на Фернеля, он подошел к Мишелю и упал перед ним на колени.

— Простите меня, доктор Нострадамус, я невольно причинил вам зло, но я сделаю все, чтобы его искупить.

Ошеломленный Мишель не стал даже поднимать незнакомца с колен. Он только спросил:

— Какое зло вы могли мне причинить, сударь? Ведь я даже не знаю, кто вы!

Юноша был слишком взволнован, чтобы сразу ответить. За него ответил Фернель:

— Я все объясню. Этого человека зовут Габриэле Симеони, и до недавнего времени он принадлежал к «Церкви». Думаю, у него есть что вам рассказать.

АГОНИЯ ЧУДОВИЩ

Катерина Чибо-Варано открыла скрипучие дверцы шкафа, громоздившегося в углу бедно обставленной комнаты. Покидая Францию, она смогла взять с собой только два платья, да и те надеть было некуда. В той бедной таверне, где они с Пьетро Джелидо остановились в Милане, роскошная одежда могла вызвать нежелательные кривотолки.

Герцогиня провела рукой по кружевам, погладила тугой, шуршащий шелк, и на миг ее охватила радость, тут же заглушённая острой болью в спине. Вот уже около месяца ее мучили боли в позвоночнике, и теперь она ходила сгорбившись. Она стыдилась этой старческой, болезненной походки и старалась не выходить на улицу. Однако шикарные наряды выглядели как обещание вернуть хозяйке былое очарование. Вот только чуть-чуть подлечиться...

Ручка двери повернулась. Катерина быстро закрыла шкаф и пошла открывать.

Не глядя на нее, вошел Пьетро Джелидо, отстегнул спрятанные под рясой ножны и поставил у стены короткую шпагу, с которой никогда не расставался. Подойдя к кровати, он упал на стоящий рядом соломенный стул. Вид у него был измученный.

— Нам отказали в аудиенции, — сказал он, покачав головой.

— Кто? Новый правитель?

— Да, герцог Альба.

Пот струился по его лбу и шее. Однако не физическая усталость обессилила его: видно было, что он внутренне опустошен.

— Он очень занят. Пришло известие, что Папой избран кардинал Карафа, римский инквизитор, и что он будет наречен Павлом Четвертым. Говорят, он враждебно настроен к императору и благоволит французам.

Пытаясь преодолеть боль в спине, Катерина присела на край постели и приняла слишком свободную, даже фривольную позу.

— Может быть, именно поэтому он и не может назначить нам аудиенцию: он действительно занят.

Пьетро Джелидо собирался уже ответить, но взгляд его упал на голые лодыжки герцогини, и он сразу отвел глаза.

— Приведите себя в порядок, — потребовал он, — Такие позы хороши для молоденькой девушки, а у вас уже вся голова седая, хоть вы и краситесь, чтобы выглядеть блондинкой.

Пораженная Катерина чуть не вскрикнула от оскорбления и боли, но сдержалась, хотя в определенном смысле дела ее были плохи. Она надеялась, что состав, приготовленный по рецепту Нотрдама, восстановит цвет поблекших волос, но, видимо, обманулась. В углах глаз у нее появились слезники.

Она попыталась для пущей важности перевести разговор на политику.

— Новый понтифик не сможет повернуть ход вещей вспять, — возразила она дрожащим голосом, — Именем императора Козимо Медичи стал властителем Сиены, а французские войска покидают Италию. Весь полуостров окажется в руках Карла Пятого.

— Слишком поздно: Карл уже стар и болен. Он все еще у дел, но сил ему не хватает. Как, впрочем, и вам.

Последняя фраза была сказана иронически, но с явной злобой. Катерину она больно задела, и, боясь расплакаться, герцогиня опустила глаза. Против ожидания, она не

расплакалась, но ей пришлось низко опустить голову, чтобы спрятать мокрые глаза.

— Уверяю вас, сил у меня достаточно. Лучше всего мне самой встретиться с герцогом Альбой. Я сумею убедить его использовать нас на дипломатическом поприще.

Пьетро Джелидо саркастически рассмеялся.

— Дорогая моя, прошло то время, когда вы могли покорять власть имущих своим декольте. А нынче они увидят только увядшую плоть. Что же до встречи с герцогом Альбой, то я вам уже сказал: он не хочет нас принять. За мной закрепилась слава кальвиниста, а за вами — бедняжки.

Катерина пошатнулась от нового жестокого оскорбления. Но теперь унижение переросло в ней в смертоносную ненависть. Отлично, настал момент для мести. Мысли о болезни исчезли. Вне себя, Катерина вскочила на ноги, не обращая внимания на пронзившую позвоночник боль. С огромным трудом она нагнулась, вытащила из-под кровати сосуд с темной жидкостью и показала его Джелидо.

— Я решила испытать действие напитка, который мы выкрали у Нотрдама, — сказала она, изо всех сил стараясь скрыть охвативший ее гнев. — Симеони говорил, что он не опасен, если его как следует развести. Я собираюсь выпить хотя бы один глоток.

И она поставила склянку на маленький колченогий столик, прислоненный к стене.

Джелидо, погруженный в свои мысли, ухмыльнулся.

— Думаете, он поможет вам избавиться от боли в суставах? Ошибаетесь, — Он встал и подошел к окну. Висевший над Миланом летний зной вызывал обильный пот. — Не советую вам пить это снадобье, — сказал он, отвлекшись на миг от своих политических комбинаций. — Симеони тоже не знал ни нужных доз, ни какой жидкостью его следует разбавлять. Вы бы для начала попробовали его на нем или на вашей потаскушке дочери.

— Может быть, дозы указаны в рукописи, которой мы завладели. Вам удалось ее расшифровать?

— Ни одного слова. Я отдал рукопись Карнесекки, и тот увез ее в Венецию. Там он сможет ее спокойно изучить и получить консультации экспертов.

Джелидо пожал плечами.

— Послушайте, мне нет никакого дела до вашего магического зелья. Сейчас надо думать о другом. Мы вынуждены ютиться в этой лачуге, без средств к существованию и без связей, и все двери в Милане закрываются перед нашим носом. Здесь партия гугенотов сжалась до размеров кучки несчастных, живущих в постоянном страхе перед инквизицией. И как назло, новый Папа — не кто иной, как главный инквизитор Рима. Не хотелось бы мне, чтобы правитель арестовал меня, чтобы угодить Папе, а вас — чтобы угодить герцогу Козимо.

— Теперь Козимо — великий герцог. После победы над французами могущество дома Медичи возрастает.

Говоря все это, Катерина выверяла в деталях свой план, прикидывая, сработает он или нет.

— Именно поэтому нам остается одно: пренебречь приказом Торнабуони и пересечь Альпы. Только в Женеве мы будем свободны и в безопасности.

Катерина вспомнила о Серве, и горе захлестнуло ее. Но поддаваться было нельзя: настал час мести. В который уже раз она сдержала слезы и попыталась улыбнуться, изобразив на лице саркастическую гримасу.

— Вы правы. Когда думаете выехать?

— Не позже чем сегодня вечером.

В тяжелой монашеской рясе Пьетро Джелидо постоянно потел. Глаза его остановились на графине с вином и бокалах, стоявших на тумбочке у кровати.

— Вино охлаждено?

— Не очень. Но больше выпить нечего.

— Налейте мне чуть-чуть.

Катерина плеснула в бокал немного ароматной жидкости, протянула его монаху, а сама

отошла к столу, нарочито равнодушно разглядывая склянку со снадобьем Нотрдама.

Монах выпил вино.

— Слишком крепкое, — сказал он. — Я бы предпочел что-нибудь полегче и не такое ароматное.

Вдруг он метнул на Катерину подозрительный взгляд.

— Будьте любезны, моя милая, отойдите-ка от стола. Вы стоите слишком близко к напитку Нотрдама, и мне бы не хотелось, чтобы вы плеснули мне зелья в следующий бокал.

Герцогиня сильно вздрогнула, сердце ее бешено забилося.

— Как вы могли такое подумать? Я никогда этого не сделаю.

— Еще как сделаете. Прошу вас отойти от стола: в мои планы не входит продолжить банкет с зельем в желудке.

— Но ведь это не яд!

— Симеони говорил, что в определенных дозах — яд. Белена вообще смертельно ядовитое растение. Так что достаточно добавить в бокал с вином совсем чуть-чуть — и результат сомнению не подлежит.

Пьетро Джелидо невесело рассмеялся.

— Дражайшая герцогиня, пока вы были еще молоды, такие шутки были бы вам к лицу, но теперь они плохо удаются, особенно с такими, как я. Отойдите от стола.

Опустив голову, Катерина повиновалась. Джелидо, поставив бокал на тумбочку, подошел к столу и схватил склянку.

— Теперь она будет у меня, — заявил он с торжеством и тут же начал бледнеть, — Но она почти пуста... — пробормотал он.

Теперь пришла очередь Катерины залиться смехом. Ее вдруг охватило веселое опьянение.

— Конечно! Все остальное — в вине, которое вы выпили! И было там еще до того, как вы вошли!

Она внезапно замолчала, и смеющиеся губы сложились в сардоническую усмешку.

— Я подумала, что вы попросите пить: ведь нынче такая жара. Не гневайтесь: я всего лишь хотела испытать на вас передозировку белены. Еще немного — и появятся первые признаки.

— Шлюха проклятая! — взревел Пьетро Джелидо.

Уронив склянку на стол, он бросился к стене и в бешенстве схватил шпагу.

— Сейчас ты увидишь...

Внезапно взгляд его помутился, шпага со звоном выпала из рук, и он схватился руками за виски.

— Голова!.. Что со мной?

В победной эйфории Катерина стояла перед ним, оперев руки в бока.

— Интересно... Сначала тяжелеет голова. Именно это с вами и происходит, а? Потом начинает скручивать внутренности. Потерпите, это вопрос нескольких мгновений...

Пьетро Джелидо закричал, согнувшись пополам и схватившись за живот:

— Горю! Горю!

Звериный вой вырывался из его глотки.

Катерина кивнула.

— Не сомневаюсь. Вы сейчас испытываете то же, что испытывал Мишель на костре. Ему, правда, было больнее, но зато ваши муки будут дольше.

Джелидо начало рвать. Желтоватые потоки потекли по подбородку. Он рухнул на пол и корчился там, катаясь в луже собственной блевотины. Между приступами он хрипло выкрикивал:

— Ведьма! Ведьма!

— Вот, вот, отведите душу! — подзуживала Катерина, придя в благодушное настроение. — Будь вы на костре, когда дрова начинают разгораться, вы орали бы точно так же. Представьте, что я Кальвин и, скрестив руки, наблюдаю за вашими мучениями. Что бы

вы мне сказали?

Ответить Пьетро Джелидо не удалось. Рвота прекратилась, и теперь изо рта обильно побежала слюна. Мокрые пятна на одежде говорили о том, что он обмочился. Глаза настолько выкатились из орбит, что казалось, вот-вот выпадут.

Катерина пододвинула себе стул и поудобнее уселась как раз напротив агонизирующего монаха. Его же мучила не столько боль, сколько страх. Герцогиня это заметила и тут же прокомментировала:

— Я полагаю, вы испытываете сейчас магическое действие напитка, только в тысячу раз усиленное. Кто знает, в каких мирах вы сейчас находитесь... Судя по вашему взгляду, они не очень-то гостеприимны. У вас есть редкостная привилегия посетить ад раньше смерти. Это уже происходило со святой Бригитой Шведской и еще с несколькими избранными. Но они только видели ад со стороны, вы же его испытываете на собственной шкуре.

Продолжая корчиться, Пьетро Джелидо на миг обрел ясность рассудка.

— Я этого не заслужил! — с трудом выговорил он утробным голосом, — Я любил Господа!

Катерина изобразила зевок.

— Зачастую любовь к Господу становится поводом не любить людей. Я, по крайней мере, никогда не притворялась, что люблю одного или других. Я тоже попаду в ад, но я войду туда с высоко поднятой головой, а вы вползете на брюхе.

Пьетро Джелидо разрыдался. Наверное, он плакал впервые в жизни, потому что сам удивился и испугался. Тело его не слушалось и беспорядочно дергалось на полу. Тем не менее непонятно как ему удалось схватить за эфес валявшуюся рядом шпагу и судорожным движением протянуть ее Катерине.

— Убейте меня, прошу вас!

— И не подумаю даже, — с улыбкой ответила она. — Никто не позаботился сократить страдания Мишеля Серве. И не ждите от меня большего милосердия, чем проявил ваш обожаемый Кальвин.

В этот момент в дверь постучали. Видимо, явился обеспокоенный шумом трактирщик.

— Что тут происходит? Откройте, господа!

— Сейчас! — крикнула Катерина, подбежала к двери и, вместо того чтобы открыть, заперла ее на замок, — Уходите! Здесь не происходит ничего, что касалось бы вас!

Ручку двери продолжали поворачивать, но безрезультатно. Довольная Катерина направилась к стулу, но тут острая боль в ногах едва не свалила ее на землю. Согнувшись, она удержала равновесие. И впервые поняла, что теперь сможет передвигаться только сгорбившись. Былое очарование было потеряно навеки.

Пьетро Джелидо, должно быть, находился в плену своих кошмаров, поскольку продолжал дергаться молча. Заливаясь слезами, Катерина доковыляла до стола, немного поколебавшись, взяла склянку и почти с наслаждением выпила остаток напитка. Разжав пальцы, она вслушалась в звон разбившегося стекла, вернулась к стулу и упала на него без сил.

Пьетро Джелидо то впадал в беспамятство, то на короткое время приходил в себя. Лицо его превратилось в неузнаваемую маску. Он снова заговорил, обращаясь к самому себе:

— Что это за мир? Тут восемь небес, а за ними еще сотни других. Не вижу никакого Бога. Где Ты, Господь мой? Яви себя... О, только не вы! Только не чудовища!

Катерина откинулась на спинку стула. Хозяин неистово колотил в дверь. Не обращая внимания, она взглянула на жалкое существо у своих ног.

— Сейчас я тоже войду туда, где пребываешь ты, — сказала она. — Но не так, как вошел ты. То, что для тебя ад, мне станет раем. Время остановится и потечет в обратном направлении. Я и надеяться не могла на такую месть: то же средство, что погубило тебя, принесет мне счастье.

Пьетро Джелидо снова пришел в себя, хотя телом по-прежнему не владел. Плача, он

гневно выкрикнул:

— Ты — демон! Ты — зло во плоти!

Катерина покачала головой.

— Наверное, я такой и кажусь, но это не так. Моя женская суть постоянно пребывала в атмосфере презрения, чужих вожделений и фальшивой обходительности. Я заранее была обречена жить, не живя, и это внутреннее «небытие» я обеспечила себе путем соблазнов и преступлений. Я внутренне окаменела...

Она замолчала, потому что перед ее глазами начал разворачиваться неведомый мир и незнакомое небо, усыпанное мириадами движущихся и мерцающих звезд.

— Ну вот и показался мне мир иной, мой новый мир.

Вдруг идущий ниоткуда голос с сильным испанским акцентом грубо просипел:

— *Дура! Восьмое небо доступно живым для наблюдения, но обитать там могут только мертвые.*

Внезапно Катерина ощутила холод в животе. Отстранившись от видения, она опустила глаза. Пьетро Джелидо удалось невероятным усилием поднять с пола шпагу и вонзить ей в живот. Огромное красное пятно растеклось по платью герцогини. Волна боли захлестнула ее, и она крикнула:

— Нет! Я не могу умереть вот так!

Должно быть, ее слова услышал трактирщик в коридоре. Он снова стал барабанить в дверь и кричать:

— Откройте, или я высажу дверь!

Удар забрал все оставшиеся силы Пьетро Джелидо. Он дернулся в последний раз и затих. Тело перестало биться в судорогах и наконец расслабилось. На лице застыло выражение пережитых страданий.

Катерина пыталась вытащить клинок из живота.

— Не может быть! Не может быть! — не переставая, кричала она, чувствуя, как жизнь покидает ее вместе с кровью, которая бежала уже потоком.

Боль, поначалу невыносимая, теперь то утихала, то вспыхивала, пульсируя, как при невралгии. Перед глазамиплыли небеса, то темные и пустынные, то озаренные красноватым светом, и спирали крутящихся звезд, которые растворялись в газовых туманностях. Прозрачные сферы парили одна над другой, и пройти сквозь них можно было, только заплатив дань непонятым существам, затаившимся во мраке.

Удары в дверь становились все сильнее и настойчивее. Гвозди, держащие замок, начали понемногу расшатываться.

— Давайте, ребята, нажмите еще! — кричал трактирщик, — Дверь поддается!

Катерина слышала слова, но смысла не понимала. Она вдруг обнаружила, что сползла на тело Пьетро Джелидо, и горло ее заполнилось кровавой слюной. Каждая судорога расшатывала торчащий клинок, и рана становилась все больше. Нестерпимая боль снова жгла внутренности, но Катерина как бы отстранилась от нее. В том уголке ее мозга, который уже заглянул в небытие, снова зазвучал голос с испанским акцентом:

— *Ну же, друг мой, вы входите в Абразакс, но, чтобы войти, нужно знать числа. Вы их знаете?*

Она услышала, как отвечает:

— *Нет.*

— *Вы знаете их,* — настаивал голос почти сердито. — *Одна часть меня находится внутри вас, и она знает числа. Вы должны только подчиниться. Я буду называть числа, а вы постарайтесь вспомнить соответствующие понятия и отвечайте.*

— *Хорошо,* — шепнул разум Катерины, который уже и не пытался что-нибудь понять.

— *Один,* — произнес голос из колеблющегося мрака. — *Что означает число один?*

И непомраченный участок сознания Катерины немедленно дал ответ, чем немало ее удивил.

— *Один — это самосознание божества, не имеющего ни отцов, ни матерей.*

— Браво, работайте с этим представлением. А теперь второе число: два.
— Два — это диада. Число один отражается в себе самом и порождает волю как собственное расширение.

— Совершенно верно. Сто.

— Сто — это десять раз по десять. Совершенная иллюзия. Маска поверх маски. Материальный мир.

— Снова один.

Оглушительный грохот вернул Катерину к действительности. Дверь рухнула под ударами плеч трактирщика и его помощников. Они уже были готовы ворваться в комнату, но в ужасе застыли у порога. Один из них перекрестился.

— О боже! Да здесь произошла трагедия!

Катерина заметила, что сама бьется в судорогах, как эпилептик, но упрямо сопротивляется боли. Надежды ее были далеко отсюда, и она снова погрузилась во мрак.

— Не отвлекайтесь, иначе навсегда останетесь в плену у людского времени, — упрямый голос. — Я спросил о значении числа один.

— Я уже ответила: это самосознание Высшего Существа.

— Без комментариев, пожалуйста. Двести.

— Удвоение числа сто. Материальность в худшем ее виде. То, что нас окружает.

— Еще раз один.

— Вселенная. Божество, размышляющее о себе самом и тем самым вызывающее число два. Бог, который творит. Начало начал.

— Осталось еще одно число. Шестьдесят.

— Шестьдесят...

Катерина была готова ответить, как вдруг почувствовала, как ее поднимают чьи-то руки. Трактирщик и его друзья подняли ее и пытались усадить на стул. Перемена положения оказалась роковой: шпала выскользнула из раны, и сильнейшее кровотечение снова вырвало ее из жизни. Но у самого края бездны она задержалась.

— Шестьдесят, — повторил голос.

— Шестьдесят — это Самех, отвердение. Обретение плоти в другом состоянии сознания.

— Превосходно, дорогая. Теперь взгляните во тьму, окружающую вас. Если вы меня увидите, это означает, что для мира, подчиненного законам времени, вы умерли, но живете там, где этого мира нет.

Последняя искорка уходящего сознания Катерины высветила трактирщика, сжимавшего в ладонях ее лицо, потом сердце перестало биться. И сразу же мрак вокруг нее начал рассеиваться, и она увидела в глубине пустынного прозрачного пространства человека, укутанного в черный плащ.

— Диего, это вы? — спросила она.

— Да, прекрасная моя подруга. Но я и так уже был внутри вас.

— Где мы?

— Точно не знаю. Единственное, что я знаю наверняка, так это то, что мы продолжаем жить, хотя и довольно странной жизнью. И что мы ожидаем третьего гостя.

— Кого?

— Не спрашивайте меня о нем, но это он призвал нас, наш давний недруг.

Он поежился под плащом.

— Все это пугает, но у нас нет пути к отступлению. Единственное, что нам здесь недоступно, — это умереть.

ОБРЯД

— Вот они, — шепнул Фернель, отодвигая оконную занавеску из проскипидаренной

ткани. — Целая толпа.

Мишелю было беспокойно и страшно, но ему не хотелось, чтобы это заметила Жюмель, которой тоже приходилось несладко. Стараясь казаться спокойным, он подошел к Фернелю.

Улица перед домом, освещенная красноватым светом луны, наполнялась нищими, которые появлялись отовсюду: из углов, из-под арок, из темноты внутренних двориков. Кто приволакивал ногу, кто прыгал на костылях, но все двигались неестественно медленно, словно шли против течения.

— Куда смотрит стража? — пробормотал Мишель, — Неужели они не замечают этого скопища?

— Там, за окном, время не наше, — объяснил Фернель, — Где бы ни появлялся Ульрих, он приносит с собой законы и существа того мира, к которому принадлежит. Когда-то это было почти незаметно, но чем ближе час его смерти, тем сильнее становится его могущество.

Нищие расположились полукругом и уставились на дом. В лунном свете Мишелю удалось разглядеть их черты. Некоторые лица были неестественно широки или вытянуты; другие сохраняли нормальные пропорции, но круглые, желтые, без всякого выражения, глаза смотрелись на них как просверленные дырки. Все лица были обтянуты морщинистой, пятнистой или чешуйчатой кожей. Горбатые, увечные тела, едва прикрытые лохмотьями, казалось, поразила какая-то неизвестная опасная болезнь. Над домом висела мертвая тишина.

Мишель опустил занавеску и оглядел гостиную, из которой заранее вынесли всю мебель. Симеони и Якоб Бассантен, рыжий шотландец, которого пригласил Джон Ди, вооружившись огромными кистями с зеленой краской, заканчивали рисовать на полу круг в виде змеи, кусающей собственный хвост. По краям, на равном расстоянии друг от друга, они начертали три имени, составляющие перевернутый равнобедренный треугольник: IA?, SABAOTH и, в нижнем углу, ABRASAX. Внутри круга красовалась надпись HATHOR.

Поеживаясь в легкой, как у Мишеля, тунике, у края круга, как раз под лампой, стояла Жюмель. Ее черные глаза смотрели спокойно, но ей было явно не по себе, и она не замечала капель воска, капавших с лампы прямо перед ее носом.

Мишель подошел к жене и нежно погладил ее по темным волосам, свободно падавшим на плечи.

— Ну, как ты, любимая?

— Все хорошо. Я только немного боюсь за детей и с радостью осталась бы с ними.

— Вот увидишь, все пройдет очень быстро, да и Эмманюэль за ними присмотрит.

— Ладно-ладно, но меня тревожат две вещи. Во-первых, стихотворение. Я учила его два дня, но сейчас не помню ни строчки.

— Так всегда бывает, когда учишь наизусть. Вот увидишь, в нужный момент все вспомнится само собой.

— И во-вторых, самый деликатный момент, — На ее лице появилась хитрая гримаска, — Я так поняла, что мы должны все проделать триста шестьдесят пять раз. Я-то справлюсь, а вот ты...

Мишель улыбнулся.

— Нет, ты перепутала: триста шестьдесят пять раз, но не в одну ночь. Этот раз — всего лишь первый. Главное — потом не забыть всякий раз призывать духов, охраняющих каждое небо.

— Понятно. Как подумаю, что надо совершить это триста шестьдесят раз подряд...

— Да нет, не подряд! Самое главное — каждый раз призывать по одному духу. А промежутки мы определяем сами, лишь бы не очень длинные.

Жюмель рассмеялась.

— Да здравствуют фибиониты, которые нашли способ сделать тебя хоть чуть предприимчивее! А то сначала ночные бдения, потом возня с подагрой... Я уже начинаю бояться, что ты так и будешь пренебрегать своими обязанностями и моими радостями. А

ведь радость должна быть на двоих.

Смущенный Мишель огляделся, не услышал ли кто. По счастью, его товарищи были заняты другим. Они уже дорисовали круг, очерченный змеей. Симеони положил кисть и подошел к Фернелю, внимательно следившему за тем, что происходит на улице. Они о чем-то переговорили, и Симеони сделал знак Мишелю:

— Идите посмотрите, появился Ульрих.

Взволнованный Мишель еще раз провел рукой по волосам жены и подбежал к окну. Спящий в лунном свете город выглядел призрачным, и над ним громоздилась темная тень замка Эмпера.

Толпа нищих окончательно запрудила улицы. Стоя неподвижно, насколько им позволяли вихляющиеся тела, они глядели на дом. В центре толпы, опираясь на палку, благодушно улыбался Ульрих. Однако физиономия Пентадиуса, стоящего рядом со стариком, скрестив руки, полностью опровергала это показное благодушие. Глаза его сверкали ненавистью, рот кривился, и вся асимметричная фигура дышала злобной радостью. Должно быть, враги Мишеля были очень уверены в себе.

— Не знаю, что может произойти, но лучше бы начать сразу, — озабоченно пробормотал Фернель.

— Думаете, они нападут? — спросил Мишель, подумав, как непрочны двери и окна.

— Это трудно, — отозвался Фернель. — Видите, как медленно они двигаются? Их время растянуто в сравнении с нашим, сообразно более объемной небесной сфере.

Рыжий шотландец, прищулив глаза под морщинистыми веками, подошел к ним.

— Готово, — объявил он на ломаном французском, — Можно начинать.

Прежде чем кто-нибудь успел ему ответить, в комнате раздался тихий, вкрадчивый голос. Каждое слово было пронизано чувством.

— Я жду вас, дети мои. — Говорил, несомненно, Ульрих, но было непонятно, к кому он обращался. — В «Церкви» есть еще место для таких, как вы, и вы знаете, что я не держу на вас зла. Я только не хочу, чтобы разглашали мои тайны. Мишель очень сильно провинился, но дружеское объятие может еще все исправить.

Мишель не смог удержаться и вздрогнул. Тот, кто говорил с ним сейчас, был для него больше чем учитель, он был как отец. Но — прочь все инстинкты и чувства: путь уже намечен.

Ульрих, казалось, прочел его мысли.

— Откажись от сопротивления, Мишель. Зачем тебе это? Ведь я сам нарек тебя главой своей «Церкви», и до моей смерти осталось всего три года. Потом командование иллюминатами возьмешь на себя ты.

Фернель очень волновался, и привычная дрожь в руках стала почти конвульсивной.

— Не слушайте его, Мишель, давайте начинать, пока он не попытался напасть. Мы сможем противостоять, но не знаем, как долго сможем продержаться. Он черпает энергию в Абразаксе, а это означает, что его сила аккумулируется медленно, но практически безлимитно.

Словно в ответ на его слова дом начал тихонько вибрировать, поскрипывая стенами. Мишель, очнувшись, подошел к Жюмель.

— Ты не хочешь еще подумать, сын мой?

— Ступай в пекло!

Голос затих.

Мишель взял жену за руку.

— Ты решилась, любимая?

Она с улыбкой наклонила голову набок:

— А ты что, сомневаешься?

— Нет. Пойдем, — И он увлек ее в центр круга, очерченного змеей.

Симеони и Бассантен со смиренным видом расположились между кругом и окном, Фернель остался с супругами и положил дрожащую руку на их сплетенные пальцы.

— В акте, который вы готовы совершить, нет ничего непристойного. И мужчина, и женщина суть существа несовершенные. Они достигают совершенства, только исполнив древнее чудо единения и соединив свою пульсацию с пульсацией Вселенной: напряжение, усилие, разрядка, расслабление. — Он почувствовал, что его не поняли, и пояснил, не отдавая себе отчета, что высказался еще более туманно: — Простой акт включает в себя формулу всего. Верх подобен низу, микрокосмос подобен макрокосмосу. Церковь запрещает эту доктрину, ибо боится, что она таит в себе истину, отличную от церковной. Но она ошибается: трепет двух соединяющихся тел — это трепет звезд. Ульрих тоже отвергает эту идею, и отвергает сознательно: его космос базируется на ненависти, а ваш — на любви.

Жюмель ошеломленно глядела на Мишеля:

— Что он такое говорит?

В этот момент стены дома завибрировали сильнее. Скрыв улыбку, вызванную репликой Жюмель, Фернель присоединился к тем, кто был вне круга.

— Торопитесь! — приказал он. — Скоро Ульрих обретет всю свою силу.

Мишель с нежностью посмотрел на жену.

— Настало время стихотворения, — сказал он. — Не раздумывая, читай, как читается.

Она кивнула. Ей понадобилось несколько мгновений, потом стихи вылились на одном дыхании.

Ты — это я, а я — это ты.

Там, где ты, там и я.

Я везде.

Если ты захочешь, ты будешь, как я,

А если будешь как я, обретешь и себя.

Мишель тоже кивнул и продекламировал:

Ты — это я, а я — это ты.

Там, где ты, там и я.

Я везде.

Если ты захочешь, ты будешь как я,

А если будешь как я, обретешь и себя.

С улицы донесся неистовый вой, и ясно раздался голос Ульриха, который кричал:

— Хочешь войны, Мишель? Ты ее получишь! Ты мне больше не сын! С этой минуты можешь считать себя мертвым и в одном мире, и в другом!

Стены дома заходили ходуном, и на этот раз сверху посыпалась штукатурка и щепки потолочных балок. Круглая люстра на потолке неистово закачалась. Порыв ветра рванул занавеску, и стали видны зеленые глаза нищих, подбравшихся уже к самым стенам. Несколько тупых физиономий с животным любопытством заглянули в окно.

— Начинайте! — крикнул Фернель, — Начинайте быстрее, иначе будет поздно!

Потрясенный Мишель решительно скинул тунику и выбросил ее за круг. Жюмель без всякой робости поступила так же. Он взглянул на нее и ослабевшим голосом произнес древнюю формулу фибионитов:

— Соединись со мной, во имя Абразакса, и я приведу тебя пред лицо Господа!

Ответ не был предусмотрен обрядом, но Жюмель легонько кивнула головой. Смущенный Мишель слишком хорошо понял, что означает этот кивок. Но его сковали холод, волнение, страх и необычность ситуации. Помимо воли он быстро взглянул на низ живота и обмер от унижения.

Оглушительный грохот донесся из коридора, эхом отдаваясь по всему дому. Люстра раскачивалась все более опасно. Костлявые руки хватались за занавеску, словно стремясь ее сорвать. Фернель, Симеони и Бассантен в волнении застыли на месте: строгий обряд

запрещал им двигаться и реагировать.

Жюмель тепло улыбнулась Мишелю, так, словно в комнате они были вдвоем. Она медленно провела руками по бедрам, потом по животу, приподняла груди, стиснув их пальцами, и протянула мужу тугие, сразу набухшие соски.

С Мишеля будто спали чары, и он ощутил внизу живота сладостную тяжесть: мужская сила наконец пробудилась. Он приник к жене и, отзываясь на улыбку, стал ласкать ее волосы, ее грудь, пока эрекция не достигла полноты. Тогда он нежно завел руку ей под спину, укладывая в центре круга на слово HATHOR. Потом устроился рядом, переплетя ноги с ее ногами. Пальцы ее тем временем бережно помогали ему проникнуть в лоно.

А вокруг них творилось нечто невообразимое. Дверь трещала и подавалась, некоторые из нищих полезли в окно, и кривые ноги, торчащие из-за занавески, свидетельствовали о том, что кое-кто уже сидел верхом на подоконнике. По счастью, их движения были до крайности апатичны.

Трое магов по краям круга сбросили с себя всю свою нерешительность. Фернель поднял лицо к потолку и уверенно начал:

— Священные духи моря сочетаются браком с океаном, и соитие их посвящено первому из трехсот шестидесяти пяти существ, составляющих Абразакс. Как твое имя, Мишель де Нотрдам?

Мишель, обхватив Жюмель, испытывал уже первые содрогания наслаждения, но ему достало сил ответить:

— Сизисоф.

Фернель кивнул.

— Верно. Я посвящаю это мгновение року, богу всех богов. В час первый он имеет вид кота, и имя ему Фаракоунеф.

— В час второй он имеет вид собаки, — продолжил Симеони, — и имя ему Соуфи.

— В час третий он имеет вид змеи, — откликнулся Бассанген, — и имя ему Аберан Немане Фоуф.

Грохот ударов начал стихать, люстра перестала раскачиваться. Нищий, пролезший в комнату через окно, застыл в неподвижности, и из-за занавески высывались спутанные волосы и вытаращенные глаза.

Мишель смутно воспринимал все происходящее. Бедра его ритмично двигались, живот толчками прижимался к животу Жюмель, которая, закрыв глаза, тихо постанывала. Временами глаза открывались и глядели на мужа отрешенным, повлажневшим взглядом. Ногами она обхватила бока Мишеля, помогая и понуждая его двигаться.

— В час четвертый он имеет вид скарабея, — продолжал Фернель, — и имя ему Сезенипс.

Симеони эхом отозвался:

— В час пятый он имеет вид осла, и имя ему Энфанхоуф.

Теперь была очередь Бассантена:

— В час шестой он имеет вид льва, и имя ему Байсолбай, и он контролирует время.

Нищий, пролезший в комнату, поспешно исчез, так же бесшумно, как и появился. Все затихло: ударов не было слышно, люстра больше не качалась. Мишель тяжело дышал, и его дыхание смешивалось с прерывистым дыханием Жюмель. Оба чувствовали, что их наслаждение близится к кульминации.

— В час седьмой он имеет вид козы, и имя ему Оумесфоф, — продолжил Фернель.

— В час восьмой он имеет вид Быка, и имя ему Дати-Фе, невидимый, — отозвался Симеони.

И тут, вместо того чтобы ответить ему в тон, Якоб Бассантен раскинул руки в стороны.

— Час восьмой есть час последний, как и восьмое небо последнее. И они сосуществуют с тремястами шестьюдесятью пятью сферами Абразакса, нашего солнца.

Мишель потерял власть над собой. Неистово сжимая грудь Жюмель, он чувствовал, как волнами изливается семя. Жюмель стиснула ягодицы мужа и потянула его на себя, словно

желая сильнее насладиться влажным даром. Они тесно прижались друг к другу, слившись в одно целое.

Когда же затих последний спазм, Мишель приподнял голову, которая медленно кружилась. Только сейчас он заметил, что на пороге комнаты, опираясь на палку, стоит Ульрих. В глазах старика не было угрозы, только усталость и упрек. Голос звучал слабо:

— Мишель, ты пожелал аннулировать инициацию огнем. Жаль, я так на тебя рассчитывал. Но игра еще не сыграна, и ты это прекрасно знаешь. В ином месте и в другое время мы снова встретимся.

Шаркая ногами, старик удалился. Пентадиус, который, как всегда, стоял у него за спиной, бросил на всех злобный взгляд и последовал за учителем.

Встретившись с глазами Жюмель, Мишель прочел в них счастье и тревогу, словно она ждала неминуемого расставания. Он крепко ее обнял и долго успокаивал ласками и поцелуями, пока Фернель не тронул его за плечо.

— Дело сделано, мы победили, по крайней мере сейчас. Можете одеться.

Мишель неохотно оторвался от жены. Когда они поднимались с пола, Жюмель указала на плечо Мишеля:

— Смотри, крестообразный шрам исчез!

Мишель покосился на плечо и краешком глаза увидел, что так оно и есть. В смущении он встал, опираясь на руку Фернеля. Только теперь он застыдился своей наготы и поспешно поднял с пола тунику.

Жюмель, напротив, голышом чувствовала себя прекрасно. Она спокойно взяла одежду, которую ей протянул Бассантен, и не спеша оделась. Потом заметила:

— Если я правильно поняла, я имею право еще на триста шестьдесят четыре таких мгновения.

Фернель, обычно серьезный, расхохотался.

— Да, мадам, даже если не будет ни молитв, ни свидетелей, ни нарисованных на земле змей. Достаточно будет только призвать одного из хранителей небесных сфер.

Жюмель скорчила гримаску.

— Вот что меня беспокоит: мой муж действует на публике гораздо лучше, чем наедине.

Мишель собрался было возразить, как от удивления у него перехватило дыхание. Симеони отодвинул занавеску, и комнату озарили солнечные лучи.

— Но ведь была ночь! — воскликнул Мишель.

Симеони ответил:

— А почему вы в этом так уверены? Там, где проходит Ульрих, время изменяется, и призраки прошлого и будущего обретают материальность под покровом тьмы. Мы думали, что на улице ночь, а время бежало, следуя неизвестным нам ритмам.

Он указал на улицу.

— Важно то, что там нет больше монстров, а только обычные прохожие. Ну, впрочем, не совсем обычные... прямо к вашему дому бежит мальчик.

— Мальчик?

В дверь постучали.

— Пойду открою, — сказала Жюмель, не обращая внимания на то, что одета в слишком легкомысленную тунику.

Она вернулась вместе с юным пажом в роскошной ливрее, который, хоть и озирался по сторонам вытаращенными глазами, о своих обязанностях не забывал.

— Господа, кто из вас доктор Нострадамус?

— Я, — ответил Мишель.

Паж протянул ему желтый, весь покрытый печатями конверт.

— Сударь, я уполномочен сообщить вам содержание этого послания: вас приглашают ко двору. Письмо написано самой королевой Екатериной Медичи. Вы должны выехать тотчас же.

У всех присутствующих вырвался возглас удивления. Слова Жюмель прозвучали с

горьким разочарованием:

— А как же триста шестьдесят четыре раза?

Но никто не обратил на нее внимания. Фернель положил трясущуюся руку на плечо Мишеля.

— Друг мой, это ваш час, — торжественно сказал он, — Теперь вы настоящий маг, прошедший посвящение добром. Вы можете спокойно, на равных смотреть в лицо власть имущим. Я очень за вас счастлив.

Мишель чувствовал себя не таким счастливым.

— А Ульрих? — спросил он, выразив только одну из всех беспокоящих его мыслей.

— Вы встретите его снова. Решающий бой еще впереди, он сам вам это сказал. Но сейчас пусть он вас не заботит. Бегите паковать вещи!